

И. КОКАТУШКИН

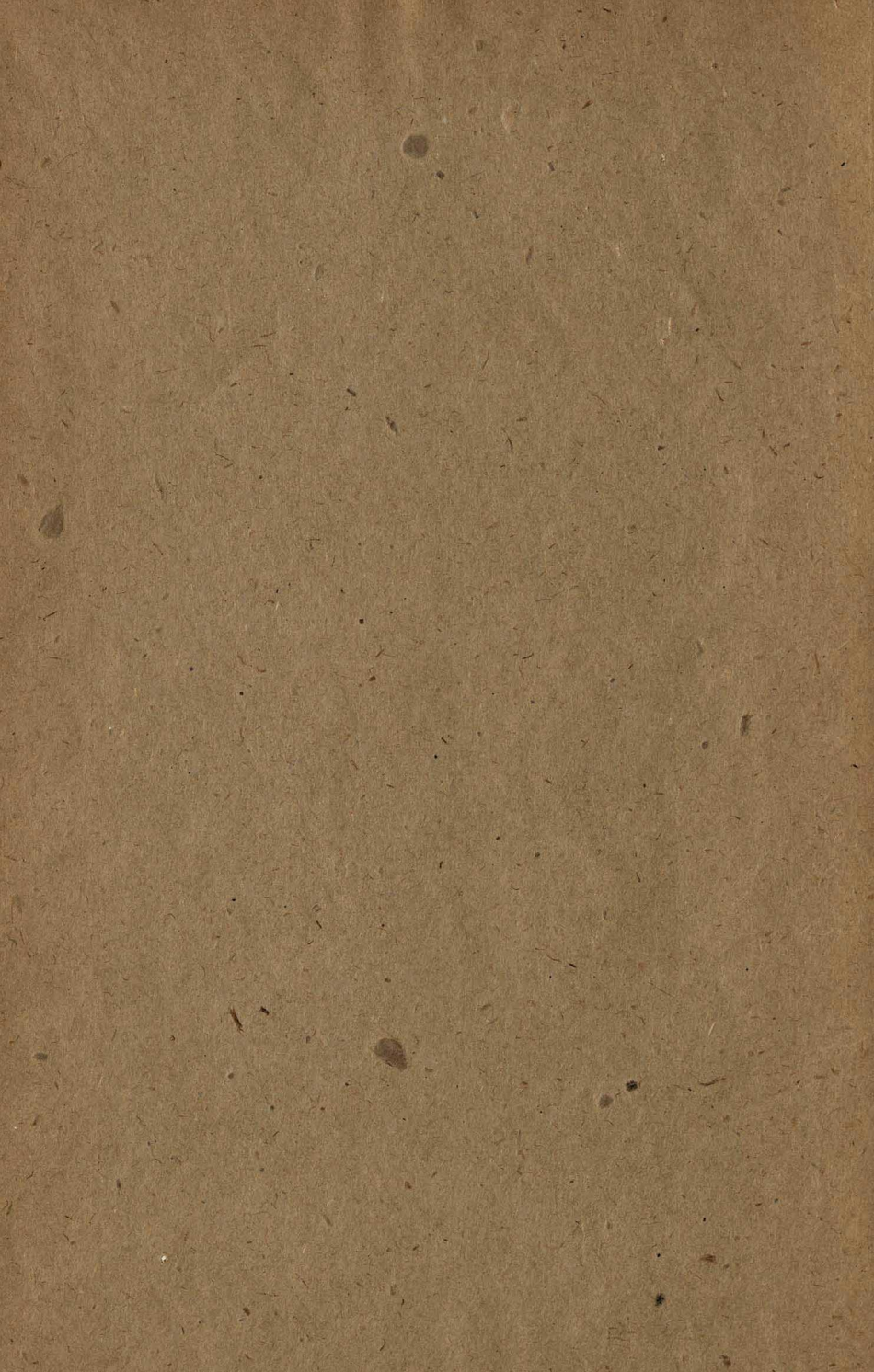
ЭКОНОМ. СУДЕБН.
ПРОЦЕССЫ

У $\frac{276}{412}$

276

4/2

Open

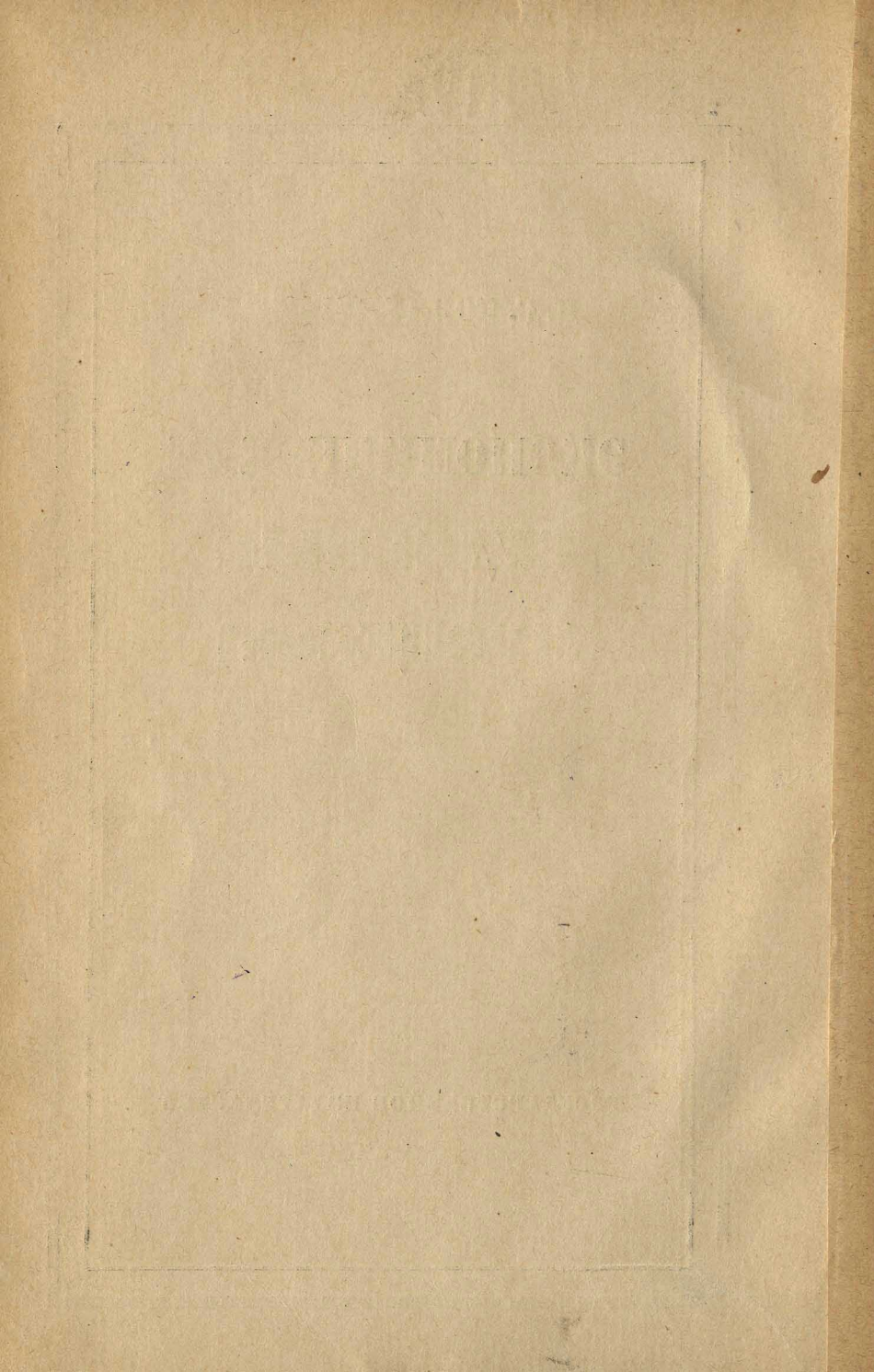
2 руб.

И. С. КОНДУРУШКИН

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
СУДЕБНЫЕ
ПРОЦЕССЫ**

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

276
412

И. С. КОНДУРУШКИН

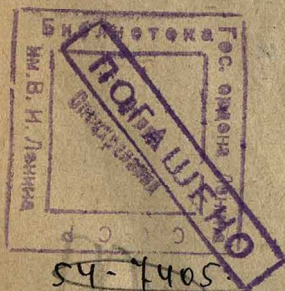
Лит. 35-34

ХОЗЯЙСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ ПЕРИОДА НЭПА

ОБВИНИТЕЛЬНЫЕ РЕЧИ

§1 $\frac{2}{1}$ 34 и 2

29-41812

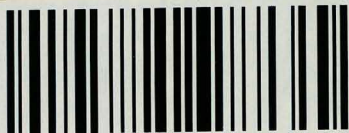

54-7405

Упак 4

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1930 ЛЕНИНГРАД

2011138909

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящей работе приведены обвинительные речи как анализ некоторых крупнейших и типичных хозяйственно-экономических судебных процессов.

В этих процессах — и организационная слабость наших торгово-промышленных учреждений в первые годы новой экономической политики, и случайный подбор (зачастую из прямо враждебных нам классовых слоев) служащих в наших учреждениях, и экономическая слабость нашей подорванной промышленности и неразвившейся еще торговли, и неполнота, неясность нашего законодательства, и недостаток опыта в наших судебно-следственных органах.

В силу последней причины процессы слушались через год — два после их возникновения, причем и само следствие возникало через 2—3 и больше лет после начала преступления.

Самые преступления длились по несколько лет и открывались иногда совершенно случайно (дело Ленинградского военного порта).

По этим же примерам можно, как в кино-ленте, проследить все этапы возникновения и развития частного капитала, сначала в недрах государственных учреждений, затем, как самостоятельного предпринимателя и открытого хищника, далее, как «легально» действующего конкурента против государственных органов.

Наконец по этим же примерам можно проследить и ту эволюцию, которой подвергалась та часть буржуазной интеллигенции, работающей в наших учреждениях, которая не забывала своих кастовых традиций, своих привычек, своего прежнего материального и общественного положения и которая постепенно переходила от мелкого взяточничества к прямому рвачеству, хищничеству во вред социалистическому строительству и на пользу возродившемуся частному капиталу, причем эта связь с частным капиталом иногда принимала характер экономической контр-революции.

Вполне понятно, что в процессах 1924 г., относящихся по своей обстановке в 1921—1922 гг., не могла выявиться эта контрреволюционная роль как деятелей частного капитала, еще только зарождающегося, так и представителей непримирившейся части буржуазной интеллигенции, думавшей прежде всего о спасении своих животных (в кавычках и без кавычек).

Поэтому зачастую в суде ступшевывался тот громадный вред, который вполне сознательно наносился нашему строительству этими взяточниками и хищниками.

Потенциал «шахтинского дела», по существу имевшийся в зародыше в каждом крупном экономическом процессе, долгое время не выяснялся, так как мы только что вышли из гражданской войны, когда привыкли видеть контрреволюцию в заговорах, восстаниях, шпионаже, террористических актах, диверсионных действиях, а не в постепенном и медленном подтачивании промышленности, торговли, транспорта, хлебозаготовок, строительства.

Крупнейшие хозяйственно-экономические судебные процессы дадут ценный материал для экономиста и историка, так как в них можно видеть и ту «неофициальную» сторону работы учреждений в тех или иных областях нашего хозяйства, которая вскрывается только на суде и которая предупреждает об опасностях на пути социалистического строительства.

Такие процессы интересны не только как кривое зеркало известной эпохи, но и тем, что в этих процессах проходили в качестве обвиняемых или свидетелей незаурядные и типичные представители самых разнообразных слоев нашей общественности, получавшие иногда яркое и неожиданное освещение своей общественно-политической физиономии.

И. Кондурушкин.

24 июня 1928 г.

1. ПРОЦЕСС СОТРУДНИКОВ НКПС И МОСМЕТА

Возникновение этого дела относится к 1920 г., и оно занимает период до конца 1922 г.

Это — типичное для первого периода нэпа взяточное дело, когда всякого рода предприниматели, укрываясь под вывеской государственных учреждений, работали как частные подрядчики, причем взятка за предоставление подряда давалась натурой: продуктами, предметами первой необходимости.

Так, под вывеской государственного учреждения Мосмет работал представитель бывш. строительной конторы инженера Бари, подрядчик Лошинский, «заинтересовывая» сотрудников НКПС мукой, крупой, рисом и т. д. Лошинский получал от государства все: инструменты, материалы, подвижной состав, оплату «по себестоимости» и 25% отчислений в свою пользу, не имея сам никакого технического персонала. В результате компания Лошинского, обирая государство, эксплуатировала рабочих, озлобляя и раздражая их.

Лошинского поддерживали во всех инстанциях материально им заинтересованные инженеры и ответственные сотрудники НКПС: Калмычин, Ряснянская, Лебедев, Рубан, Майер, Зак.

В этом деле вскрывается характерная «внутренность» бюрократической работы разных комиссий.

Большинству обвиняемых предъявлено обвинение в даче и получении взяток.

Дело рассматривалось Военно-транспортной коллегией Верховного суда СССР с 3 по 20 июля 1924 г., в составе тт. Егорова, Фрейдсона и Усова. Сущность приговора приводится в конце обвинительной речи.

ОБВИНИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ 13 ИЮЛЯ 1924 Г.

Я хочу, товарищи судьи, отметить некоторые особенности данного дела по сравнению с рядом других дел, прошедших за последнее время перед судом.

При первом ознакомлении с делом, особенно с его документальными данными, все кажется благополучным. Но когда приступишь к изучению документов путем их сличения между собой и с показаниями свидетелей, тогда выявляется их настоящая лживая природа.

СУЩНОСТЬ ДЕЛА

Суть настоящего дела, его особенность и его значение, товарищи судьи, заключается в том, что в этом деле вскрывается внутренняя, скрытая жизнь учреждения. Снаружи все благополучно, формально обстоит все прекрасно, а внутри — мелкие страстишки, мелкие интересы. Это — одна особенность данного дела. Другая особенность, которая встречается и в других делах, это то бесконтрольное доверие, на котором у нас до сих пор на девять десятых держится работа в советских учреждениях.

Обвиняемый Миллье плакался на суде: — да, если бы я знал. Комиссаров доверял Миллье, а Миллье доверял Лошинскому. Здесь все основано на доверии.

А на чем все основано в НКПС?

Мелкая сошка Рубан, с которого начинается это дело, заканчивает, оформляет свои действия в высшем государственном учреждении. И когда мы в дальнейшем проследим все этапы, то увидим, на чем основано движение документов. Оно основано на доверии к знаниям Рубана и Лебедева. Мы видим, что эти люди не заслуживают такого доверия, и если у них и есть знания, то эти знания во много раз меньше их самомнения.

В ходе судебного следствия мы встряхнули ворох документов, из которых многие нам представляли жупелами: — не поднимай, не трогай, это прошло через такую-то комиссию, а это через такое-то государственное учреждение это свято.

У нас нет такого представления о документах. Мы говорим гг. Лебедевым и Рубанам: позвольте из ваших рук эти иконы взять и дайте вас вытащить за ушко да на солнышко, дайте посмотреть, что в ы представляете собой, как вы провели все это, из-за чего и ради чего? Тогда все станет ясно.

Неоднократно во время судебного следствия нам говорили: это утверждено Советом труда и обороны, это подписано коллегией НКПС, и т. д. Подписано, утверждено — значит: мы-де в стороне, мы здесь не причем. А когда мы доходим до этих так называемых «грифов», доходим до того, кто составлял эти бумаги, то мы всегда наталкиваемся на букву «Л», это — Лебедев, или «Р», это — Рубан. А когда мы изучаем причины их действий, то наталкиваемся на крупу, муку.

ЦЕНТР ТЯЖЕСТИ ДЕЛА

Центр тяжести данного дела не в договоре, центр тяжести его во взятке. Главное действующее начало — взятка, главный герой этого дела — Лошинский. Я начну и кончу Лошинским. Все остальное вращалось вокруг него, по его воле, в силу закона тяготения.

Прежде всего, товарищи судьи, я хотел бы развенчать организацию Лошинского, отнять у нее название «государственной» организации, а у Лошинского звание представителя «государственного» учреждения.

Организация Лошинского, как вам известно, товарищи судьи, в 1918 г.

выехала на работы. Первый период, который прошел перед судом, это — работа на Сызрано-вяземском мосту.

Как приступил Лошинский к этим работам?

Приступил он к ним по системе конторы Бари. Первое его действие, это — получение материалов и инструментов с Ивашенковского завода, где остались материалы и инструменты, принадлежавшие раньше известной строительной конторе инженера Бари. Эти инструменты и материалы, конечно, не могли быть взяты Лошинским ни под каким видом, ни под каким предлогом, потому что контора Бари в 1918 г. еще не была национализирована, она являлась еще частным предприятием. И частное предприятие получает, т. е. тащит с Ивашенковского завода инструменты и материалы. Вот с чего Лошинский начинает деятельность своей организации.

В 1919 г. он переходит на работу на Ташкентскую железную дорогу. Лошинский не может сразу получить заказа на Ташкентской железной дороге и появляется в НКПС, где он быстро устанавливает связи. В короткий срок ему удается получить два вагона материалов. Без этих материалов он не мог бы принять работу по договору на Ташкентской железной дороге.

АНАЛИЗ ДОГОВОРА

В период военного коммунизма деньги не имели значения, и Лошинский компенсирует себя натурой. Все его служащие и рабочие принимаются Ташкентской железной дорогой на паек. На первый план выдвигаются личные интересы Лошинского. Мы читаем в договоре следующее: «Предоставить, в случае особых условий, инженеру Бари право самостоятельной закупки предметов продовольствия и право свободного хранения их от всякой реквизиции в районе постройки мостов от Бузулука до Эмбы». Между тем, по характеру работы Лошинского ему нечего было делать в Бузулуке. Но в то время именно туда стремились все спекулянты, так как там было много продовольствия, там были хлебные запасы. Поэтому Лошинский и вставляет себе в договор пункт о праве проезда, закупок и хранения продовольствия в районе Эмба — Бузулук. Лошинскому предоставляется по договору один служебный вагон, два оборудованных вагона-теплушки для артельщика, одна теплушка для раздачи продовольствия, три теплушки для перевозки больных и три санитарных вагона для больных. Ясно основное назначение этих вагонов, принимая во внимание то обстоятельство, что они курсируют в районе Эмба—Бузулук.

Дальше — как определяет Лошинский стоимость работ?

Лошинский любит неопределенные выражения и поэтому о стоимости в § 14 говорится: «Ввиду невозможности установить стоимость принятых по договору инженером Бари работ, управление дороги обязуется произвести оплату всех расходов по таковым работам по себестоимости с прибавлением 25%».

Дальше в договоре есть интересный пункт: «Управление дороги обязано возмещать затраты на все без исключения приобретенные для работ инженера Бари материалы и инструменты, затраты на рабочую силу, затраты на командировочные в размере 100%, затраты на покупку лошадей, сбруи, овса и т. п., на доставку материалов, почтовые и телеграфные расходы» и т. д.

Таким образом, в договоре предусмотрена буквально каждая мелочь, и все эти расходы целиком возлагались на администрацию дороги.

НЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ, А ПОДРЯДЧИК-ЭКСПЛОАТАТОР

Лебедев указывал, что Мосмет — «мощная организация», что НКПС нуждался на Ташкентской железной дороге в услугах Мосмета, в то время как помощник начальника Ташкентской железной дороги протестует против отозвания с Ташкентской дороги трех головных восстановительных поездов НКПС. Итак, свои организации отзываются, посылается туда Мосмет, т. е. подрядчик Лошинский. Ему дана доверенность от имени так называемого «Правительственного правления» Мосмета, которая предоставляла право Лошинскому «принимать всякого рода заказы и подряды от имени Правительственного правления — на условиях по его, Лошинского, усмотрению и вести переговоры как предварительные, так и окончательные». Лошинский имел право нанимать и увольнять рабочих и служащих, производить причитающиеся платежи, определять заработную плату.

Этой доверенностью Лошинскому предоставлялось право передоверять все свои права и полномочия третьему лицу. Лошинский всегда подчеркивал, что он «представитель государственного учреждения», и, следовательно, с ним надо поступать не как с подрядчиком. Если бы он назвал себя подрядчиком, разве его кто-нибудь предоставил бы такие широкие льготы, ничем не оправдываемые и недопустимые по существу положения частной организации? Он прекрасно знал, какие выгоды ему дает звание «представитель государственного учреждения».

Когда я спросил Рубана, почему он внес в параграф «Общие расходы по предприятию» — оплату служащих за время от момента их найма до приезда на место и начала работ, Рубан отвечал: — мы имели дело с государственным учреждением, мы должны были иметь в виду его интересы. Такого отношения Лошинский и добивался, всюду выпячивая свое звание — «представитель государственного учреждения».

Дальше Лошинский появляется в НКПС в мае 1921 г. и опять идет к своему старому знакомому Лебедеву, которому он оказал кое-какие мелкие услуги. Он обращается к нему с просьбой дать работенку его «мощной организации», которая насчитывала к моменту принятия им работы на Западных железных дорогах 16—17 человек. Лебедев посылает его на Западные железные дороги, где он быстро завязывает связи и возвращается 7 сентября с рекомендательным письмом за подписью Дитриха, который тоже называет его организацию «мощной», не зная даже, что за человек Лошинский и видя его в первый раз. На Западных железных дорогах Лошинского встречают как представителя «мощной организации», уславливаются, договариваются и, не проверив состава его организации ни с количественной, ни с качественной стороны, посылают отзыв, который фигурирует в деле как официальный документ.

АНАЛИЗ ДОГОВОРА ЛОШИНСКОГО С НКПС

Теперь перейдем к рассмотрению первого договора, заключенного 6 октября 1921 г. В параграфе 14 установлены 10% отчисления.

В последующей редакции договора по сравнению с первой изменены сроки работ и размер работ значительно сокращен, тогда как процент отчислений увеличен. Оплата расходов на рабочую силу и по содержанию технической конторы предприятия осталась без изменений, но при этом в пункте «д» вставлено уже 15% отчисления Лошинскому от полной стоимости рабочей силы и содержания.

ПРОЦЕНТНОЕ ОТЧИСЛЕНИЕ ПО ПРОЕКТУ ДОГОВОРА

В эти 15% предполагалось включить расходы по поездке технической комиссии Мосмета для составления сметы.

Вам известно, товарищи судьи, что в смете отдельным параграфом имеется расход по составлению сметы — один процент.

Дальше, в число 15% вносят расходы по оплате служащих до выезда их на работы. Затем включается оплата содержания агентов по найму до выезда на работу, т. е. тогда, когда они к работам еще не приступили. В пункт 12 Лошинский включил отдельным параграфом расход по переделкам, вызванным небрежностью в работе. Таким образом выходит, что когда он и его «организация» сами виноваты в недоделках или переделках, то НКПС должен еще оплатить их. К этому договору имеется особое мнение представителя РКИ Западных железных дорог, который справедливо высказывается против такого процентного отчисления. — Если ты представитель государственного учреждения, то каждый расход ставь в смету. Лошинский на это не согласен, он требует в *свое* бесконтрольное распоряжение 25%, с которыми он сделает, что ему будет угодно. Таким образом, отставляя эти 25%, Лошинский, конечно, отстаивает свои собственные интересы. Чем больше будет процент, тем большая доля попадет в его карман.

Договор в указанной редакции поступает в Восстановительный отдел к Лебедеву. Таким образом, договор фактически не был заключен ни в СТО, ни в Межведомственной комиссии, ни в правлении Западных железных дорог, а в комиссии Рубана, т. е. в Восстановительном отделе.

СОЗДАНИЕ ИСКУССТВЕННОЙ ОБСТАНОВКИ ВОКРУГ ДОГОВОРА

При самом создании этой ведомственной комиссии все время упоминаются слова: «срочные работы», «экстренность», «чрезвычайно серьезный вопрос», «срочно настаивает военное ведомство» и т. д. Таким образом этому договору хотят придать особую силу, особое значение, хотя юрисконсульты НКПС и говорили, что договор по сдаче работ Мосмета может быть заключен без проведения через СТО. Нечего, мол, поднимать шум вокруг этого договора, тем более, что сумма, на которую заключается договор, небольшая, всего 5,5 млрд руб. Бывали случаи, что через финансово-контрольный комитет проводились договора на сумму до 14,5 млрд руб. без утверждения их СТО, так зачем же надо обязательно направлять в СТО этот договор на 5,5 млрд?

Все будет понятно, когда мы дойдем до сущности дела. Когда договор попал в комиссию Рубана, первоначальные 15% превратились в 25%, и ясно, кто от этого выиграл.

И Рубан и Лебедев в НКПС и в суде пытались при объяснении такого

увеличения процентов придать этому особое значение. А дело было просто в том, что Лошинскому надо было получить 25% вместо 15.

Я хочу оттенить некоторые документы. В почто-телеграмме на имя ВСНХ от 9 сентября 1921 г. говорится, что вызывается представитель для рассмотрения вопроса о заключении договора НКПС с Мосметом, — «ввиду особой срочности и важности работ, связанных с безопасностью обстановки движения».

Какие громкие слова!

С самого начала договору старались придать особо важное значение. Всем руководили в этом деле два человека и прежде всего Лебедев. Он не только делал доклад в Межведомственной комиссии, он лично составлял и доклад в СТО.

КОМИССИЯ РУБАНА

Договор поступает в комиссию Рубана. Когда мы спрашивали его на суде, кто был председателем этой комиссии, Рубан говорит: — да и не было председателя, все говорили, а я писал. Рассматривается такой важный вопрос, который уже predetermined было заранее внести в СТО, и вдруг такую важную работу ведут по-домашнему.

Напрасно Рубан скромничает; конечно, он был председателем комиссии, и он был редактором договора. Весь черновик договора написан его собственной рукой. Автором протокола тоже был он. И проект постановления комиссии, и проект договора, и все, что в комиссии написано, писал Рубан, и все принято комиссией по его указанию и настоянию.

Кто же были остальные представители в комиссии?

Там был Мусатов, неудачный кооператор, бывший христианский социалист и толстовец. Но там был и представитель РКИ Делеуров. Он категорически возражал против процентных отчислений. Но он остался при особом мнении, никто к нему не присоединился. Когда же мы спрашивали, было ли предъявлено в СТО особое мнение Делеурова, мы получили отрицательный ответ. Таким образом СТО не знал, что при решении данного вопроса не было единогласия. Лебедев ввел в заблуждение СТО, желая протолкнуть договор. В комиссии Рубана договор проходит в редакции, во всех отношениях благоприятной для Лошинского.

ПОЧЕМУ ДОГОВОР НАПРАВЛЕН В СТО

Когда мы спрашивали Рубана, почему он направил договор в СТО, он указал, что договор этот был отступлением от обычных договоров. Кто же заставил их делать эти отступления? Не легче ли было провести это в порядке положения о подрядах и поставках? Конечно, скорее и легче, но это было невыгодно для Лошинского. Тогда нужно было оговорить неустойку, внести залог, чего он избегал. Наконец могли не дать 25%. Он выступил бы тогда как соревнователь, а в СТО он являлся привилегированным и никем не оспариваемым «представителем государственного учреждения».

КОМИССИЯ ЛЕБЕДЕВА

Межведомственная комиссия создается под председательством того же самого Лебедева, который создавал раньше комиссию Рубана. Участвовал в комиссии: представитель НКПС Лебедев, представители ВСНХ, Наркомюста и РКИ.

Мы знаем, товарищи судьи, как создаются комиссии. Представители ведомств получают телефонограмму иногда в тот же день, когда созывается комиссия. По получении уведомления представители направляются в комиссию, часто не зная, для чего комиссия созвана. Представитель, как с круч в воду, попадает в ученую компанию, где Лебедев обращается с договором как жонглер с мячом. В такой комиссии можно слушать ушами Лебедева и говорить его языком.

„СРОЧНОСТЬ“ РАБОТЫ

Говоря о срочности работ, указывают, что военное ведомство уже давно требовало срочного производства работ на Днепровском и Припятском мостах. Из документов мы знаем, что военное ведомство действительно указывало на необходимость этих работ, но в тот момент совсем не настаивало, а даже было против установления постоянного моста на Припяти. Значит, речь шла о срочных работах только на Днепровском мосту, поскольку Припятский до сих пор еще не закончен.

Все ссылки на особую важность работ, срочность задания, военные потребности и т. д. — это пугала, которыми договор украшен, как газетой, чтобы провести его в таком порядке, который бы дал возможность самим Лебедевым и Рубанам — настоящим творцам этого дела — остаться в тени, незаметными и ни за что не отвечающими. Вот в чем причина, почему договор надо было направить в СТО.

Всем постановлениям, телеграммам и отношениям по данному вопросу сопутствует слово «срочно». Но когда мы рассмотрим, как договор фактически исполнялся, то увидим, что срок его был нарушен больше, чем на полгода, и никто не был этим особенно озабочен — ни НКПС, ни военное ведомство.

ПРОХОЖДЕНИЕ ДОГОВОРА

Что же получилось при прохождении договора? Выработан он был Запаными железными дорогами. Там Лошинского знали мало. Ему дали 15% отчислений. Договор поступил к Рубану. Здесь Лошинский свой человек и здесь он уже получает 25%.

Что же сделали следующие органы, через которые должен был проходить договор? Никаких существенных изменений не было. Каким договор вышел из комиссии Рубана, таким он и остался до момента приведения в исполнение.

НАПРАВЛЕНИЕ ДОГОВОРА В СТО

По рассмотрении договора в комиссии Рубана проект направляется в СТО. Интересно обратить внимание на редакцию, с которой обращаются

СТО. Эта редакция составлялась Лебедевым, и опять дается рекомендация Лошинскому, как «мощной организации».

Все это дает основание относиться с доверием к технической солидности государственной конторы Мосмет. Когда приходилось останавливаться на этой технической «солидности», то мы спрашивали Лебедева: «знали ли вы, какой штат у Лошинского?» «Нет». «Знали ли вы, из кого состоит этот штат, что имеет Лошинский в своем распоряжении?» «Нет». Значит, документ, составленный Лебедевым и представленный высшему учреждению, предельно ложный.

Что предлагает НКПС СТО в редакции Лебедева? Очень немного: «заключение договора без торгов, без включения в условия договора залога, уступки и с выдачей Мосмету 25% - ного аванса от стоимости работ немедленно, по утверждению лишь сметы, не ожидая оформления всего договора». Из этого документа ясно, что такому моменту, как заключение договора Мосмета с правлением железных дорог, не придается никакого значения. Это называется простым «оформлением» и объясняется тем, что заключается договор с «солидной государственной организацией».

Как известно, доклад в СТО делался без представления особых мнений, которых, конечно, надо было доложить. СТО утвердил не договор, а протокол Межведомственной комиссии, но этот протокол составлен так, как его понимали и Лошинский и Лебедев, т. е. как им это нужно было.

ТЕХНИЧЕСКО-ФИНАНСОВАЯ КОМИССИЯ НКПС

Следующей инстанцией является Техническо-финансовая комиссия. Интересно обратить внимание на редакцию ее постановления. Во-первых, договор считается уже утвержденным, во-вторых, по этому договору считается законченным все, что нужно, а Техническо-финансовой комиссии он представлен лишь «для оформления».

Что же делает комиссия? Она признает возможным одобрить смету, а мотивировочной части говорит: «указанный доклад был рассмотрен Межведомственной комиссией, которая одобрила проект договора, и протокол комиссии был представлен на утверждение СТО». Далее приводится постановление СТО.

Для чего это перечисляется? Для того, что если, дескать, тут было что неправильно, то «договор уже прошел через СТО».

Техническо-финансовая комиссия считает свое дело чисто-формальным, не рассматривает договора по существу, поскольку он уже рассмотрен Лебедевым, и заканчивает свое постановление словами: «Признала возможным одобрить смету». Таким образом Лошинский забронировал себе 30%, а как выяснилось из заключения экспертизы, он забронировал себе даже и больше, так как начислил 25% не только на общую сумму, но и на командировочные, которые составляют 100% от основной суммы. Таким образом его начисление, кроме 5% на непредвиденные расходы, составляло 33%, а всего 38%.

ФИНАНСОВО-КОНТРОЛЬНЫЙ КОМИТЕТ НКПС

Следующая инстанция, 30 ноября 1921 г., — Финансово-контрольный комитет. Интересно его постановление. Для того, чтобы подчеркнуть, что

Финансово-контрольный комитет, получив договор и смету, считал, что и нельзя изменять, так как они уже прошли все инстанции, — в постановлении указывается, что с «одной стороны, принято во внимание постановление СТО, с другой — особая срочность работ, и что, кроме того, смета рассмотрена и утверждена Техническо-финансовой комиссией, которая тоже оградила себя ссылкой на Межведомственную комиссию и СТО. Финансово-контрольный комитет выносит постановление, гласящее, что «проект договор был рассмотрен в ведомственной комиссии, затем в особой Межведомственной комиссии, созданной на основании постановления СТО, и затем в заседании СТО от 16 ноября 1921 г. проект был утвержден». Это и «принято к сведению».

Итак, ни одна из следующих рассматривавших договор инстанций, которые должны были рассмотреть по существу самый договор и смету, изучить их и изменить те или иные параграфы, не выполнила этого и отходил от договора, перечисляя только все инстанции и комиссии, в которых он был раньше. В результате договор не рассматривается, а принимается к сведению.

КОЛЛЕГИЯ НКПС

Последняя инстанция — коллегия НКПС. Когда договор представляется в коллегию, там тоже перечисляются все эти инстанции — ведомственные и межведомственные комиссии, Финансово-контрольный комитет и др. и указывается, что во всех инстанциях договор уже «рассмотрен соответствующим порядком», т. е. и здесь прохождение договора имело только формальный характер.

УПРАВЛЕНИЕ ЗАПАДНЫМИ ЖЕЛЕЗНЫМИ ДОРОГАМИ

Такой же формальный характер приняло прохождение договора и в Управлении Западных дорог, поскольку в препроводительном отношении НКПС к договору перечисляются все те же комиссии и их постановления: «представляя при сем и т. д.»... «прошу в срочном порядке в соответствии с приложенными документами», т. е. вот вам документы, знайте, где договор был, и не шебаршите. И Управление дорог не шебаршило, а в протокол заседания перечислило снова все эти комиссии и постановления и постановило: «проект договора одобрить полностью без изменений».

НУЖЕН ЛИ БЫЛ ЛОШИНСКИЙ

Как выполнил Лошинский «срочную» работу на Припятском мосту. Эта работа не только не была выполнена, как требовалось по договору к началу 1922 г., к моменту спада верхних вод, но и сейчас, в 1924 г., работа не закончена. Лошинский, вместо двух ферм по договору, извлек, и то не полностью, одну ферму.

Нам говорят, что НКПС не имел своих сил и средств, чтобы извлечь фермы на Припятском мосту. Начальник головных ремонтных поездов (горемов) Дземидович говорит, что его горемы оборудованы лучше, чем работы Лошинского, что у него имеется пневматическая станция, лучшая чем у Ло

пинского. А начальник Западных дорог говорит, что горемы не могли эти работы взять. Кому же в конце концов верить?

Нельзя ли было, наконец, вместо того чтобы прибегать к услугам Лошинского, передвинуть свои организации с других дорог?

Имеется ведомость, подписанная Лебедевым, согласно которой у НКПС этот момент имелось 11 160 чел., занятых на работах в восстановительных организациях, из которых, в частности на Западных дорогах, было три горемы, или 550 чел., и на реке Днепре для срочных работ на Западных железных дорогах — 600 чел., итого — 1 150 чел. Кроме того имелось три мощных восстановительных организации, из которых одна, по окончании работ Лошинским на Припятском мосту или, правильнее, когда его выгнали оттуда, приняла эти работы на себя. А между тем для работ привлекли такую «мощную» организацию, штат которой состоит из 17 чел. канцеляристов, когда нужно было этой «мощной организации» достать домкраты, за домкратами Лошинский обращается к тем же самым горемам, которые эту работу «выполнить не могли». Приходится остановиться на цифре — 11 160 чел.-едоков.

Что же, это все дармоеды? И из этих 11 тыс. невозможно было выделить 17 чел., чтобы они выполнили работу, которую взяла на себя на Припятском мосту организация Лошинского?

Конечно можно было выделить, конечно они не дармоеды. И если они остаются без работы, то в этом виноват тот же самый Восстановительный отдел, который питает «мощную организацию» Бари и не знает, что делают его собственные 11 тыс. едоков.

Так, товарищи судьи, обстоит дело с формальной стороны. Так иногда корыстные побуждения создают обстановку, создают дела, которые впоследствии превращаются в якобы государственной важности дела.

ОБСТАНОВКА РАБОТЫ ЛОШИНСКОГО НА ЗАПАДНЫХ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГАХ

В какой обстановке начались работы на Западных дорогах?

Лошинский умеет устанавливать взаимоотношения с нужными ему лицами, но и для него есть границы возможности. Ему нужно время, и первоначально эти «отношения» у него на дороге не устанавливаются.

Отчет Лошинский представляет, как и раньше, в Мосмет без оправдательных документов.

Относительно сведений о рабочих в судебном следствии отмечался документ, который Лошинский называл «предварительной сметой». Вводя сюда возможно большее число рабочих, Лошинский тем самым раздувал указанную в смете цифру, поскольку «возможное число рабочих» определяло объем заработной платы и процент отчислений.

Лошинский пытался доказывать, что «представление сведений о рабочих в преувеличенном виде ни к чему не обязывает».

В документе указано, что всего состоит на работах 749 человек, тогда

как в отношении Западных дорог говорится, что у Лошинского на работах, даже в самый разгар их, не было свыше 300 чел.

Как давались сведения с работ наблюдающему Дземидовичу и Лошинскому о числе рабочих? Лошинскому посылали сведения на 150 чел., а Дземидовичу на 500—700 и даже 1 000 чел.

НЕДОБРОСОВЕСТНОСТЬ ЛОШИНСКОГО

Как закончил свои работы на Припятском мосту Лошинский? Мы имеем акт от 28 ноября 1922 г., который говорит совершенно определенно о том, что Лошинский закончил работы «на Припятском мосту недобросовестно».

Лошинским включен в число 25% особый расход на оплату помещения и конторы. А на деле? Бесплатно он занимал склад у моста, в 9 м длиною, дом под контору Мосмета, 10 вагонов, находящихся в распоряжении Мосмета, и т. д. Интересно отметить, как пользование вагонами принимало характер кулачества, которое естественно для Лошинского. На судебном следствии и я его спрашивал, почему он не строил помещение для рабочих.

— Они, — говорит, — имели квартиры.

— Где?

— В деревне.

— А платил кто за эти квартиры?

— Они сами.

В акте от 25 марта 1923 г. насчитано за пользование вместо барачков вагонами 588 руб., и указывается, что эти деньги он положил себе в карман. Пользуясь бесплатно вагонами от железной дороги, он таким образом избавился от постройки барачков и «сэкономил». Вообще Лошинский «экономил» на чем только мог.

Совершенно иной характер носит акт от 15 февраля 1923 г. по тому же самому Припятскому мосту. В этом акте «все благополучно», хотя Лошинский после 1 декабря 1922 г. не брался за работу, и, несмотря на это, «положение изменилось». Другая комиссия, обследовав мост через 21½ месяца после первой, находит, что «работы призведены прекрасно, никаких недоделок нет». Лошинский признается невиновным в недочетах работы. Этот акт, возмутительный и преступный, подписан Беридзе и Охотиным, с которыми Лошинский сумел поладить «по-своему».

При такой работе у Лошинского аппетит доходит до того, что он просит выдать премиальное вознаграждение после того, как работы запаздывают на полгода сверх срока и закончены безобразно. Премияльных не дали. И то хорошо.

СОЗДАНИЕ ЛОШИНСКИМ ФИКТИВНОГО КООПЕРАТИВА

Заклучив договор и приступив к работам, Лошинский ищет другой источник средств для бесконтрольного распоряжения. У него уже есть 25%, но этого ему мало. Таким источником является создание кооператива.

В деле имеется протокол собрания рабочих и служащих от 8 декабря 1921 г. В нем указывается, что кооператив организуется для рабочих на За-

надных дорогах, что число рабочих достигает 1 000 чел., что работы Лошинским производятся «по всей линии» Западных дорог, тогда как в действительности никто и не думал сдавать ему работы по всей линии Западных дорог, кроме того, в то время у него не было и четверти того количества рабочих, на которое указывает протокол. Даже в самый разгар работ не было такого количества. Показанные цифры — дутые.

В первом пункте протокола указывается, что «закупка предметов потребления должна производиться в государственных и кооперативных учреждениях республики». Вот какую цель преследовал Лошинский, вставляя в протокол эти дутые цифры — 1 000 чел. рабочих. На этом собрании, оказывается, присутствовало всего 10—12 чел. и не было ни одного рабочего, между тем как кооператив организовывался «для рабочих». На собрании были избраны в члены правления кооператива Колобашкин и Фокин, служащие Лошинского, — хотя они и не присутствовали на собрании. Лошинский вошел тоже в правление, а Мусатов, в то время еще сотрудник НКПС, был избран председателем кооператива. Таким образом в кооператив, цель которого — «снабжение рабочих», избираются совершенно посторонние лица.

РОЛЬ МУСАТОВА

Необходимо отметить и роль Мусатова.

Мусатов был необходим для установления и поддержания связи с начальником Финансового управления НКПС Калмычиным, так как Мусатов и Калмычин были большие друзья. Лошинский — мастер использовать разные связи. Мусатов по поводу кооператива заявил, что он был председатель «липовый», руководил всем Лошинский, и наконец сам кооператив ликвидировался единоличным распоряжением Лошинского. Ясно, что это была не общественная организация, а организация спекулятивная, как это в дальнейшем и выяснилось.

ФИКТИВНЫЙ ДОГОВОР КООПЕРАТИВА С МОСМЕТОМ

Дабы получить средства для кооператива, заключается договор с Мосметом. Подписывают договор: директор Мосмета Комиссаров, Мусатов и Лошинский, причем Лошинский является подчиненным Комиссарова, а Мусатов еще не является служащим Мосмета. Суммы выдаются без срока, с неопределенным указанием «до конца работ». Надо принять во внимание, что уже в конце 1921 г. наметилось катастрофическое падение дензнаков. И в это время выдается сумма в п о л т о р а миллиарда рублей на неопределенный срок.

У Мосмета этой суммы не было, и он выдал кооперативу деньги, полученные авансом из НКПС на заработную плату, для расчета с рабочими. В течение декабря и части января кооперативом было получено п о л т о р а миллиарда рублей, которые обращались на спекулятивные закупки.

СПЕКУЛЯТИВНЫЕ ОПЕРАЦИИ КООПЕРАТИВА

Первая закупка по кооперативу — большая партия мануфактуры. Что сделал «кооператив» с этой партией мануфактуры? Полностью продал ее

на частный рынок. А денежные суммы предназначались ведь для выплаты заработной платы рабочим. Что же рабочие получили от этой операции? Ничего.

Вторая операция кооператива — снова закупка мануфактуры. Закупка была произведена опять на отпущенные на выдачу заработной платы деньги, которые с таким трудом собирались и выделялись НКПС на эти «срочные, нужные и важные, внеочередные» работы. Мануфактура закупается на деньги, отпускаемые исключительно для оплаты рабочей силы. Между прочим ни одна поездка не совершается прямым путем из Москвы в Гомель. Обязательно заезжают в Минск, где Зубчевская, жена Лошинского, закупала контрабанду: дамские перчатки, чулки целыми пачками, пуская их с прибылью в оборот.

С работ между тем поступают телеграммы, что рабочие волнуются, они голодны, закладывают свои последние вещи, требуют расчета, грозя забастовками. Но что за дело Лошинскому до того, как живут рабочие? Он смотрит на рабочего так, как его учили, — как на «механическую силу, на средство производить работу». По выражению свидетеля Шухова: «рабочие — это машина». Интересы Лошинского соблюдаются; он получает деньги за зарплату, а обращает их на спекуляцию.

ВОЕННАЯ „СРОЧНОСТЬ“ РАБОТ ЛОШИНСКОГО

Теперь остановимся на военной «срочности» работ. Я этот момент отмечаю только для того, чтобы показать, как Лебедев и Рубан проводят договор, придав ему ненужную срочность и важность, «исключительное» государственное значение, заставив НКПС «тянуть из себя жилы» на финансирование работ.

В деле имеется телеграмма из Цупвосо от 11 января 1922 г., в которой указывается, что на Полоцком мосту необходимо к весеннему ледоходу поднять упавшие фермы.

Что нужно было?

Нужен был только аванс в миллиард рублей в январе 1922 г.

В конце января аванс еще не был отпущен, в апреле продолжают еще совещания о выдаче сумм. Вот где подлинное преступление Восстановительного отдела НКПС, т. е. Лебедева и Рубана. Они принимали меры к финансированию Лошинского на его спекулятивные операции, в то время как Полоцкий мост был снесен из-за того, что во-время не было отпущено всего один миллиард рублей. Вместе с Полоцким мостом был разрушен и ниже лежащий мост.

Теперь на восстановление Полоцкого моста нужно 20 млрд руб.

Что же, отпущены эти средства? Нет.

Я обращаю ваше внимание, товарищи судьи, на то, что это относится к 24 апреля 1922 г., а 25 апреля и 3 мая Лошинскому отпускается 25 млрд руб., за счет уменьшения кредита Орловско-Витебской железной дороги, в ведении которой находился Полоцкий мост.

ЗАДЕРЖКА ЛОШИНСКИМ ЗАРПЛАТЫ

Задержки в выплате заработной платы производились систематически не за отсутствием денег, а при наличии у Лошинского денежных сумм на заработную плату.

В январе 1922 г. происходили волнения рабочих. Надо было выдать по Днепропетровскому мосту на заработную плату 1 041 млн руб. и по Припятскому 504 млн рублей, т. е. всего 1 500 млн руб. Как раз эта именно сумма и была истрачена Лошинским на его «кооперативные» операции.

Когда же выдавалась заработная плата?

Из документов видно, что по Припятскому мосту выдано за январь лишь 31 января, а Лошинский получил деньги 6 декабря 1921 г. и 3 января 1922 г.

Как выдавалась рабочим прибавка? Цены, начиная с марта месяца, сильно растут, и интересно сопоставить получение Лошинским сумм с выплатой рабочим прибавки и разницы, вследствие падения курса рубля. Так, например, за первую половину февраля выдается прибавка лишь 13 апреля и то только в размере 50% к февральским ставкам. Между тем с 1 февраля по 25 апреля у Лошинского было девять получений денег от НКПС. Из актов от 10 и 12 июля 1922 г. видно, что была трехдневная забастовка вследствие неполучения денег. Дальше, из другого акта от 15 июля видно, что были еще две забастовки; выплачено за пять месяцев с большим опозданием рабочим и служащим конторы Припятского моста 13¹/₂ млрд руб., тогда как Лошинский до 10 июня получил 95 млрд рублей.

ЭКСПЛУАТАЦИЯ ЛОШИНСКИМ РАБОЧИХ

Лошинский выжимает и выколачивает свои доходы из чего угодно. Он не оплачивает прогульных дней не по вине рабочего.

Что же произошло в результате подобной политики Лошинского?

Целый ряд волнений, целый ряд недовольств рабочих. В судебном следствии прошло 13 телеграмм, в которых говорилось о волнениях рабочих, о недовольствах рабочих, о забастовках, о требовании немедленного расчета. Лошинского спрашивали на суде:

— Почему вы требовали предоставить вам право наложения наказания на рабочих? Что у вас, штрафной «батальон»?

Он привык считать, что «рабочие волнуются зря», он «сам знает», сколько платить, кого уволить, принять и т. д. Частный подрядчик, получивший работу в государственном учреждении и действующий от имени государственного учреждения, создал обстановку, в которой рабочие неоднократно выражают свое недовольство, и еще хочет присвоить себе права и функции помещика!

На суде оглашался протокол заседания гомельского союза металлистов, из которого видно, что администрация Гомельской конторы Лошинского ведет агитацию против вступления в профсоюзы, не принимает рабочих, которые связаны с профсоюзом. Я полагаю, товарищи судьи,

что это есть действие, именуемое контрреволюцией.

Из отношения мастеровских видно, в каком положении находятся рабочие: «в бараках нечистоты, матрацев нет, полотенец нет, мыло не покупается, спецодежда не приобретается».

Спрашивали на судебном следствии Лошинского: «А газеты для рабочих вы покупали, ведь это же гроши, ведь вы же в Ленинграде тратили большие деньги на безделушки?» — Нет.

Еще при самом заключении договора, в 1921 году, ВЦСПС обязал Лошинского заключить коллективный договор с рабочими, но до 26 августа 1922 г. договор не был заключен.

Отмечу еще одно из действий Лошинского в отношении рабочих, в связи с кооперативом. В протоколе собрания рабочих было указано, что рабочие отказались от мануфактуры. Мануфактуру рабочим меняли на картофель и меняли так, что картофель обходился им дороже, чем на частном рынке. После собрания рабочих 10 апреля 1922 г. рабочие потребовали, чтобы Лошинский выслал им на место заработную плату, и оставили своих представителей, чтобы они получили от Лошинского полностью деньги.

В дальнейшем мы видим, что сделал Лошинский. Он не только умеет устанавливать систему взяточничества в советских органах. Он и рабочих умеет развращать, так как он покончил дело с представителями рабочих при помощи взятки.

ПОЕЗДКИ В ЛЕНИНГРАД

При той полной безотчетности, которая установилась у Лошинского с Мосметом «по примеру прошлых лет», было ясно, что он имел возможность не только бесконтрольно пользоваться отчислениями, которые передавались в его распоряжение, но имел возможность добавлять и кое-какие другие суммы. Проходит несколько поездок Лошинского в Петроград. Лошинский ездил туда под видом официальных «командировок» для покупки инструмента, инвентаря и материалов, необходимых для работ на Западных железных дорогах.

Первоначально Лошинский не указывал, что счета, представленные по этим поездкам, напечатаны им самим. Лишь когда выяснилось, что по делу может быть привлечена в качестве обвиняемой его жена, он принял на себя ответственность за печатание этих счетов. Напечатаны они были на общую сумму в 48 млрд руб.

Лошинский приписывает к этим счетам 15% комиссионных. Эти 15% составляют 7 млрд руб., что в переводе по курсу рубля на июль месяц 1922 г. составляет 5800 зол. руб.

Таким образом Лошинский зарабатывает средства. С ним в Петроград едет и его жена Зубчевская. Первый раз она едет в мае 1922 г. и берет, по ее словам, свои «сбережения» 75 червонцев. Она «сберегла» их, когда служила машинисткой.

Имеется и другой случай такой поездки, в мае 1923 г. Из показаний Зубчевской выходит, что она произвела покупки на 100 червонцев, данных ей отцом, а ее отец бывший почтовый служащий, безработный.

Покупки Зубчевской, а их множество, могут быть оценены в 4 тыс. руб. Истрачено на что же? — на ковры, картины, вазочки, пепельницы, папиросницы, пудреницы, часы, сервизы и т. д. Эти покупки делались, конечно, на краденые государственные средства, а не на «сбережения» машинистки Зубчевской, не на сбережения отца Зубчевской, который занимался перепродажей вещей у Лошинского и спекуляцией, покупая ему банкноты.

ОПЕРАЦИИ ЛОШИНСКОГО

У Лошинского есть еще один источник средств: он, уезжая в командировки, получал громадные суммы. Он имел возможность привести из Петрограда инструментов и материалов на 12 — 13 тыс. руб. золотом. Эта сумма ему была дана в дензнаках, и с ней он мог оперировать как угодно. В Гомеле нельзя было производить операции с банкнотами, долларами, фунтами, — в Петрограде он их производит.

В блокнотах Лошинского имеется целый ряд записей закупок валюты, с отметкой реализации таковой. Вообще в средствах Лошинский не стеснялся. Это вполне понятно, так как в Грозном ему дается не 15%, а 50. Это составляет 8 тыс. руб. в год, кроме жалованья. Процентные отчисления по Западным железным дорогам составляют 3 тыс. руб. зол. Таким образом он получил 11 тыс. руб. зол. в год, не считая своего содержания в удвоенном размере, потому что он получает основное содержание и командировочные. Двойной оклад, процентные отчисления, непредвиденные доходы: от операций со счетами, от операций с червонцами, комиссионные — приходится удивляться нашей щедрости.

Так создавалась вся обстановка этого дела, преступная, гнусная, омерзительная, когда человек на государственные средства развращает и своих подчиненных и целые советские учреждения.

ДАЧА ВЗЯТОК ЛОШИНСКИМ В НКПС

Вот основные моменты проведения договора, и результаты, которые получились от работ Лошинского на Припятском мосту.

Откуда же такое внимание к Лошинскому? Лошинский говорит в своих показаниях откровенно, и эта откровенность доходит до цинизма, когда он заявляет, что у него «такая система». Он приезжает на место и сейчас же устанавливает «хорошие взаимоотношения» с нужными ему лицами. В чем заключаются эти хорошие взаимоотношения? В том, что он «тратит мелочи», как он говорит, на этих нужных людей. Лошинский пытался объяснить со своеобразной психологией кулака-хищника, что такие подарки, которые он делал из государственных средств, являются законными, что их он делал в «государственных интересах». Я первый раз слышу такого цинично-откровенного человека, который прямо говорит: «да, я давал, даю и буду давать взятки. Это моя система». Этой системой он начал свою деятельность, когда пришел в 1920 г. к Лебедеву и передал ходатайство об отпуске ему материалов. Лебедев пошел охотно ему навстречу: отпустил два вагона материалов, а затем обратился

к Лошинскому с просьбой привести ему продуктов с Ташкентской железной дороги: «В Москве голодно». Для Лошинского же это ничего не стоит: когда он получает такую подачку, как два вагона материалов, ему ничего не стоит привести несколько пудов продуктов для чиновной братии НКПС. Такой привоз продуктов практиковался, по показаниям Рубана, с 1918 г. до 1923 г. И такую взятку люди пытаются объяснить особо тяжелой обстановкой, голодом, холодом и т. д. Чиновная братия, сидящая в Москве, обеспечена хотя и плохим пайком, квартирой, имеет и материальный запас, в виде белья, мебели и т. д. Ведь у них, инженеров, которые получали когда-то немалое содержание, что-нибудь осталось, и эти-то люди говорят о голоде, о необходимости получать те фунты и пуды, которые им привозили. Они не хотят назвать это взяткой, а называют «человеческим состраданием и товарищеской услугой».

Лошинский увидел Лебедева и Рубана в первый раз в жизни, попросил материалы, ему дали. Лебедев вслед за этим дает ему список на 15 человек с просьбой привести им продукты. Лошинский с удовольствием привозит. В то же время ему якобы уплачивают деньги. Он эту плату, по выражению одного из обвиняемых, кладет в жилетный карман, как «трамвайную мелочь». Это означает, что дали «плату», которую можно бросить в мусор.

Понятны и дальнейшие услуги, когда Лошинский приезжает на Ташкентскую дорогу, и ему из НКПС шлют все, что он ни попросит. Его посланный получает инструменты, их отправляют скорым поездом, вне очереди. Зная систему Лошинского, можно предположить, что он сам приезжал в НКПС также не с пустыми руками, а всегда привозил хотя бы несколько десятков фунтов изюму. Ведь такие «советские работники» дешево покупаются.

В 1921 г. Лошинский появляется в НКПС, как старый знакомый, для получения работы. И Рубан, и Зак, и Лебедев, и Калмычин, и Майер смотрят на вещи просто: откуда бы ни получить, лишь бы получить. Согласие дается, и начинается привоз: муки, крупы, посуды, галош, чаю и наливки. Зак исполняет роль капитанармуса. Продукты делятся то у Лебедева на квартире, то у Зака, список дает Лебедев. Дележи производились даже в вагоне и в магазине. Зак, когда ему Лошинский не додал одной пары галош, надоедал ему несколько недель, покуда Лошинский не приказал эту пару галош купить на рынке, чтобы отделаться от Зака.

Но ведь не только таким образом можно давать взятки. Самая простая форма взятки — денежная. Я считаю безусловно установленным фактом — дачу денег Лошинским и Мусатовым Калмычину через его жену Ряснянскую. Таких посылок денег Иванова насчитывает 13 или 14. По записной книжке Мусатова денежных видов дачи установлено 16.

УСТРОЙСТВО ЛОШИНСКИМ ВЕЧЕРИНОК КАЛМЫЧИНУ

Кроме этого был еще особый вид взятки — устройство вечеров. Вскоре после получения первого аванса в 50 млн руб., который выдан был по распоряжению Калмычина на организационные расходы, Лошинский устраивает вечер.

Калмычин в то же время получает спирт от Мусатова и продукты из кооператива. Мусатов на него тратится и эти траты относит за счет Лошин-

ского, а Калмычин, наивный ребенок, и «не подозревает», почему вокруг него вьются эти люди. Он распоряжается денежными суммами, он может деньги выдать или отказать в их выдаче, а он «не понимает», почему за ним так ухаживают. Если Калмычин думал, что Мусатов дает ему продукты, как друг, то он, член партии, которому партия доверила ответственную работу, должен был знать, что взятка не в 1922 г. только появилась, что она старое, проклятое, еще неизжитое зло. Он должен был быть более чуток на этот счет. А он не только не чувствует этого, но принимает подарки, идет на вечера, где напиваются до безобразия, до того, что загаживают комнату, устраивают попойки с цыганским хором, пением и плясками. Калмычин, член партии, напивается до безобразия и пляшет русскую среди разного сброда. Можно только сказать: как низко пал этот человек!

Все эти преступления прошли в самую тяжелую годину для Советской республики. Конец 1921 и начало 1922 г. был голодный год, когда на Волге 25 млн людей были поставлены под угрозу смерти, когда люди валенки свои варили и ели. В это время «голодные» сотрудники НКПС устраивали танцы, вечера, опивались и обжирались, и совесть Калмычина спала. В то время, когда он извергал из себя излишне съеденное и вышитое, когда он получал эти приносы от Мусатова, — подумал ли он о голодающих на Волге?

Нам все время здесь говорят: ведь был голод, а умирал ли кто-нибудь из советских работников от голода в Москве? А сколько их умерло на Волге? Не тысячи, а десятки тысяч.

Перед нами здесь нет ни рабочих, ни крестьян, темных, малосознательных, не понимающих, что они творили. Все это люди с высшим или средним образованием, которые прекрасно знали, что они творят, знали, что их ждет, и, несмотря на это, они шли на это вполне сознательно и открыто, зная, как борется советская власть со взяточничеством, зная, что советская власть шаг за шагом старается искоренить это преступление. Какую же надо иметь уверенность, думая остаться безнаказанным? Нет, товарищи судьи, это не уверенность, а это старая проклятая психология людей, не примирившихся с нашей действительностью, и я говорю: раз они на это открыто шли, пусть они теперь за это и получают то, что заслужили.

Приговором Военно-транспортной коллегии Верховного суда СССР от 20 июля 1924 г. все привлеченные обвиняемые осуждены к различным срокам лишения свободы — от 1 года до 10 лет, причем КАЛМЫЧИН, РЯСНЯНСКАЯ, ЛОШИНСКИЙ, МУСАТОВ, ФОКИН — с поражением в правах.

II. ДЕЛО О ХИЩЕНИЯХ В ЛЕНИНГРАДСКОМ ВОЕННОМ ПОРТУ

Начало преступлений по этому делу относится к 1919 г. и занимает период до конца 1924 г., т. е. почти 6 лет.

Это дело — типичное для характеристики хищнического периода «первоначального накопления» частного капитала.

Дело дает полную картину, как работал частник-наживатель в недрах наших учреждений в период военного коммунизма, как он позже выходил на «самостоятельную» дорогу.

Это дело дает и представление о том, как в течение 6 лет, в обстановке умышленного хозяйственного хаоса, умышленно запутанной отчетности, правильнее — полной безотчетности и бесконтрольности, в недрах наших учреждений орудовали хищники. Здесь мы видим, как случайно происходил подбор сотрудников в наших учреждениях из чуждых и прямо враждебных нам элементов.

Действиями хищников причинен государству прямой убыток на сумму около двух с половиной миллионов рублей, причем лишь один агент порта, Линберг, расхитил и спустил на частный рынок более половины всего похищенного.

Всего привлекалось по делу 123 чел., из коих частных предпринимателей 68 чел. Интересен и социальный состав обвиняемых по делу: при отсутствии рабочих, большинство — дворяне и мещане — 54 чел.; с высшим и средним образованием — 102 чел., из них — 32 инженера.

Основное обвинение было предъявлено в даче и получении взяток и в хищничестве — 96 чел.; остальным — скупка заведомо краденого, и одному, бывш. командиру Ленинградского военного порта (ЛВП), Зимину, злоупотребление властью и бездействие.

Дело слушалось в Ленинграде Военной коллегией Верховуда СССР с 9 октября по 15 ноября 1925 г., в составе гг. Ульриха, Камерона и Толкачева.

ОБВИНИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ 5 НОЯБРЯ 1925 Г.

ПОДПОЛЬЕ

Перед нами, товарищи судьи, как в кино, прошли те давние годы, которые, казалось, уже были забыты. Какая история прошла перед нами в этом громадном процессе?

Это не наша история, не история советского быта, это — позорная история советского подполья, история уходящих, бывших людей. Какие только типы, какие фигуры здесь перед нами ни проходили: и изобретатели, и актеры, и писатели, и полковники, и инженеры — все свалились в кучу, слились в одной цели, в погоне за наживой. В этом деле, товарищи судьи, подполье нэпа. Мы видим здесь, как возрождался частный капитал, как он продолжал расти, развертываться и крепнуть. И на основании одного этого дела можно сделать вывод об истории развития частного торгового капитала, когда вновь оказался «жив курилка», когда снова возродились прежние, так называемые «живые силы общества». Мы видим, откуда брались у них средства, на чем, как на дрожжах, веходили эти новоявленные богатеи.

БЕСХОЗЯЙСТВЕННОСТЬ

У меня получилось такое впечатление: когда я прохожу по улице днем и вижу воз с имуществом, я думаю, что это везут откуда-нибудь краденое. Когда я смотрю на вывеску частной фирмы, я знаю, что это — наши будущие кандидаты. Даже когда я смотрю на вывеску наших государственных предприятий, я думаю, что там тоже сидят свои Животовы, Путинцевы, Рипсы и действуют Линберги. Это дело — картина позорной бесхозяйственности, которую наш великий учитель неоднократно бичевал.

«Бесхозяйственность, — говорил Ленин, — есть казнокрадство, так как все имущество принадлежит казне, а казна — это советская власть».

ПОДБОР ЛЮДЕЙ

Второе, что вскрылось в этом процессе, — это как не нужно подбирать людей, на что также обращал внимание Ленин. Состав государственного аппарата — это вопрос первостепенной важности. Если он состоит из Животовых, Рипсов, Зиминных, этот аппарат не будет работать, а придет к позорной скамье подсудимых.

ИХ СОВЕТСКОЕ ПРОШЛОЕ

Наконец, в этом процессе вскрылась еще одна сторона нашего быта. Перед нами, товарищи судьи, проходил целый ряд теперь подсудимых, а ранее «уважаемых» советских работников, занимавших большие ответственные посты. Михельсон перечислял целый ряд своих ответственных должностей; здесь перед нами назывались крупные имена. Вот хотя бы Черноморцев, который начал с того, что его «рекомендовали лица, занимающие высокие ответственные посты».

Личности Черноморцева я коснусь впоследствии. Но, когда эти люди здесь не умалчивают о том, что они — бывшие советские работники, ныне попавшие в семью воров, то интересно посмотреть, как они использовали свои прежние служебные знакомства.

Все они, оказывается, прошли через советскую работу. В 1918 — 1921 гг., годы тяжкие, годы голодные, когда питались казенной селедкой, они работали у нас, но как только прозвучал приятный благовест нэпа, в 1921 г. — у них оказались «сбережения», «сбереженные» материалы.

У них остались связи в советских учреждениях, и они не стесняются, будучи на скамье подсудимых, писать крупным работникам и просить от них отзыва, не говоря, для чего им этот отзыв нужен. Достаточно вспомнить письмо Ламдена. Он обращался к тов. Горбунову, прося его дать отзыв о нем. С тов. Горбуновым Ламден работал 5—7 лет назад в течение нескольких месяцев. И этот отзыв Ламден представил как отзыв, характеризующий его в данный момент.

Это — люди запамятливые, расчетливые. У каждого из них есть такие документы, которые они вытащили и положили перед вами и которые хранились у них до нужного момента. Когда подступал Юденич, они зарывали эти документы в землю, а теперь они им пригодились. Все эти Михельсоны, Берлины, Черноморцевы в настоящий момент стараются использовать свои деловые связи, как и раньше они старались использовать их, исключительно, чтобы совершать явно незаконные грабительские сделки.

СТАРЫЕ СПЕЦЫ

Перед нами, товарищи судьи, достаточная группа военных специалистов флота, чтобы сделать вывод о том, что в этой части у нас не все благополучно. Само собой разумеется, я ни в коем случае не хочу, не могу и не имею права обобщать весь командный состав флота в этом процессе, сравнивать всех с Путинцевыми и Животовыми, с Рипсами, но ведь это же в конце концов часть оттуда, и значительная часть.

Эти люди не вошли в нашу общественность. Какую они ведут жизнь? Отсидят 6 часов и уходят в свою узовую нору. Быт их с именинами, с семейными праздниками, с прежними знакомыми не рушился; быт их не тронут, и мы этого быта до сих пор не можем разбить. Покуда они сами не поймут, что настала новая общественность, что поворота к старому нет и быть не может, покуда они не поймут, что мы искренно хотим с ними работать, до тех пор никакие наши мероприятия по отношению к ним не будут достаточны.

Дело не в 500 — 600 руб.; дело не в квартире в 6 — 7 комнат, — мы их не тесним, не забиваем в щели, а дело в том, что они для новой жизни не подготовлены, они не верят в наше строительство.

РАЗМЕРЫ ДЕЛА И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ

Данное дело имеет еще особое значение по своим необычайным размерам. Размеры действительно сверхъестественны и по количеству обвиняемых — 122 чел., и по времени, в которое совершалась эти преступления: с 1919 по 1924 г., включительно. Это же — колоссальный период. И, наконец, по размерам похищенного.

Одним Линбергом (маленьким, незначительным агентом) украдено за это время на 1 083 тыс. руб., всего 1 062 тонны.

Это процесс-монстр. Не довольно ли нам этих процессов-монстров?

Я напомним несколько недавних ленинградских процессов: дело Кожтреста — 25 ч., дело Судотреста — 39 чел., дело Пищетреста — 53 чел., дело Рауспирта — 79 чел., дело Северо-западных дорог — 129 чел. По всем делам значительные убытки.

Что это такое?

Целыми ротами судят взяточников, сажают, а через год они опять на свободе, опять бегают с портфелями, разъезжают на автомобилях, опять работают в советских учреждениях. Что это за наказание? Не пора ли, наконец, с этим покончить?

Не пора ли процессы показательные превратить в процессы истребительные?

Чем же, наконец, воздействовать на этих бывших людей, которых ничто не берет, на эту саранчу, поедающую наше добро?

Каждый раз, когда ставится такой процесс, зарубежная эмиграция и все заграничные «друзья наши» достаточно осведомлены. Они следят, быть может, и непосредственно отсюда, с места, за ходом такого рода процессов и получают точнейшую информацию. Как они используют этот материал, мы хорошо знаем. «Социалистический вестник» вероятно поместит новую статью под заглавием: «Процесс проворовавшихся комиссаров».

Но процесс Животовых и Путинцевых — это процесс старых царских воров, а не советских работников.

Раньше, до революции, таких процессов с таким количеством титулованных обвиняемых не могло быть.

Почему? Потому ли, что тогда честные люди сидели и казны не растаскивали? Достаточно, товарищи судьи, припомнить Дурново, Безобразова, Гурко с Лидвалем, не говоря о том, что ни один казенный подряд и поставка не проходили без воровства и взятки.

А мы видели в царском суде генералов на скамье подсудимых? Их покрывали, а мы своих «генералов» не покрываем. «Если ты растяпа, если ты хлопаешь ушами, если ты протянул руку к народному достоинству, ты получишь то, что тебе причитается».

В докладе о революционной законности тов. Сольц упоминал о такого рода процессах. Подобными процессами мы себя не компрометируем — наоборот: когда в подобных процессах мы сажаем на скамью подсудимых проворовавшихся работников трестов, советская власть доказывает, что это зло она решила вырвать с корнем.

РАЗВИТИЕ ДЕЛА

Это дело, к сожалению, возникло случайно. И когда началось следствие, то, как вы видите, товарищи судьи, у дела потерялись границы.

Первоначально появились трубки, за трубками — другие материалы, появился на сцену Линберг, за Линбергом вытащили Животова, далее идет целый ряд других преступников, взяточников, захвативших весь военный порт. Нити идут к гребному порту, заячьи следы ведут к адмиралтейству, есть указания на Кронштадт, на различные заготовки, на операции известного Загвоздкина и т. д. Из этого дела приходилось откалывать некоторые

части, отрезать их для того, чтобы, наконец, найти ядро и остановиться на чем-нибудь.

Если копнуть прошлое бежавших двух подсудимых: Ландау и Мартынова, не разысканных до сих пор, они добавили бы в свою очередь еще материалов и новых лиц.

Мы видели, товарищи судьи, что представляет собой вся масса подсудимых. Где линия, которая их разделяет?

Все это — клубок перевившихся червей; схвати одного за голову — вытащишь другого за ногу.

Все они сплелись в единстве цели, но не было у них единства действий. Вот почему оказался такой богатый улов, вот почему они тянут за собой десятки других. Цель у них была одна: хапать и наживаться, а действовали они вразброд, как вообще действует частный капитал.

РАБОТА РЕВИЗИОННОЙ КОМИССИИ

Из материалов вы можете увидеть, как шла ревизия по данному делу, происходившая в течение четырех месяцев. Вся работа ревизионной комиссии протекала в невозможных и невыносимых условиях: потребуют справку, ее не дают, спрашивают дела — их не дают. Когда стали искать дела, то они оказались разрозненными, подшитыми в разные папки. Везде и всюду умные, хитрые воры ставят так отчетность, чтобы в ней через полгода или год совершенно невозможно было разобраться. Они умышленно ее запутывают, чтобы ревизия через год сломала б себе там ногу.

В обвинительном заключении имеется фраза: «Ревизионная комиссия обнаружила акты без подписи при раскопках дела». И, действительно, именно «раскопки» обнаружили целые шкапы, где бумаги лежали в ужасном беспорядке, разбитые, разрозненные и неподшитые. Словно Мамай воевал в этом учреждении. Разве это — отчетность?

Это — подготовка к воровству, это уже самое воровство. Доходило до того, что документы похищались у ревизионной комиссии. Когда ревизионная комиссия искала документы, то их подбрасывали в столы.

Кто так работал, чья таинственная, невидимая рука производила такие операции: похищение документов, подбрасывание их в столы? Такие же Животовы и Путинцевы, которые еще остались в порту.

Никогда, товарищи судьи, в проворовавшемся, разложившемся учреждении никакими способами нельзя выловить сразу всех воров, всех хищников, нельзя раскрыть полностью всех хищений, которые были в данном учреждении. Я это особенно подчеркиваю.

Раскрыть все хищения и нам не удалось как на судебном следствии, так и на предварительном следствии, которое тянулось девять месяцев.

ХАРАКТЕРИСТИКА ОБВИНЯЕМЫХ

Переходя к характеристике подсудимых, я должен отметить их поведение как на предварительном, так и на судебном следствии.

Есть виды преступлений, которые могут устанавливаться и считаться доказанными только при сознании самого обвиняемого, например, денежная

взятка. Взятка материального следа не оставляет. Дается она обычно с глазу на глаз, свидетелей нет, вещественных доказательств нет. И тут же самая история: обвинение подсудимых по 114 ст. УК установлено путем их личного признания.

Когда мы говорим о признании, о сознании, это связывается и с понятием о раскаянии. Конечно, это не так. Конечно, не «раскаяние» вынудило их на сознание, а та общая обстановка, которая создавалась при предварительном следствии.

Конечно, не у всех или, правильнее, ни у кого из них не удалось вырвать признание сразу. Каждый из них, приведенный на допрос, дал сначала две строки показаний: «Никаких побочных заработков во время службы в порту не имел». Так показывал Животов, Хлыстов. Так начали Путинцев, Черкасов, Ершов и Жеденов. Все с самым невинным видом, смотря в глаза следователю, с полным сознанием собственного достоинства, заявляли, что «служили честно и никаких преступлений не совершали».

Через два месяца они заговорили. А Гурвич 11 месяцев заперся. Наконец, на очной ставке с Магарилло у следователя, он полупризнал, что знал о взятках. Наиболее яркий пример в этом отношении представляют собой показания Фербера. В течение целого года Фербер отказывался. Каждый раз, когда его допрашивали, он заявлял только о своей честности, требовал вызова свидетелей, требовал документов о его прошлой, беспорочной службе, упорно и настойчиво долбил о том, о чем его не спрашивали: о своей «честной, беспорочной работе». И здесь, на суде вдруг он сознается! Это — кремень-человек, не какой-нибудь безвольный мальчик, это — человек стальной. И он, наконец, понял, что запирательство на суде будет ему только во вред.

Дело прошло три стадии: дознание, следствие и суд. Дознание в ГПУ, дополнительное следствие — у следователя и наконец судебное следствие. Мы нередко видим, что от показаний, данных на дознании, отказываются. Рассадин, например, заявил: «Что-то не по себе мне стало в ГПУ. Наперли, — говорит, — на меня».

Нам понятно состояние человека, которому становится «не по себе». Когда его вызывают со свободы на допрос, у него играют поджилки, он надевает дома старенький костюмишко, очищает карманы, дает распоряжения жене. Он идет в ГПУ, он знает, что рыльце у него в пуху. Приходит. Принял должный вид, руки, ноги дрожат, одет в рваный костюм. Внешне он готов на допрос, но морально он не готов. Он выбит из колеи, и в этот момент, когда расслаблены его силы, его воля, — у него выпадает признание. У него, как из дырявого мешка выпадает все, что у него есть, он ничего не может удержать в себе, потому что он морально расслаблен.

По данному делу мы имеем следующую картину: в ГПУ дал одно показание, потом отказался. Посидел в одиночке — сознался; привезли его в дом-зак, снюхался там, переговорил, посоветовался, — отказался; на суде признался на вопросы председателя, а при допросе прокурора — опять отказался.

Неоднократно мы слышали здесь ложь, но иногда, в показаниях некоторых из обвиняемых, эта ложь принимала особые размеры. Рассадин заявлял почти на каждый пункт: «отказываюсь от своих показаний». Мы слы-

шали, как, уставя проспиртованные глаза в пол, Животов неоднократно изменял свои показания и, наконец, заявил, что «книги 1922 г. никуда не делись, их не искали, они лежат в трибунале». Пришлось наводить справки по поводу этого заявления, давать телеграммы, телефонограммы в Кронштадт, в Москву, рыться в Центрархиве. Насилу нашли дело, представили справку. Оказывается книг при деле нет и не было.

Наконец должен отметить манеру защиты обвиняемых. У каждого из них есть свой конек, свой способ защиты. Одни играют в благородство, как, например, Коченовский и Животов, заявившие: — да, я от Любарского взял взаймы, но признаю, что это взятка. Коченовский «п о н я л н а с у д е», что это была взятка. Недаром один из подсудимых заявил, что его «прокурор убедил» в том, что он виновен, а раньше он этого не понимал.

Как общая линия по всему делу проходило цепляние за каждый мелкий факт, торговля из-за количества: не тонна, а три четверти, не две тонны, а полторы. Конечно, когда я говорю об этих способах защиты, я не предполагаю, что они выйдут и скажут: вот в чем я виноват, вот у меня еще такие преступления. Вполне естественно, что они защищаются, лгут, изворачиваются. Эта самозащита понятна. отмечаю лишь ее особо бесстыдные формы у этих «интеллигентных» людей.

Когда спрашивали Фролова о хищениях, он уже признался, что участвовал в хищении. Он уже приперт к стене, ему некуда деваться, ст. 180-а налицо; — все же он вывертывается: — это хлам был, лом какой-то негодный, мусор; сжег на дрова; купил олифу, — сжег; медь — лом, на дворе валялась, на пустырях. Эти фроловские «пустыри» стали притчей во языцех: как что-нибудь «купят» — везут на какие-нибудь «пустыри» и там сваливают, пусть лежат, никем не охраняемое, тащи, кому нужно.

Еще одно свойственно каждому из подсудимых; это — самозащита отраженным путем: он сам не защищается, а защищает своих подчиненных, как это делал Путинцев. Он себя не защищает, «он брал взятки», а вот его подчиненные «з а с в е р х у р о ч н ы е п о л у ч а л и».

Когда начался разбор о Строительной части, все завозились, зашумели, зашевелились. Почему? Потому, что здесь Магарилло.

Кажется странно, что фигура Магарилло прошла на суде так быстро: мелькнул почти незаметно, постоял перед вами 10 минут и сел на место. А это ведь ц е н т р. Для него — все, и вокруг него — все: и показания Путинцева, и Яцимирского, и Лунда, и Шапошникова — это все для Магарилло. Почему для него? Доказать лояльность его пребывания в военном порту — это оправдать в значительной мере всех и в особенности Зимина. Вот куда направлены были взоры, вот для чего происходила вся эта возня, вся эта подготовка по строительной части. От Магарилло она направлялась отраженным ударом к Зимину. Э т о — ф у н д а м е н т п о д З и м и н а.

Мне хотелось бы знать, товарищи судьи, что сидящие здесь теперь испытывают? Может быть, среди них есть хоть часть таких, которые испытывают общественный стыд, внутренние муки от всего того безобразия, которое развернулось. Я хотел бы, товарищи судьи, найти таких. Быть может, несколько человек и найдется, а в общем все они думают только о том, как бы из этого зала поскорее унести ноги и унести их благополучно, — и больше ничего.

Что говорить о каком-то раскаянии. Мы, марксисты, конечно, не можем верить в какое-то внезапное преобразование человека. Мы знаем, что люди формируются своим бытом в длительное время, а у этих людей, сидящих перед вами, не было данных для нового формирования.

ХИЩЕНИЯ В ТРАНСПОРТНОЙ ЧАСТИ

Переходя к хищениям в Транспортной части, я должен осветить ту обстановку, которая создала эти хищения и их сопровождала: это — прием, учет и хранение грузов. Взаимоотношение отдельных частей военного порта, начиная с 1920 по 1924 г., были, если и не вполне, то все же достаточно неблагоприятны, чтобы на это не обратить внимание.

К таким моментам, которые должны были быть вестником всего того, что вскрылось на данном судебном заседании, должны относиться и те дела, которые возникли в период с 1920 г. по настоящий момент.

Одним из этих дел, является дело Галева, приобщенное к настоящему делу. Галев, начальник Транспортной части, за систематические хищения в складах военного порта в 1920 г. был приговорен к расстрелу, а в 1921 г. Зимин назначается командиром Главного военного порта.

Я полагаю, что когда новый начальник приходит в учреждение, в котором были систематические хищения, то уже одно это обстоятельство должно было обратить его внимание хотя бы на ту часть учреждения, в которой эти хищения были совершены. Хищения же происходили в Транспортной части, начальником которой был Галев.

Что же было дальше?

После Галева сменялся целый ряд начальствующих лиц: Маслов, Волков, Воробьев. Волков был под судом, затем и Маслов: было пьянство, кутежи по ресторанам. Воробьев теперь сидит на скамье подсудимых.

Справки о произведенных РКИ ревизиях в порту говорят о том, что складское хозяйство еще в первый год пребывания там Зимина находилось в хаотическом состоянии. Между прочим, когда он еще не был командиром порта, была создана комиссия Рогова. Эта комиссия создавалась приказом от 12 января 1921 г., и она была распущена 18 января 1922 г. «за недостатком средств». Зимин за все время своего пребывания на должности командира порта не потрудился созвать этой комиссии. Он указывал, что не мог созвать комиссии для учета, потому что для этого нужно было 60 тыс. руб.

60 тыс. рублей сэкономили, а на 2 млн из-под носа растаскали.

Штаты Транспортной части доходили до 5 000 чел. Это была советская саранча. Разве нельзя было из этого штата выделить группу для приведения в какой-нибудь порядок неучтенного имущества? А его было очень много. По данным настоящего дела известно, что есть неучтенное имущество, чуть ли не со времен турецкой кампании. В настоящее время работа учетной комиссии доведена приблизительно до половины.

Военное ведомство — одно из таких, которое получило после революции колоссальное наследство, — громадные запасы всевозможных материалов.

В каком порядке хранились эти материалы, как они использовывались?

Когда Животов поехал в Кронштадт, то он нашел склад, который числился пустым, а на самом деле в нем было ценное имущество. В Ленин-

градском порту тоже есть склады, где кладовщик не знал, что лежит в запертых таким замочком складах, который можно ногтем сдвинуть. А там лежало ценнейшее имущество.

Отпуск имущества производился так, что невозможно установить, где сейчас находится это имущество. Все в хаотическом состоянии, никакого учета и никакой отчетности не велось. Это — беспорядок, который должен был повести к воровству и хищению.

Не было учета ценнейших грузов, которые были эвакуированы в свое время при опасном положении Ленинграда и стали возвращаться вновь в порт в 1921 г.

Как происходила приемка этого имущества?

Нижегородские грузы пролежали полтора года без приемки на складе, в результате чего было украдено 16 т меди. Имущество Подводного плавания, 131 т, лежало 5 лет незаприходованным в Новой Голландии. Вероятно, Зимин не раз об этот груз спотыкался. А когда ему на следствии задали вопрос об этом грузе, он заявил, что ничего не знает и не может объяснить, почему не принималось имущество Подплава, а на суде он даже говорил: — Рипса нужно спросить.

За время командования Зимина были следующие недостатки: в 1922 г. — 47 актов, в 1923 г. — 25 актов. Хищения происходили с 1919 г. по 1924 г. включительно. За одним Линбергом числится 34 хищения в 40 различных наименований. В 1919 г. им украдено, как выяснено по данному делу, на 1 600 руб., за 1920 г. — на 24 625 руб., в 1921 г. — на 72 237 руб., за 1922 г. — на 177 625 руб. и в 1923 г., последний год Зимина — на 807 763 руб. Вот как-то результаты хозяйствования Животова, Зимина и Компании.

Для того, чтобы показать, как работала приемочная комиссия, приведу один документ, — это акт приемочной комиссии, от 12 сентября 1924 г. В средней графе обозначается то, что должно быть предъявлено при приемке. Как видно из акта, вся графа пуста, ничего не было предъявлено, потому, что по этому акту все украдено. Подписано: «Означенное имущество предлагается записать на приход».

Выходит как будто действительно по Транспортной части Зимин не при чем: принимал грузы Линберг. Крали: Фролов, Рассадин. Наблюдать за приемкой грузов и за поступлением их на склад должен начальник Транспортной части, который подчиняется начальнику Хозяйственного отдела и через него Зимину, т. е. спросите начальника Хозяйственного отдела. Да, мы спросим начальника Хозяйственного отдела. Безусловно отвечает Копысов, и Животов не с боку припека.

Но кем являлся Зимин в отношении Копысова и Животова? Приживальщиком при них или руководителем их действий? Должен ли он был требовать с них отчет, проверять их и свои распоряжения или только писать резолюции?

Нас не этому учили. Зимин, как член партии, должен знать, чему учил нас тов. Ленин. Он учил тому, что, если отдаешь распоряжение — проверяй, исполнено ли оно, а не клади только резолюции на документах, они будут бесполезны.

Такое положение, при котором сейчас не найдешь виновного и мельчайшая единица в аппарате, маленький агент по приемке грузов, Линберг,

оказался крупнейшей фигурой, может быть объяснено только общей схемой управления, бюрократизмом, при котором сверху управляют мановением руки, только, так сказать, благословляют, а что делается — никогда не проверяют.

Это — образец бюрократизма, который проявляется не только в волоките и в канцелярщине, в пустой ненужной формальности, а в том отношении к делу, когда начальствующие лица не знают, что и как делают их подчиненные.

О многих хищениях Линберг показал, что он их производил один, самостоятельно, без чьей-либо помощи. Это понятно, когда он производит хищение грузов бездокументных. Там ему никого не требуется: у него постоянная уверенность; дубликаты железнодорожных накладных с него не требуют, он их побережет и сжигает. «Недостачи идут своим чередом», как показывает Дарский. Но когда Линберг производит хищения грузов документных, ценнейших, то как он мог их производить один? И заметьте, товарищи судьи, что в показаниях о хищении трубок он не назвал ни одного должностного лица.

Вашему вниманию, товарищи судьи, я представляю диаграмму взаимоотношения Линберга с теми лицами, с которыми он был связан. Линберг помещен в центр, потому что его поместила туда обстановка данного дела. Вокруг него сконцентрированы непосредственно связанные с ним лица.

Обращает на себя внимание большое количество так называемых «комиссионеров». Каждый похищенный предмет, пока он не исчезает в пространстве, проходит целый ряд комиссионеров. Возьмем хотя бы трубки, прошедшие через Марковича. Трубки попадают к Рассадину, он дает их Марковичу на комиссию. Все вьются около этой операции, как шакалы, чтобы заработать на этом деле. Но Маркович продал трубки непосредственно Преловскому, а Казаков и Константинов остались ни с чем. Все материалы проходили через 3, 4, 5 инстанций, и всегда около каждой продажи собирается куча комиссионеров.

Для чего нужны эти «комиссионеры»? Разве Линберг не мог сам непосредственно найти Преловского? Ведь он прекрасно знал, что в Ленинграде есть такой известный кроватник. Это — заячья манера, товарищи судьи, обегать и путать следы. Заяц делает это из трусости, а здесь, кроме трусости, была и хитрость. Эта тактика является необходимой принадлежностью мошеннических сделок. Чем больше «комиссионеров», тем труднее найти следы. Почти в каждой сделке мы наталкиваемся на то, что когда похищенное доходит до последнего лица, участвующего в этой комбинации, то это лицо сделало все возможное для того, чтобы затерялся след.

В 1922 г. много такой мошкары вертелось вокруг советских учреждений и зарождающихся частных предприятий. Халтурили все: и врачи, и артисты, и художники, и акушерки — бесконечное количество тех, кто никогда никакого отношения к торговле не имели. Все они стремились «заработать». Но их роль заключалась еще в мошенническом заметании следов.

Я считаю, что могу дать такое определение комиссионеров: комиссионеры в данном деле укрыватели следов краденого.

Я уже указывал, товарищи судьи, что способ хищений был необычайно прост. Почти все украденные Линбергом грузы вывозились прямо и непосредственно с вокзала Октябрьской железной дороги. Вывозили пособники, так называемые «скупщики», по существу просто участники хищений. Дальше начинались «пустыри», пока материал не попадал в частные руки. Иногда он попадал, пройдя ряд комиссионеров и передаточных инстанций, опять в государственные учреждения, вроде Ижевского завода.

Приходится отдельно выделить должностных лиц Октябрьской железной дороги потому, что через этих лиц и должны были начаться хищения Линберга. Тут, товарищи судьи, эта кажущаяся простота хищений находит объяснение. В самом деле, в течение 5-6 лет грузы вывозятся с железной дороги по подложным документам или без всяких документов. Приезжают, накладывают, и грузы пропускают, дают номерки.

Рассадин указал в своих показаниях, что Линберг спаивал администрацию, задабривал ее и втягивал в непосредственное хищение. Линберг был связан с администрацией железной дороги, и, как говорил Рассадин, это знакомство стоило ему дорого: были пики, угощения.

Из администрации железной дороги перед нами, товарищи судьи, предстало двое: Гржибовский и Яковлев. За ними насчитывается три случая участия в хищении. Все они относятся к 1923 г. Это — хищения стального троса, брезентовых мешков, 4 вагонов кокса, 15,5 т гвоздей.

Следующий из должностных лиц, который участвовал в хищениях Линберга, был Пономарев. Перед нами прошел этот опасный простак, который в своих странных и даже смешных показаниях заявил, что ему нужно было участие Линберга потому, что он не знал, куда обратиться без Линберга и как произвести продажу. «Вот штаны продать я мог бы, а материалы не мог, — сказал Пономарев на суде». Недолго он работал, но похищено им изрядно. Всего по двум операциям, с архангельским и мурманским грузами — свыше 16 т на 25 тыс. руб. Когда его спросили, почему он и само продал, он ответил: «Была одна продажа, ну я и решил, пусть и сала не будет. Я думал, что этим не нанесу большого ущерба».

Я отношусь с доверием к показаниям Пономарева. Он таков и есть, как прошел перед нами. Вот образец должностных лиц, которым вверялись ценные грузы.

Следующим должностным лицом, которое принимало непосредственное участие в операциях Линберга, был Ильин. Старый чиновник, каких мы встречали неоднократно. Это — тип хозяйственного вора, который замечает следы в течение целого ряда лет и наконец попадает на каком-нибудь пустяке.

Далее — Голосницкий. В порту служил с 1919 г., окончил духовную семинарию, сын диакона, в настоящее время — артист.

Каким образом артист оказался главным смотрителем порта? Что он имеет общего с хозяйственным делом? Понятно, почему всех этих людей потянуло на хозяйственную работу в советские учреждения: тут тяга на запах.

Всякие воровские сделки, всякие мошеннические комбинации всегда начинаются с совместной выпивки, с бутылочки, рюмочки и т. д. Мы знаем десятки дел, относящихся к 1922 — 1923 г., когда комбинаторы-спецы, вроде Пляцкого, затягивали руководителей учреждений, ответственных

советских работников в пьянку: начиналось с бутылочки спирта, принесенной во-время, «по случаю болезни». Не отказался и довольно: «спец», взяв палец, забирал всю руку. Дальше начиналось расширение: понадобились средства — предлагал займы; взял займы, докатился до займа без отдачи, — так начиналось взяточничество и хищение.

В 1921 и 1922 г. Линберг производит операции с Волковым. Волков — начальник Транспортной части. У Линберга с ним установились приятельские отношения через попойки. Волков упорно отрицает свое участие в хищении 15 т меди и 8 т пакли. Он признается в получении взяток, а хищение отрицает.

Волков — человек, близко стоявший к советской общественности, кандидат в члены партии. Он — пьяница, свихнувшийся на хозяйственной работе. А человек пьющий и без удержу пьющий может докатиться до всего. Конечно, его нельзя было ставить на эту работу: хозяйственная работа при таком порядке, какой был у Зимина, «грязная» работа, о которую запачкаться должен был каждый, кто к ней прикасался.

Следующая операция Линберга — это операция с никкелем 55 тонны в 1924 г.

Хищение произошло во время сдачи никкеля Судотресту. Воробьев договорился об этом с Линбергом.

Каким образом исчез никкель?

Путь тот же самый, на который я уже указал. Это — путь через комиссионеров, путь заматания следов. Надо было найти место, куда свалить никкель.

В это дело втягиваются Чудэ и Генрихсен. Генрихсен и Лудэ знают друг друга давно по эстонскому клубу. Кроме того, как заявил Генрихсен, он знал Лудэ по подпольной работе, потому что сам Генрихсен, — теперь торговец-квасник, — когда-то был членом партии большевиков.

Впоследствии, когда Лудэ был начальником обоза, Генрихсен продолжал поддерживать с ним знакомство. Он покупал в обозе «жеребенки», как он говорит, и какое-то имущество обоза.

Генрихсену передается груз, стоящий 25 тыс. руб., а он дает 65 руб.

Знал ли он о том, что никкель похищенный? Такой вопрос неоднократно задавался защитой. Задавал этот вопрос и я, хотя и считаю, что этот вопрос не нужно было задавать, и вот почему: если должностное лицо, да еще имеющее прикосновение к грузам и материалам, приходит к другому должностному лицу, как в данном случае Воробьев к Лудэ, и затем они идут к частному лицу, которое знает, кто такие эти лица, и предлагают ему купить ценный груз, нужно ли спрашивать — какой это груз. Этим людям было все ясно, без слов: по движению бровей и другим признакам, которые говорят больше слов — как Магарилло здесь показывал: и плечами, и кивками, и прочей мимикой.

Следующие операции, которые я буду рассматривать, — это операции Фролова. Я уже отметил, товарищи судьи, что Фролова я считаю не пособником, а непосредственным участником в хищениях Линберга. Эти хищения

продолжались столько же времени, как и у Линберга — с 1919 по 1924 г. включительно, т. е. по день его ареста.

Наиболее крупный сбытчик похищенного, или как он сам себя называл «покупатель», ближайший участник хищений, вывозивший грузы непосредственно с железной дороги в течение шести лет, безусловно должен был занять главное положение среди хищников, и если считаться местами, то Фролов занимает второе место после Линберга.

У Фролова в общем насчитывается 12 отдельных случаев хищений. Общее количество всех грузов, похищенных Фроловым, — 280 т.

Что представлял из себя этот человек на суде? Поскребывая, почесывая затылок, то с недоуменным, то с заспанным видом, как будто только что проснувшегося, он давал с а м ы е нелепые, самые невозможные ответы. Что это — ложь, было ясно ему самому, но когда лжет подобный хитрец, попавшийся с поличным, то он на что-нибудь рассчитывает: от этой лжи что-нибудь все же останется; какая-нибудь скидка, сбавка в впечатлении получится.

Он развозил материал «на пустыри» и оставлял без охраны.

— Откуда повез?

— Да с пустыря взял.

Спрашиваем другого:

— А я на улице подобрал.

Фролов давал шутовские, балаганные показания. Он был вызван не для того, чтобы веселить суд. Я полагаю, он понимает, что его ожидает. Не шулки шутить вызвали его, и не для балагана вызвали их всех.

Дальше идет Берман. Это один из дельцов американской хватки, он давал свои показания с таким же видом, с каким он, вероятно, раньше совершал свои коммерческие сделки. Это — солидный, «лояльный» торговец. Разве он будет покупать краденое? Он покупал у Фролова материалы, доставленные из «Нижнего Новгорода» на станцию — материалы «какой-то фирмы». Опять напрасно спрашивать: — вы узнавали, откуда этот материал и чей он?

На судебном следствии представлен документ, что Фролов продавал ему материал под фамилией Смирнова, представлены и счета. Берман указал, что он сам составлял эти счета. Фролов и трудовую книжку приобрел и номер ее проставил по совету того же Бермана.

Шесть месяцев Берман получал грузы, которые пришли из «Нижнего Новгорода». Если они в пакгаузе, то где же их владелец? Почему они лежали там так долго? Наконец, надо сказать, что ныне Берман состоит под следствием за дачу взятки. Я не сомневаюсь, товарищи судьи, что по тому делу он также пройдет маленькой величиной. Такие люди, как он, умеют долго проходить в темных делах маленькими и незаметными, по случайным эпизодам. Этот делец американской формации далеко пошел бы, если бы не споткнулся о скамью подсудимых.

Понятно, когда он говорит о «торговой тайне». В мире наживателей, хищников, мошенников, воров должны быть свои воровские тайны.

Берман так же, как и многие проходившие здесь, раньше служил в го-

сударственных учреждениях, затем организовал артель, принимал государственные подряды, а в 1922 г. открыл «контору».

Далее — Польшгалцев, с которым Линберг совершил вторую сделку по углю. Для меня совершенно безразлично, называет ли он себя комиссионером или покупателем, непосредственно покупающим похищенное. Польшгалцев продал товар, получил деньги и выдал счет от своего имени. Деньги он отдал полностью Фролову, и Фролов за это его угостил. На этом его роль и кончилась. Но и в отношении этой незначительной фигуры необходимо отметить, что в этом деле нет случайных людей. Из имеющих в деле материалов видно, что Польшгалцев ранее судился за грабеж, и, едва отбыв наказание, успел уже вновь сесть на скамью подсудимых. К 1923 г. относится и продажа Фроловым кирпича через посредника Федора Николаева.

Николаев служил так же, как и Фролов в Ленинградском военном порту извозчиком, а ранее кассиром в нефтяной фирме. После революции попал в Губпродкожу.

Человеком, открывающим свое дело «на сережки жены», был Серебряков, который купил кирпич. Серебряков служил десятником. И оказывается десятник Серебряков затратил недавно на ремонт дома 30 тыс. руб. зол. Откуда средства у этого бывшего десятника? Какие у него могли быть запасы? На что он магазин открыл?

Кадыков проходит по многим операциям: он являлся почти общим комиссионером всей компании. Работает он в конце 1923 г. и в 1924 г., как комиссионер, главным образом по сбыту трубок, у Фролова и Васенина. Операции Кадыкова приобретают для нас особое значение, потому что по этим сделкам проходят наиболее крупные скупщики трубок — кроватники Преловский, Тягунов и Зазулин. Только один из всех трех сказал правду, скорее всего проговорился, это — Преловский, который заявил, что понимал, что «дело не чистое». Однако покупок у него было несколько, а не одна. Когда же он это начал понимать? Для него, конечно, выгодно представить дело так, что он понял, когда уже все операции закончились. Для такого тертого калача, каким является старый коммерсант Преловский, это немножко наивно.

Следующая фигура — один из крупнейших кроватников, Тягунов. Самый тон его показаний свидетельствует о том, что иначе давать показания он не мог. Человек едва сдерживался от злобы, его душившей. Он, сын купца, крупный коммерсант, и вдруг — под судом за сделки, которые в старое, дореволюционное, торгашеское время были обычными, а теперь ему вдруг эту сделку вменяют в вину.

Тягунов небезынтересен и как личность. Он был в Красной армии «председателем Агитационного отдела». Сын купца, делец Тягунов, — представляю, каков он был в качестве «председателя Агитационного отдела».

Дальше, он уходит из Красной армии и умудряется получить из Госбанка ссуду в 5 млрд руб. Находятся лица, которые устраивают ему это дело. Для наших школ денег нехватает, а Тягунов умудрился деньги получить. Он сумел и все свое оборудование сохранить. Каким образом оно уцелело от национализации? Казалось бы, что Ленинград — один из таких городов, где буржуазию изрядно почистили. Но оказывается, что

есть еще такие люди, как Преловский, Ларин, Тягунов, которые сумели сохранить свое имущество, как-то спрятанное по кухням, чуланчикам.

Последняя группа кроватников — Ларин, Дружинин, Дмитриев и Ермачков.

Ларин — бывший старший дворник. Потом пошел в гору, стал управляющим дома, женился на дочери хозяина и получил в собственность мастерскую. Это — обычная карьера наживателя, удачливого и оборотистого, или, как они говорят, «счастливого». И он, как Тягунов, смог сохранить оборудование своей мастерской.

Кем являются остальные лица? Это — его компаньоны. Бывают компаньоны скрытые, а бывают компаньоны и дутые.

Для чего Ларину нужны были эти фиктивные компаньоны?

Прежде всего для того, чтобы создать «артель». Теперь всех их потянуло на «коллективный» труд; «коллективное» торговое товарищество, «коллективное» кредитное учреждение и т. д. Не один, мол, он работает, а коллектив; общественная форма труда, новая форма. Это — с одной стороны. А с другой стороны: взял бы да открыл такой вот Ларин свою собственную мастерскую.

Знают, что такое — Ларин. Начнутся подозрения, задушат налогами, а тут тебе — «коллектив», и в том числе один из участников — рабочий. Вывеска хорошая и марка хорошая для фирмы. Недаром они здесь получили такую аттестацию: «четыре бедняка».

Небезынтересны их показания. Дружинин дал сведения, являющиеся новым обстоятельством в деле: что Кадыков говорил, будто трубки из Швеции, значит, Кадыков знал о происхождении трубок. В этом я не сомневаюсь; но не значит ли это, что и они тоже знали, что это за трубки.

Дальше, о «лапках». Прибегает Кадыков и говорит: «Режьте трубки и ломайте лапки». Когда ранее их спрашивали, никто из них не знал, какой там сплюснутый конец, на котором ставится понсон. «Лапки», эти предательские «лапки», были на каждой трубке, и каждый это своими собственными глазами видел. Ломать лапки, — что это значит? Если Кадыков это говорит, то он знает, что на «лапках» ставится клеймо морского ведомства.

Что здесь было в действительности? Соучастие в хищении, скупка заведомо краденого или покупка товаров вполне легального происхождения, как они здесь желают представить? Они все привели одну версию, а именно: что сомневаться в происхождении трубок у них не было оснований, поскольку трубки можно было приобретать на Ижорском заводе, в Фонкомбалте, в Госбанке, в Гознаке. Но какие трубки? Мы должны исходить, товарищи судьи, из одного единственного факта: по всем этим операциям с трубками мы имеем подогревшие трубки для паровых военных судов, не свыше 3 метров длины, диаметром не свыше 7,5 сантиметра.

Преловский якобы мог купить в Фонкомбалте целые горы таких трубок. Надо ли ему доказывать, как ребенку, что эти трубки он не мог спутать с трубками Фонкомбалта. Там могли быть трубки, снятые со старых судов, т. е. трубки перегоревшие, покрытые слоем ржавчины, наконец, трубки погнутые, если даже во всем остальном они и были такой же длины и такого же диаметра. Наконец, те трубки — без «лапок». Следовательно, Фонкомбалт необходимо, как версию, отбросить.

Теперь, может быть, такие трубы они могли покупать на Ижорском заводе. В деле есть справка, представленная Ижорским заводом, что завод отпускал брак только в 1922 г. А все операции относятся к концу 1923 и 1924 гг.

Но, допустим, что в 1923 и в 1924 г. мог быть брак труб такой же длины и такого же диаметра. В представленных документах имеются сведения, что все операции и заказы Военно-морского ведомства закончились в 1921 г. После 1921 г. таких труб Ижорскому заводу не заказывалось. Да и весь заказ 1921 г. выражался в 1,15 тонны. Значит, и с Ижорским заводом дело не выходит.

Но, может быть, Ижорский завод продавал старые запасы своих труб? Из тех же материалов видно, что таких запасов не могло быть: последний заказ 1,15 т — в 1921 г. В 1920 г. — 5, 3, 4, 2 тонны, — все приняты морским ведомством. Наконец, если бы даже и остался брак, то в каком виде он мог выйти с Ижорского завода. Конечно, не в том виде, как эти трубы.

Сплющенный конец мог быть и у брака. Я не буду останавливаться на том, что на бракованных трубах штемпель морского ведомства не ставится. Штемпель рассмотреть трудно, он не ясен.

А другие признаки? Трубы-брак не приготавливаются к отправке, так как отправляются лишь трубы, принятые морским ведомством. Из той же справки видно, что при отпирке трубы укупориваются: внутренняя поверхность их засыпается клейковым графитом и известью. Концы труб заколачиваются деревянными пробками и снаружи трубы покрываются смесью графита с чистым льняным маслом. Все это и есть в данных трубах.

Посмотрим вот этот образец вещественных доказательств: прошедшая все многочисленные мытарства, пройдя через руки Линберга, Фролова, Преловского, — это труба, заграничная, не бывшая в употреблении, с блестящей поверхностью — в ней сохранилась деревянная пробка.

Значит, трубы в таком количестве (246 тонн) и в таком виде, в каком кроватники их покупали, не могли быть ими получены ни откуда, кроме Военно-морского ведомства. Следовательно, ссылка кроватников на Ижорский завод — ложь.

Наконец, может быть, такие трубы могли быть в Гознаке, Госбанке и т. д. Я не представляю себе, товарищи судьи, такого пути, каким трубы, принятые морским ведомством, изготовленные по специальному заказу, согласно всем морским, техническим условиям, смогли бы оказаться в Гознаке, в Госбанке. Таким образом, все объяснения кроватников по поводу происхождения труб — ложь. Они, орудовавшие с трубами в течение ряда лет, не могли не знать, не могли не догадываться, что за трубы им предлагают в десятках, сотнях тонн, по цене, не доходившей и до половины их действительной стоимости.

Показания их не только не выдерживают критики, а наивны и смешны. Так на краденые у государства материалы частный предприниматель занял на рынке свободный участок — кроватное производство.

Второй компаньон и участник линберговских хищений — это Васенин. Первая его операция относится к 1920 г. Васенин осужден в декабре

1920 г. и просидел 8 месяцев. Оказывается, он сидел за э т о т с а м ы й т р о с с, о котором сейчас идет речь, а его осудили только за спекуляцию. А теперь Васенина судят за хищения с государственных складов. К сожалению, это тогда не было известно народному суду. Иначе, может быть, и данное дело выплыло бы раньше наружу. Путанные показания, которые Васенин давал здесь в течение нескольких часов, производят еще худшее впечатление, чем показания Фролова. Тот по крайней мере прикинулся простачком, а Васенин изображает из себя чрезвычайно скромного, бедного человека, работающего у Глухарева чуть ли не чернорабочим. Оказывается, с 1916 г. он работал в крупной фирме Ляпина приказчиком. О фирме Ляпина он с оттенком гордости упомянул, что это была крупная железная фирма. С 1917 г. он работает в Театральном отделе Наркомпроса. Видно, есть спрос в Наркомпросе и на таких дельцов, если он вскоре после своего освобождения из тюрьмы опять оказывается там же.

Операции Васенина захватили большой круг людей, с которыми он непосредственно соприкасался и был связан в своих сделках. Говоря о сделках Васенина, необходимо упомянуть о его спутнике — Кузнецове. Кузнецов применил в отношении себя ту же манеру самозащиты, что и Васенин, Васенин — «чернорабочий» у Глухарева, а Кузнецов — «чернорабочий» у Васенина. Васенин, видимо, жалеет о своем заявлении, что «он от Кузнецова ничего не скрывал» и при перекрестном допросе заявил, что у «Линберга была доверенность на покупку и продажу всех материалов военного порта. Но доверенность была, конечно, иного характера: у Линберга была доверенность на получение грузов, а не на покупку и продажу «всех грузов» военного порта.

Кузнецов здесь заявил, что и он «не знал происхождения трубок». 7 месяцев вывозил он военный груз без всяких документов с вокзала, сбывал трубки на частный рынок и «не знал о происхождении этих материалов». Далее он выступает и в самостоятельных операциях. После того как он немного подработал деньженок с Васениным, он самостоятельно покупает у Линберга вагон гречихи и продает ее «неизвестному». Эти «неизвестные», товарищи судьи, мелькают у нас довольно часто, их разыскать очень трудно.

Мы неоднократно сталкиваемся на суде с таким обстоятельством, когда называются какие-то люди, следов которых не найти, продаются товары неизвестным лицам, а на самом деле все эти лица п р е к р а с н о и з в е с т н ы всему этому миру дельцов. Умышленно путают фамилии. Например Семенов назвал Ревенского Раменским, несмотря на то, что он полгода работал с ним, бланки его видел. И вот этого «Раменского» ищут полгода в Ленинграде, пока совершенно случайно не находят Ревенского.

Здесь все — ложь. И вот приходится копаться в этой лжи, как в мусорном ящике, так как моя обязанность государственного обвинителя проверять все показания этих хитрецов, из которых каждый имеет свой фортель для суда.

Всего по операциям Васенина — Васениным и Кузнецовым похищено 200 тонн груза.

Третий компаньон Линберга, непосредственный и ближайший его участник — это Рассадин, монтер по профессии, работавший у Мартынова.

Одно имя Мартынова уже достаточная марка для того, чтобы определить, кто такое Рассадин. Как начал работать Мартынов и каким образом в течение двух лет этот новоявленный нэпман из ничего, «как феникс возродился», на этом сейчас останавливаться не приходится. Мартынов благополучно удрал.

Мартынов проходил по данному делу не в одной операции, а в нескольких. Мартынов является скупщиком трубок. От Рассадина он покупает кабель, продает этот кабель на «Треугольник», покупает от «Треугольника» до 30 штук моторов.

Мартынов — не мелкая фигура. Взять хотя бы один факт: когда для «Треугольника» нужна была большая постанковка кабеля, то наши тресты отказались, так как не были в состоянии выполнить эту поставку. А Мартынов взялся и выполнил. Поставил кабель. Какой? Конечно, ворованный. Кабель шел многими путями. Наконец, тот же Линберг поставил кабель через Мартынова на «Треугольник».

Целый круг лиц захвачен операцией Рассадина. Рассадиным похищено и сплавлено 246 тонн груза. Это — наиболее крупный оператор после Линберга.

Возьмем тех лиц, которые непосредственно были связаны с Рассадиным: Рассихин, достаточно потертый, поношенный инженер и внешне и внутренне. Он начинал свои показания во всех случаях с того, что он совершил великое открытие, которое поразит, потрясет весь мир больше, чем теория Эйнштейна. Но мы не видели открытия Рассихина, а его операции видим. Он дважды встречается с Рассадиным: по продаже лебедки и по продаже угля.

Продается 15 тонн кокса, Рассихин заявляет в своих показаниях, что уголь ему казался подозрительным, и он предупреждал, звонил по телефону Турчанинову.

Здесь начинаются заячьи петли. Почему Рассадин сам не предлагал свой уголь тресту слабых токов? Он ведь мог найти и непосредственно покупателя. А здесь так много посредников: Рассадин, Рассихин, Турчанинов, Топуридзе, наконец — Камбуров. Почему эти заячьи петли? По очень простой причине: по поводу этого кокса «началась в порту тревога — шумор».

Дальше идут два комиссионера — Казаков и Константинов. Они допрошены первыми и дали достаточно исчерпывающие показания. Они указали исходные пункты и точки, с которых началось дело. Казаков работал с Константиновым два года, выдавал расписки при сделках Рассадина с Мартыновым, комиссионерничал при продаже трубок. Константинов — не новичок в этих операциях. Он открыл магазин вместе с Курыленко, который был его негласным компаньоном. Курыленко — служащий флота, и Константинов открыл свой магазин целиком на материалы, похищенные Курыленко из флота. Вот один из образцов того, как возрождался частный капитал. Если бы Константинов не сорвался на этом, он мог бы оказаться настоящим Лором,¹

¹ Ленинградский кондитер - частник.

но он провалился, и из него вышел не Лор, а всего-навсего подсудимый Константинов.

Затем Константинов открывает второй магазин и опять торгует краденым материалом. Появляется еще новое лицо — Зверев, который дает материалы. Когда Константинов прогорел и с этим магазином, он становится комиссионером у Мартынова. Он покупает комиссионные товары через Линберга и Рассадина, получает ворованные материалы из Петропавловской крепости, производит сделки с нитками, получает моторы, покупаемые Мартыновым у «Треугольника», и т. д. Он знает, что моторы продавались как «имеющие лишь 10% годности», а на самом деле годность моторов была не ниже 70%.

Затем Михельсон и Залгаллер.

До напа все эти хищники были на советской работе, а с развитием напа вспорхнули и улетели. У них оказываются свои магазины, открытые на ценности и деньги «жен или же двоюродных братьев».

Из представленной справки видно, что Михельсон до революции был не только владельцем конторы «Веритас», он был еще представителем целого ряда заграничных фирм. Словом, это была крупная фигура в коммерческом мире дореволюционного Петрограда.

Михельсон начал свои показания с перечисления целого ряда учреждений, в которых он служил, и должностей, которые он занимал. Действительно, он занимал много должностей до должности члена правления Электротреста включительно.

И вот Михельсон уходит из Электротреста как-то странно, по сокращению. Большой специалист, инженер, и вдруг — сокращается. Может быть, он уходит оттуда по личному желанию, зная, что «сбережения его жены» достигли достаточных пределов, что он выгадает гораздо больше, если уйдет из Электротреста? Может быть, его ушли, чтобы не предавать суду?

Неоднократно здесь возникал вопрос: кто такой Залгаллер в этой операции? Является ли он совладельцем конторы Хотиной или же он никакого отношения к этой конторе не имеет. Ведь «так себе» не принимают горячего участия. Он участвовал в барышах, в комиссионных операциях, он был, короче говоря, агентом этой фирмы. Он должен был знать и ранее Рассадина. Ведь он работал ранее в Электротресте показанщиком. «Показанщики и растасканщики» объединились в этом деле.

Михельсон покупает у Семенова трубки. Трубки осматриваются «на каком-то складе», так как все заявляют, что не интересуются вопросом о том, где, на чем складе лежит тот или иной товар, лишь бы был товар, лишь бы можно было его взять. Почему не купить?

И у меня невольно напрашивается сравнение: Рассадин идет по улице, лежит штабель угля. Встречает знакомого: «Купи уголь». «Продаешь?» «Продаю». «Вези». Так совершались и эти сделки.

Михельсон знал, с кем он имеет дело. Иначе — для чего эта таинственность, для чего эта выдача ненужного счета несуществующей фирме? Иначе — для чего эта плата комиссионных где-то за дверь, получение счета за дверь?

По операциям Рассадина непосредственно связана — не с ним, а с его

воспитателем Мартыновым — подсудимая Марта Васильевна Вайнштейн. Она — «бескорыстная» помощница Мартынова, хотя получила от Мартынова брильянтовую брошь, кольца, серьги, браслет. Но на этом не ограничились ее действия. Она получает деньги по незаконченным Мартыновым операциям, выступает сама как владелица моторов Мартынова, непосредственной представительницей его интересов. Она получает моторы с «Треугольника», один из моторов продает за 600 руб., деньги отвозит Мартынову, другой мотор продает Артосу. Что это как не непосредственная участница, непосредственная компаньонка уже достаточно известного для нас хищника?

Не думаю, чтобы Вайнштейн «не знала, не понимала», что делает Мартынов. Роль таких женщин в подобных преступлениях гораздо серьезнее, чем это кажется. На них вылетают деньги, вырученные за краденое советское имущество.

Последняя фигура по операциям Линберга — Семенов. Семенов пристал к компании Линберга, Фролова, Васенина и Рассадина уже в конце 1923 г. Он по запаху, как собираются шакалы на падаль, пришел на трубки. Его операции начались с того, что он купил у Рассадина трубки и свалил их, как говорит, в складе Татарского. Семенов, достаточно изворотливый в подобного рода операциях человек, пытался здесь представить, что он «не знал» о происхождении трубок, скупая их у Рассадина.

Медь Семенов продал через Ревенского. Когда Ревенский, имевший техническую контору, имевший торговые права, продает медь в Госбанк, вполне понятно, почему продавец — Ревенский. Да потому, что Госбанк от Семенова медь не принял бы. Семенов по совету Ревенского ходил в милицию и принес оттуда удостоверение о «легальности» товара, что «установлено» в милиции с его слов. Вот один из документов, к которым нужно относиться с полным недоверием — это удостоверение милиции. Защита скажет: выдал документ — плохо, не выдал — тоже плохо. Совершенно верно, смотря, к кому это относится: выдал счет человек, не имеющий права выдавать — мошенничество; не выдал тот, который имеет право и должен выдавать счет, — опять мошенничество.

Круг рассасывания товаров от Линберга через Фролова, Рассадина, Семенова, Васенина закончен. Остается несколько линберговских операций со служащими военного порта.

Воробьев — фигура не маленькая по своему служебному положению и кроме того он — член партии. Подходя к оценке показаний Воробьева, я при всем моем скептическом отношении к показаниям, которые здесь давались, показания, данные Воробьевым на суде, считаю соответствующими действительности.

Когда прислушиваешься к такого рода показаниям, то приходится их оценивать с практической стороны: для чего и для кого нужны те или иные показания. Это нужно в тех случаях, если мы встречаемся с противоречивыми показаниями. Здесь на суде неоднократно проносились тени отсутствующих на скамье подсудимых. Подобные тени мелькали и в показаниях Воробьева. Это были не китайские тени, а тени живых людей, тех, кого он не хочет выдавать. Поэтому мне кажется, товарищи судьи, что он принимает на себя даже то, что он не совершил. Я допускаю, конечно, что Воробьев

утаил (это вполне естественно) кое-что и в отношении себя. Ну кто же из них станет на суде или на следствии вывертывать свои карманы, если его об этом не просят? Кое-что осталось еще и за Воробьевым. Уж слишком «хороша» была обстановка в военном порту. Только без руки там не брали и не крали. Он не удержался; видимо, не очень крепкими были у него основы, как у члена партии.

Операция с никкелем. Тут Воробьев размахнулся очень широко. Кто первый сказал: А — Линберг или Воробьев? Сказал Линберг. Но как Воробьев пошел на предложение своего служащего; как он, член партии, согласился на это? — Вот на что нужно найти ответ. Следует припомнить, что он часто пьянствовал, часто ходил по ресторанам и пивным. И вот, товарищи судьи, опять видно, к чему приводит пьянство «по традиции моряков». Вначале Воробьев выдерживал марку, а затем Линберг вытащил кошелек и заплатил за него. И пошло, и пошло. Пошли займы без отдачи и т. д.

Далее — получение им взятки от артели Силина. Воробьев утверждает, Силин отказывается. Воробьев сам объяснял, почему он должен был получить эту взятку. Это — своеобразный случай, когда обвиняемому самому приходится доказывать свою виновность. Обыкновенно — это дело прокурора.

Остановимся на взятке от Морозова через Решеткова и на личности Морозова, представителя артели грузчиков.

Операции были изрядные: погружено 57 331 тонна угля, получено 100 тыс. руб. за эту операцию. Не маленький куш, хотя бы и распределенный на всю артель.

Как они оплачивали свою артель, нам неизвестно. Но я, товарищи судьи, считаю, что такие люди, как Морозов, Гогин и Силин, привыкшие работать взятками, были способны и на обсчет рабочих. Они прекрасно могли устраивать свои дела за спинами неграмотных грузчиков.

За что же платили Решеткову?

В деле имеется фиктивный акт на баржу № 48. Баржа № 48 якобы погружена, разгружена, а разгрузочного акта нет. Что тут было? Если она погружена и разгружена, а акта нет, значит, уголь с баржи украден.

Вот услуга со стороны Решеткова: по книгам уголь баржи № 48 списан в расход, а нигде не поступал. Когда мы перейдем к Топливной части, то там будет видно, какое положение там существовало и могли ли баржи улетать на воздух.

Вторая фигура по Транспортной части — Хлыстов, гораздо умнее и хитрее Воробьева. Хлыстов — совершенно трезвый, не пьющий. Возьмем его операции с Поварешкиным. Для меня теперь Поварешкин не является обвиняемым. Я его непосредственной вины найти не могу, — но фигура Поварешкина нужна была здесь, чтобы сопоставить его с Хлыстовым и со всей обстановкой, чтобы показать, что за братия была на руководящих постах в Порту. Решетков, Животов, Рипс, Хлыстов — четверо ответственных набросились на заработок Поварешкина. Сколько они получают? Грош ничтожный, пустую мелочную взятку в несколько рублей. Со своего маленького служащего, рабочего, они берут эти гроши. Это самое омерзительное действие, которое проходило перед нами из фактов взяточничества, и оно,

к сожалению, совершенно двумя членами партии: Решетковым и Хлыстовым.

Хлыстовской операции с суриком я касаться не буду. Остановлюсь только на случае с Магарилло. Хлыстов заявил, что материалы им были проданы не Магариллу, а Ландау. В конце концов, не все ли это равно. Ландау был правой рукой Магарилло. Было бы странно, при обстановке в строительной части, если бы Магарилло не получал материалов незаконным способом из порта. Ведь Зимин должен был признать, почему Магарилло держался в порту так долго: — потому что ему удавалось получать дешевую рабочую силу и материалы из-под полы.

Переходим к случаю с Евтеховым. Хлыстов заврался, когда говорил, что «сам вымогал с Евтехова взятку». Правдоподобно ли это? Посмотрим, что представляет из себя Евтехов. Бывший городской, загнавший в гроб двух жен, собственник с душою ростовщика, который ускользал уже не раз от суда. У него есть операция с пивными бочками: бочки «кушил» у Дурдина — украл, вылез благополучно. Дальше по ст. 114 привлекался. Евтехов предлагал одному торговцу прекратить следственное дело за взятку. Но Евтехов вышел и из этого дела. Далее, он взял займы 1000 руб. у некоего человека и дал в заклад за эти деньги цепочку, стоящую не более 150 руб., а затем подал на кредитора заявление по обвинению его в ростовщичестве. Дело уже разбиралось в суде. Но Евтехов еще хочет подавать «на пересуд»; он пойдет по всем инстанциям, этот отменный сутяга и отменный кулак. И у такого человека вдруг Хлыстов «вымогает взятку».

Как же было в действительности? Я представляю себе фигуру Евтехова, когда он сидит перед Хлыстовым, улыбочкой, мимикой, бровями и глазами показывая сущность своего разговора, который он не выражает в словах. Хлыстов понимает, кто перед ним. Когда неприятный момент проходит, перегорodka сломана, Евтеховым сказано первое слово — «сколько», Хлыстов назначает рубль с бочки. Дальше начинается самый ожесточенный торг, который ведет, конечно, кулак Евтехов. Он выторговывает каждый гривенник. Он Хлыстову не уплатит, удерет от него, только бы получить ассигновку. Он знает, что по ассигновке денег не сможет сам получить, ему нужно еще участие Хлыстова в Госбанке. В Госбанк идет Хлыстов, беседует с ответственными работниками. Без этого Евтехов не получил бы денег. И вот деньги у него в руках, и он летит косым парусом мимо Хлыстова. «Стой, а условие?» «Какое условие?» «А я тебе помогал». — И в конце концов получил у Евтехова 150 руб. Вот как происходило это «вымогательство» с Евтехова.

Остаются два последних персонажа этой части — Ильинский и Малов. Как попали в порт эти граждане?

Ильинский — вечный управляющий, ответственный организатор, всегда он являлся распорядителем. Он был до революции не маленькой шишкой — управляющим акционерной конторой «Транспорт», имевшей большие обороты. Там было нечто вроде конбазы. Революция смела это акционерное общество, но оно возродилось в Ленинградском военном порту. И там Ильинский является опять управляющим конной базой, в которую он привлекает тех же прежних собственников, которые имели до революции по 20 лошадей. Он собрал вокруг себя этих собственников и сам стал во главе их. Ильинский имеет доступ к высшей администрации порта.

Начальник—Галев. Ильинский и Малов давали ему систематические взятки.

Дальше Волков. И ему давали взятки. Такова система этих людей: они проводят свою работу на взятках.

После ухода из военного порта, Ильинский и Малов открыли торговлю, должно быть «на средства жены».

Вот, товарищи судьи, первая часть настоящего дела. Расхищено из военного порта, по оценке экспертизы, более чем на 1 млн руб., всего 1062 тонны грузов. Но теперь этих грузов нет. Возвращенная в порт часть, добытая через ГПУ, стоит всего 60 с небольшим тыс. руб.

ТОПЛИВНАЯ ЧАСТЬ

Переходя к Топливной части, я должен точно так же первоначально указать на положение, которое существовало в смысле состояния учета и отчетности по топливу. Топливная часть была более подробно обследована, нежели Транспортная часть. Она подвергалась в течение периода, который мы рассматриваем, нескольким ревизиям, из которых я отмечу ревизию 1922 г. и ревизию в июне 1923 г.

Уже на судебном следствии приходилось отмечать то обстоятельство, что инспекция, имевшая непосредственное наблюдение за военным портом, в своих отношениях с портом вступила на почву примирения и соглашения. Первая ревизия в сентябре 1922 г. установила в Топливной части сравнительно небольшие недочеты. Хищения и преступления не были обнаружены. Это объясняется тем, что ревизия носила поверхностный характер, что между ревизуемым и подотчетным учреждением установились добрососедские отношения.

Приходо-расходные книги по учету дров совершенно не велись. Если принять во внимание, что до половины 1921 г. учреждения сидели на дровах, то дровяные операции и заготовки были делом не пустяковым. Мне уже приходилось говорить о том, что там, где есть безотчетность, обязательно должно быть и воровство, и чем шире безотчетность, тем полней и шире должно быть воровство.

А инспекция только пальчиком грозит. В отношении от 12 сентября 1922 г. инспекция указывает на обнаруженные ею «недочеты» в отношении книг и предлагает устранить эти недочеты, под угрозой предания суду в дальнейшем. Что это за отношение, что это за угроза «в дальнейшем». Это делалось потому, что слишком много было ни на чем не основанного доверия; слишком велика была боязнь скомпрометировать руководителя. Из-за отжившего понимания «авторитета власти» интересы республики приносились в жертву интересам личности.

При ревизии в 1922 г. повторялась опять та же самая история. Здесь отмечаются уже существенные моменты: выдача портом перевозочных документов на руки подрядчикам и явно незаконные деяния предоставления тоннажа подрядчикам. В данном случае надо было поставить вопрос о привлечении виновных к ответственности.

И вот, обнаружив такие случаи, инспекция опять грозит пальчиком и пишет отношения командиру порта с предложением исправить недочеты, с угрозой предать суду.

Наконец ревизия той же самой Топливной части в июне 1923 г. Эта ревизия обнаруживает неправильную приемку дров от контрагентов, когда акт приемки подписывался только двумя лицами. Обнаруживается крупная недостача дров.

В результате этой ревизии два человека были преданы суду. Это — Орлов и вахтер Волков. Орлов привлекается по ст. 108 чрезвычайно легко и мягко и через несколько месяцев оказывается на свободе, а сейчас уже по второму делу сидит на скамье подсудимых. По выходе Орлова из тюрьмы Зимин принимает его снова на работу, как будто бы ничего не случилось. Какое мягкое отношение к растрате народного имущества!

В 1922 — 1923 гг. ни судебным, ни ревизиющим органам еще не было достаточно ясно, что за каждой «халатностью», которая носит систематический характер, за каждым хаосом, за каждой безотчетностью, обязательно кроются кражи и хищения. Иначе непонятно, почему в этом деле, в котором проходили Волков и Орлов, не всплыл сам Балашов, не всплыл факт взятничества. Ведь должны были задать вопрос: почему Балашову оказывались послабления, почему уплата ему производилась не по актам приемки, а по одним счетам, без подтверждающего документа. Первый момент, который должен стать перед судом при таком положении дела — это то, что здесь кроется что-то неладное.

Той же ревизией, от 23 июня, обнаружено самостоятельное, без разрешения центра или, правильной, до разрешения центра, повышение Зиминим оплаты Балашову. В результате этого повышения Балашову выплачено на 22 500 руб. дензнаками 1922 г. больше, чем он должен был получить по договорной цене. Так было поставлено дело с дровяными заготовками.

Может быть, с угольными операциями дело шло лучше? Отчетность по Топливной части военного порта составлена и подписана Решетковым, и здесь мы видим следующие цифры за 1922 г.: угля донецкого на приходе 19 410 тонн. Израсходовано 21 164 тонны. Остаток — 310 тонн. Если расход и остаток сложить, то сумма выше поступления на 2 064 тонны, — это явная бессмыслица. Когда ревизионная комиссия проверяла приход и расход твердого топлива на 1922 г., то оказалось, что приемные акты имеются только на 11 705 тонн, на остальное же количество (а прошло около 83 тыс. тонн) приемных актов совершенно нет. Решетков, когда его опрашивали в ревизионной комиссии, заявил, что он «твердым и жидким топливом не интересуется». Какие же у него были иные государственные обязанности, кроме того чтобы наблюдать за топливом? Это была его главная и единственная обязанность.

По донецкому углю нет приемных актов и нет книг. Теперь, товарищи судьи, пора поставить вопрос прямо и определенно: где же книги?

Книги не были затребованы ни в РКИ, ни в суд; книги должны быть в порту, а в порту их тоже нет. Значит, книги уничтожены тем, кому это было необходимо. Мы знаем, что такой делец, как Орлов, был в кладовке, где

лежали книги, «на 10 минут». Когда он заходил? Как только был выпущен из тюрьмы. Он знал, что слишком слабо отделался. Из его появления в кладовке, где хранится отчет, куда его никто не посылал и где ему делать нечего, я делаю определенный вывод твердо и убежденно: к н и г и п о х и щ е н ы и у н и ч т о ж е н ы О р л о в ы м. Книги на небо подняться не могли. Во время ревизии и предварительного следствия прокуратура и органы следствия разыскивали эти книги, потому что они были необходимы, как воздух. Если бы в наших руках своевременно были эти книги, мы не бродили бы в потемках, не гадали бы, куда делся мазут, который, как предполагается, похищен в количестве 2 623 тонн. Мы искали эти книги с целью установить действительное и точное расходование всего этого материала, но книги были нужны и тем, кто заинтересован скрыть следы. И с л е д ы с к р ы т ы.

Что было с мазутом? За 1922 г. мазута поступило 25 230 тонн. Приемку мазута производил «командующий» морской пристанью Решетков, полный и бесконтрольный хозяин, вдвоем с Линбергом. Они составляли приемные акты. В деле имеются акты за подписью одного Решеткова. Акты за 1922 г. н а 9 т ы с. т о н н найдены в личной папке Решеткова. Что это за положение? Акты на приемку мазута Решетков держит у себя, в личной папке, и не считает необходимым представить их к учету в Топливную часть, а Топливная часть не считает необходимым затребовать их от него и представить командиру порта на утверждение, командир же порта не интересуется, как и кем принято жидкое и твердое топливо, составляются ли акты и где они? Он не видит актов и не чешет у себя за ухом. Здесь мы имеем такое же положение, как было с Линбергом: тот хранил у себя железнодорожные накладные, их с него не требовали, и он через несколько времени их уничтожил. Ревизионная комиссия не обнаружила приемных актов на 20 тыс. тонн. Значит, топливо принималось без приемных актов, следов никаких нет — запиши, сколько хочешь: поступило 33 тыс. тонн, запиши 25 тыс. тонн, а 8 тыс. тонн пускай на воздух. Здесь кажется страшной цифра в 2 623 тонны. Да при таком положении они могли украсть не 2 623 тонны, а 3 — 4 тыс. тонн. При таком положении, когда топливо принимается без документов, украсть нельзя только при одном условии: е с л и н е н а й т и п о к у п а т е л я.

Как происходила сдача и приемка мазута? Тоже оригинально. Опять тот же Решетков, никем не контролируемый, никем не проверяемый, сдает и принимает сам. Пишет — «Выдать мазут — Решетков». И тут же подписывается: — «Принял мазут — Решетков», т. е. сам у себя принял.

Наконец в таком же положении учет и горючего материала. В деле имеется документ за подписью Рипса и Орлова от 30 ноября 1922 г., где предлагается выписать в расход 30 тонн керосина. Приложена записка Гайдукowa со списком учреждений, кому выдано, — и больше ничего. Никаких расписок приемщиков, хоть бы на полях, хоть бы клочки бумаженок, что тем-то получено.

На Волковом поле хранилось 200 тонн керосина. Годовая отчетность за 1922 г. там сведена просто. На 1 января 1923 г. проверили наличие, оно с книгами не сходится на 140 тонн, и 140 тонн керосина и бензина просто списали в расход — и больше ничего. Кто дал им на это право? Куда делись

эти 140 тонн? Расследовал ли кто-нибудь это дело? Нет! Оказывается, этого не требовалось. По наличию описали. Какая простота!

В 1924 г. сохраняется тот же самый порядок. Хаос был настолько велик, что и теперь, в 1925 г., военный порт еще не может прийти в себя. Здесь задавался вопрос Зимину со стороны защиты: — «Скажите, Зимин, действительно ли военный порт доведен до развала?»

Товарищи судьи, но какого же развала ждате? Может быть, ждали, что рухнут все здания военного порта? А если развалилась вся работа благодаря взяткам, а если развалилось учреждение из-за того, что тащили все, кто только мог? Это ли не развал? Товарищи судьи, ведь это не советское учреждение, а настоящее воровское гнездо!

За 1924 г. по книгам значится перерасход на 2 360 тонн угля. Когда приказом от января 1925 г. комиссия по проверке угля начала работать, то ею было обнаружено наличие 4 262 тонны. Таким образом оказалась ошибка в 6 662 тонны. Хорошая ошибка, нечего сказать!

Наконец необходимо отметить еще один факт, который был установлен на месте, в Кронштадте, ревизионной комиссией. Это — наличие большого количества воды в мазуте. Оказывается, что нет твердого процента воды для мазута. Собственно говоря, этого и не нужно. Мазут поступает в баки, там он отстаивается, затем сдается на транспорт. Когда мазут поступает на место потребления, то воды в нем не должно быть. А на самом деле оказывается, что суда выливали за борт большое количество воды. Механики проклинали тех, кто давал им такой мазут. При доставке мазута на суда просто вырывали из рук расписку на доставленное количество. Мазут на месте не проверялся и не провешивался. Конечно, его не было столько, сколько числилось в документе, но зато воды было сколько угодно. Из-за этого даже были случаи остановки судов в море, а это уже похуже воровства.

Все преступления, которые прошли перед нами по Топливной части, относятся главным образом к 1922 г. Начальником топливной части был тогда Орлов. Мы помним, товарищи судьи, этого человека, который не раз менял свои показания. Получение взяток, одно из предъявленных ему обвинений, он, конечно, постарался облечь в покров невинности или случайности. У Балашова он получил «однажды» сумму в 6 000 руб.

Еще один подеудимый, непосредственно не связанный с действиями лиц, проходящих у нас по Топливной части, — делопроизводитель стола жидкого и твердого топлива Ходасевич. На этой фигуре стоит остановиться несколько больше.

Ходасевич в порту с 1916 г., как это видно из послужного списка, который находится при деле. Из этого послужного списка видно, что Ходасевич произведен в коллежские регистраторы высочайшим приказом по флоту за «отличие по службе» и назначен на должность младшего чиновника Петроградской портовой конторы. С этого момента Ходасевич работает в портовой конторе. Небезынтересно проследить моменты служебной жизни этого человека, поскольку он в своих показаниях старался представить себя скромным и незаметным человеком. До революции он был крупным,

по тогдашнему времени, собственником. Правда, он заявил здесь, что 20 тыс. рублей, хранившиеся в банках до революции, не его деньги, а деньги его жены. Пусть будет так, пусть будет, что две дачи, которые он имеет, не дачи, а маленькие хижинки на куриных ножках, что участок на Сиверской — это участок в 1 гектар. К этому прибавим еще поместье, которое куплено им до революции. Это — расчетливый хозяин, обычный тип чиновника-карьериста, продвигающегося по службе, стоящего на хорошем счету у начальства, выслуживающегося.

Необходимо также отметить, что после Октябрьской революции Ходасевич остается в порту. Он производит хозяйственные закупки, получает для этой цели авансы и представляет отчет. Авансы растут прогрессивно. Я насчитал таких авансов в 1917 году свыше десяти: 5 тыс., 10 тыс., 15 тыс., 50 тыс., 100 тыс., 125 тыс., 150 тыс., 175 тыс. и 200 тыс. руб. А отчет по последнему авансу на 200 тыс. руб. представлен Ходасевичем через полтора года. Мы знаем, товарищи судьи, что это значит: представить отчет через полтора года. Это значит сыграть на этих подотчетных суммах достаточно хорошо.

Я хочу указать еще на одну мелочь в отношении Ходасевича. В том же послужном списке отмечены все его заслуги у «батюшки царя»: награждение серебряной медалью «Гангутская победа». И вот этот человек хранит все медали, целый иконостас, до лучших времен. Только одной нет, вероятно она продана. И все погоны хранит он до будущих лучших времен, — авось придется когда-нибудь эти погоны опять надеть. Личность Ходасевича была не так скромна во всех деяниях, как он пытался представить. И не так прост этот пролаза-чиновник. Недаром он установил такие взаимоотношения с Животовым.

Мне уже приходилось говорить об его операциях с углем и бензином. Остается отметить его взаимоотношения с Животовым в получении спирта. И здесь он пытается вывернуться и сказать, что получено не 5 ведер, а 5 бутылок.

Далее — операция Решеткова, Копысова и Животова с Лосевым.

Инженер Лосев, рассказывая о своем прошлом, упомянул, что в Февральскую революцию он лег в лазарет. «Почему: болен был?» — Нет, — говорит, — не понимал революцию. — Какая-то толпа, ералаш.

Потом Лосев вышел в отставку и уехал в Одессу. Там он прятался «и от белых и от красных», но все же у белых работал. Вышел второй раз в отставку; потом попал к «красным», направили его в ссылку в Архангельск. Там он устроился достаточно хорошо: был членом правления треста. Я не сомневаюсь в том, что у него есть знания, но что он эти знания не хочет дать советской власти, в этом я также не сомневаюсь. Что этот человек чужд советской общественности — это непреложный факт.

Это — человек чужой формации, чуждой среды, чуждого нам класса, наш враг.

И вот он выходит третий раз в отставку, возвращается в Ленинград. Одно из его действий — договор от 23 октября 1922 г., который он заключает со смотрителем госпиталя Лютовским. Самый договор, как говорил Лосев, «составлен глупо, в нем разобраться нельзя». Но так ли глупы те лица, которые его составляли? Лосев писал этот договор. Кем является Лосев

по этому договору? Он называется заведующим прачечной 2-го Педагогического политехникума, а дальше в других документах эта прачечная называется прачечной Морского госпиталя. В другом документе она называется — прачечной Инструкторских курсов. А сам Лосев? Является ли он арендатором или заведующим, должностным лицом? Он был тем, кем ему было выгодно быть, т. е. он являлся должностным лицом формально и арендатором по существу. Этот договор сам по себе стоил бы того, чтобы быть отдельным судебным делом. Кто разрешил заключение такого договора, такую оплату стирки: за 16 кг белья — четверть тонны заграничного угля.

— Как вы установили подобную оценку?

— А мы приглашали специалистов.

— Кто же эти специалисты?

— Прачки.

Должностные лица получают определенное содержание за свою работу, а вовсе не заграничный уголь, который могут продать куда и кому угодно. Такая комбинация невыгодна для государства, особенно в 1922 г.

Отчет Лосева приложен к делу. Это не документы, а какие-то клочки бумаги, откуда-то оторванные, и на них проставлены цифры, которые почти нельзя разобрать. А внизу подписи: «В. Лосев», «Т. Лосева». Его жена и его дочь подписывают эти отчеты.

Какой же уголь он получил?

В накладной от 12 октября 1922 г. имеется цифра в 163 тонны. Эти 163 тонны были уже приготовлены: нагружены были две баржи, и предполагалось, что удастся сплавить их. 163 тонны предполагались к продаже через Лосева. Это удалось с первой баржей, но не прошло со второй. Животов и Копысов не имели никакого права дать этот уголь Лосеву, а Лосев в свою очередь не имел права получить у них этот уголь. Лосев говорит, что он их «надул», что он получил «свой уголь», а затем струсил. Суд он хотел надуть, этот инженер-прачка.

Переходя к жеденовским операциям с мазутом, я беру пока только Жеденова и Ершова.

Мы видели здесь Ершова. Это — офицер старой дисциплины, достаточно выдержанный, «умеющий держать себя в обществе». На суде он так же корректно и выдержанно давал свои показания. Да, он брал деньги, в белых перчатках, с некоторой брезгливостью — все-таки это занятие нечистое.

Но так ли было дело в действительности, как он показывает? Действительно ли Жеденев не ставил его в известность о своих операциях, а он сам не интересовался этим? Слишком по-барски это выходит. И когда он дает свое согласие на достаточно грязную взяточную операцию, я думаю, что для него небезынтересно было знать, сколько будет загнано мазута, каким способом это будет проделано, с кем и как он будет связан в этих действиях. Должен же был он поинтересоваться, откуда ему грозит опасность, чтобы принять предохранительные меры, дабы эти операции не раскрылись. И вот он, якобы, нисколько не интересуется всеми этими обстоятельствами. Для меня это кажется совершенно неправдоподобным, тем более при тех отношениях, которые были у Ершова с Жеденевым: Жеденев старший по выпуску, а в данное время младший по служебному положению. Раз они

сказали друг другу слово «хищение», то дальше церемониться было нечего.

Брезгливость, с которой Ершов принял деньги, я считаю ни более, ни менее, как кокетничанием старого офицера. И показания Жеденева в этой части считаю только «отрыжкой старого офицерского благородства». А в действительности Ершов был полностью поставлен в известность о том, что делал Жеденев.

Как же происходили операции Жеденева?

Он ведет ночью Шифмановича и Львова «куда-то» на Неву. Там стоит «какая-то» баржа с мазутом, без охраны, на ней никого нет. Вспрыгнули в него, осмотрели, и Жеденев сказал: «Эту баржу вези». Конечно, все это было подготовлено капитаном Сергеевым, и это Жеденев скрывает.

Тот факт, что переговоры велись на квартире у Жеденева, где присутствовали Черномордик-Черноморцев, Шифманович и Львов, опять-таки говорит за то, что все участники знали обо всем.

Наивно звучит объяснение, что Жеденева они считали комиссионером, оперирующим «чем-то» мазутом. Каким мазутом может оперировать помощник флагманского механика штаба Балтийского флота?

А если бы такую ночную продажу производил командующий округом или более высокое лицо? Значит, и он был бы «комиссионером»?

Деньги получает Львов. Опять понятно, почему сюда затесался Львов. Шифмановича и Черноморцева Жеденев непосредственно не знал, — ему нужен был Львов, чтобы познакомиться с этими людьми.

Вторая операция, произведенная Львовым и Жеденевым, это — продажа мазута инженеру Имшенецкому.

Далее перейду к взаимоотношениям Жеденева и Сергеева. Последняя партия мазута, проходящая по этим операциям, это — продажа 163 тонн, отпущенных по предложению Жеденева.

Сергеев, говоря об операциях с мазутом, указывал, что, увидав, как баржа, получившая мазут, отошла не к Путиловской верфи, а в противоположную сторону, «у него появились сомнения». Ничего подобного! Он — стреляная птица, и он вместе с Жеденевым принимал участие в подготовке первой операции. Приходит к нему с запиской брат Черномордика и: — получай, пожалуйста, бери баржу мазута. И при таком положении дел он заявляет, что «не знал о хищениях». От Жеденева он денежки получил, а получивши раз, пошел к нему еще раз на квартиру. «Не предполагая о хищении», он в третий раз идет за деньгами, вырученными от продажи мазута. Какая щепетильность в показаниях и какая бесперемонность в получении денег за ворованное имущество!

Теперь о двух Аяксах — Черноморцеве (он же Черномордик) и Шифмановиче. Судьба не раз сводит их, они вместе были в Турквоенкопе, вместе оперировали мазутом и на скамье подсудимых тоже сидят вместе и рядом. Повидимому, они подходят друг к другу. В этой операции их действия и взаимоотношения были достаточно понятны для каждого из них. Когда такие люди, как Шифманович и Черноморцев, идут к высокому должностному лицу штаба и покупают у него мазут, идут с ним осматривать этот мазут непосредственно с транспорта морского ведомства — о чем же тут нужно

говорить? Припоминаю, как они давали свои показания: Шифманович с молниеносной быстротой, а Черноморцев солидным, размеренным голосом, так, как когда-то он делал доклады о своей служебной деятельности своему начальству, глядя «честными и безупречными глазами» не пойманного вора».

Черноморцевым представлена рекомендация Липовецкого. Липовецкий — его начальник, ныне арестованный по делу Турквоенкоопа.

Черноморцев, так же как и Ламден, начал свои показания с перечисления целого ряда ответственных работников, которые его знают. Крупные имена сыпались, как из рога изобилия: Черноморцева приглашают, 30 тыс. курьеров скачут, зовут его на ответственные должности спасать республику. Без него республика погибнет. Это — тип новейшего Хлестакова.

Всем этим лицам, в свое время бывшим на ответственных должностях, советская власть доверяла. В 1922 г., когда начался нэп, все они оказались вне советских учреждений, все они занимались воровскими и хищническими операциями. Рекомендации и связи им нужны были для того, чтобы с 1922 г. обратиться к тому, к чему они только и способны: к хищническим, аферистским предприятиям.

Это — аферисты и авантюристы, прошедшие через советские учреждения, чтобы наладить связи и в дальнейшем так или иначе использовать свои знакомства для разных махинаций. Потому, товарищи судьи, проходили так легко все их операции, все их мошеннические сделки с теми трестами, которые ныне трескаются и чуть не полностью садятся на скамью подсудимых. Вот через таких Черноморцевых, Шифмановичей, Ламденов, которые умеют устанавливать связи и афишировать свои случайные знакомства с ответственными работниками, делаются все эти дела.

Вторая группа — Берлин, Броунштейн и Ламден. Начинаю с Берлина. Берлин, Шифманович и Черноморцев живут в одном доме и хорошо знают друг друга. У Шифмановича и Черноморцева запахло жареным, Берлин это немедленно учуял, и они сходились. Шифманович знал, что у Берлина имеется договор с Ижорским заводом на поставку мазута. Шифманович и Черноморцев «нашли» мазут и идут к Берлину.

Для меня не совсем ясно, почему компания «Заводопомощь» (я бы их назвал «Заводограбеж») заключает договор с Ижорским заводом. Из документов по Ижорскому заводу видно, что заключение договора на поставку мазута было «товарообманной» операцией в полном смысле слова. Они должны были получить стальные трубы за мазут.

У Броунштейна и Берлина, когда они заключали договор с Ижорским заводом, не было мазута, они только еще его искали. Могли ли Берлин, Броунштейн и Ламден заключить договор, не зная, найдут ли они мазут, или они уже были уверены в том, что найдут? В 1922 г. частные лица нигде не могли легально достать тысячи тонн мазута, потому что мазут — недостаточный продукт, находящийся в руках государства, и большими партиями частным лицам не мог отпускаться.

Из представленных документов впрочем видно, что у Азнефти с Броунштейном была одна сделка на 79 тонн мазута.

Из переписки с Азнефтью выясняются довольно странные взаимоотношения между Ижорским заводом и Броунштейном. 8 июля 1922 г. Броун-

штейном и Берлином подается заявление в Азнефть об отпуске 80 тонн мазута для Ижорского завода, и того же числа подается заявление управляющим Ижорским заводом об отпуске 80 тонн. Кто же просит? Кому отпускается мазут? Дальше, Азнефть сообщает 10 июля «Заводопомощи» (т. е. Броунштейну), что дано распоряжение отправить в адрес Ижорского завода три цистерны мазута, всего 79 тонн. В другом отношении из Азнефти в правление Ижорского завода указывается точно такое же количество мазута и те же номера цистерн. Кому же отпущен этот мазут? Видимо, Азнефть чувствовала себя не совсем свободно в отпуске мазута, и для того, чтобы скрасить этот отпуск, она прибавляет документ, указывающий на то, что производится отпуск Ижорскому заводу. Кто же получил в конце концов этот мазут? Во всяком случае он дошел до Ижорского завода. Ижорский завод его получил, потому что дальше видно из отношения Азнефти, что дается распоряжение начальнику станции Колпино отцепить цистерны, идущие на Ленинград и направить в адрес Ижорского завода.

Дальше имеется отношение из «Себепомощи» (то же, что и «Заводопомощь»). В этом отношении сообщается, что мазут направляется на Ижорский завод и был им принят. Вот, товарищи судьи, пачка документов, как будто достоверных. А если их просмотреть, то мне кажется, что и РКИ призадумается над тем, нет ли здесь шайки мошенников. Вот как производилась продажа мазута «легальным» порядком.

Теперь касаюсь конторы «Заводопомощь» (она же «Себепомощь»). Я хочу только сказать, как начала свою деятельность эта контора. Создается «артель»: Ламден, Броунштейн и Берлин. Берлин и Броунштейн вносят деньги, а Ламден ничего. Они начинают ворочать большими делами, производя такие операции, как операция с трубками и мазутом. Почему покупался мазут? Само собой разумеется, по такой цене, чтобы этим людям было дальше чем орудовать. Когда деньги были заплачены Жеденеву? Ведь Шифмановичу надо было получить сначала с Броунштейна, потому что все они орудовали на-арапа и могли получать только после того, как проделывались различные комбинации с трубками.

Взаимоотношений Броунштейна с Ижорским заводом я подробно разбирать не буду. Они к данному делу не относятся. Но для личности Броунштейна и Берлина они имеют значение, а потому мне придется вскользь их коснуться. Покупались моторы, оценка которых была в 8 — 10 раз меньше их номинальной стоимости. Из заключения экспертизы на судебном следствии от 4 октября с. г. видно, что был целый ряд таких сделок. Таким образом контора, начавшая работать с пустыми руками, дальше имеет возможность заключать соглашения с гребным портом на закупку 655 тонн бортовой стали, на разработку 18 тыс. гектар леса и т. д. Начавшая свои дела сначала на краденом мазуте, затем на трубках по $\frac{1}{3}$ их стоимости, на моторах, по $\frac{1}{10}$ их стоимости, «контора» далее заключает крупные договоры на сотни тысяч рублей. Эти крупные операции у нас не рассматриваются, но они чрезвычайно характерны для всей этой компании, которая заявляет, что не знала, с каким мазутом имела дело. Они не знали, как и откуда к ним в руки валяются десятки и сотни тысяч рублей. Это тоже характерный пример того, как «работает» и растет частный капитал, сплошь хищнический.

Интересна роль Ламдена во всей этой компании. Кажется, Ламден про-

изводит хорошее впечатление. Корыстно он не заинтересован. Он был членом правления, случайно подписал договор с Штейном, случайно подписал договор с Черноморцевым и Шифмановичем. Потом этот договор был взят обратно, и он, председатель правления, не знал об этом.

Зачем нужно было такое бесправное, безмолвное лицо в этой оборотистой компании дельцов? Если припомнить лиц, о которых говорил Ламден, что «они его знают», то станет понятным, зачем нужен был Ламден. Он называл т.т. Маковецкого, Шляпникова, Молотова, Горбунова, Кактыня.

Когда он знал этих товарищей? В давние времена, — в 1918 г. он случайно встречался с этими лицами. Но Ламден — люди липкие, цепкие. Им достаточно на час увидеть человека, чтобы через два года встретиться с ним и напомнить о себе, особенно если этот человек занимает высокий пост. И это даст ему впоследствии возможность сказать, что он знаком с тем-то и тем-то.

Ламден не сказал, сколько процентов он получал за свое *советское прошлое* в этой компании, кроме барыша и жалования. Я полагаю, что 10 — 15% ему все-таки отчислялось из общей прибыли, несмотря на то, что он ничего не вложил, да и знания его им не нужны были, потому что т а м б ы л Б р о у н ш т е й н, который Ламдена за пояс заткнет.

Зачем же иначе такая серая личность стояла бы рядом с Броунштейном? У него, у Ламдена, есть «капитал», который он здесь перед судом и демонстрировал. Это — его советское прошлое.

Третья фигура, которая принимает участие в этой компании — это Берлин, бывший владелец завода в Невеле. Он служил на своем бывшем заводе, а в 1922 г. открывает контору. Он свел Броунштейна и Ламдена с Шифмановичем, он принимал на завод мазут. Личность Берлина дополняется документом, представленным им суду. Это — о т з ы в о н е м р а б о ч и х, работающих на его заводе. Их водили к нотариусу для удостоверения их подписей. Конечно, не он водил, так как он сидел, а водил его брат, живущий в Невеле. Интересная картина, когда рабочих ведут к нотариусу, чтобы они дали свои подписи на отзыве о своем бывшем хозяине. И этот документ представляется суду как документ, свидетельствующий о его «светлой» личности.

СТРОИТЕЛЬНАЯ ЧАСТЬ

Перехожу к третьей и последней — к Строительной части Управления Ленинградского порта, которая целиком села на скамью подсудимых.

Строительная часть организована в мае 1922 г. До этого времени — с 20 июля 1921 г. по 1 марта 1922 г. — существовал так называемый «Балтстромор». 20 февраля 1924 г. Выездная сессия Военного трибунала Балтийского флота и Кронштадтской крепости рассматривала дело Балтстромора в отношении комиссара Балтстромора Софронова и начальника его Путинцева. Приходится пожалеть о том, что на суде в свое время не прошли полностью все материалы, необходимые для определения точной роли как Софронова, так и главным образом Путинцева. Путинцев оказался осужденным всего лишь по ст. 105. Приговор был кассирован и даже отменен Уголовно-кассационной коллегией Верховного суда РСФСР.

Из другого документа, представленного суду гражданским истцом, видно, что в результате «полезной» деятельности Софронова и Путинцева, Реввоенсовету приходится платить около 80 тыс. руб. золотом за мошеннические операции, произведенные Балтстромором. Происходила выдача документов лицам, не имеющим отношения к Балтстромору, выдача мандатов и удостоверений, в которых эти лица именовались агентами, главными агентами, уполномоченными, особоуполномоченными и т. д. Эти агенты направлялись для разных комбинаций, для закупок, чаще всего на Украину.

Было соглашение Балтстромора с Тверским губснабом, от которого получено 15 млрд. руб. деньгами и 114 тонн льняного масла в счет поставки ему муки. Ничего Тверскому губснабу не было поставлено. Вторая операция состоялась с Государственным заводом «Треугольник». От него также получено товаром и наличными 19 млрд руб. Из общей суммы в 63 млрд руб. выведено в расход только на поездки уполномоченных и особоуполномоченных 22 млрд руб.

Далее создается с 1 марта 1922 г., т. е. с момента ликвидации Балтстромора, Подсобно-производственный отдел, начальником которого является опять-таки тот же самый Софронов. Этот отдел организован по распоряжению Измайлова (осужден по делу Мортехозупра). Создается учреждение для производства работ, с переводом «на хозяйственный расчет». В то время это был самый лучший способ для того, чтобы создать обстановку хищений и взяток. От этого Подсобно-производственного отдела Магарилло и начинает получать свои работы, входит с ним в соглашение и уплачивает ему 15%. Сам же Подсобно-производственный отдел ничего не делает, потому что у него нет ни средств, ни материалов, ни квалифицированной рабочей силы. Фирма, вывеска — и больше ничего. Этой вывеской и пользуется подрядчик Магарилло, получая работы и отдавая 15% с полученных сумм.

Когда Магарилло был задан прямой и вполне естественный вопрос — когда он начал давать взятки, то он назвал половину 1922 г. «А в Подсобно-производственном отделе вы давали взятки?» — Нет, — говорит, — это нельзя назвать взяткой, потому что Подсобно-производственный отдел был ч а с т н ы м о р г а н о м.

Немного жил, но много насквернил этот отдел. Через него водворился Магарилло и по преемственности перешел в порт.

Если сопоставить то, что Путинцев работал раньше с Софроновым, что Магарилло водворился в Производственном отделе, что он дальше через Путинцева водворяется в военном порту и, наконец, что Путинцев вместе с Зиминным отпустил Производственному отделу десять бухт стального тросса, который Софронов продал на частный рынок, т. е. спекульнул, то отношение Путинцева к Подсобно-производственному отделу не кажется уже таким призрачным.

РКИ предполагала предать суду Зимина и Путинцева еще в 1922 г. за незаконный отпуск десяти бухт стального тросса, но, к сожалению, их в 1922 г. суду не предали.

В судебном следствии отмечалось, как образовалась задолженность Гурвича и Магарилло. Все, дескать, происходит от этой задолженности, порт, дескать, не мог избавиться от Гурвича и Магарилло, потому что посто-

янно был у них в долгу. Почему работы постоянно сдавались Гурвичу и Магарилло? — Задолженность. Почему другие послабления оказывались? — Опять задолженность.

На деле задолженность создавалась искусственно для того, чтобы Путинцев мог брать взятки. Традиции Производственного отдела Магарилло и Путинцев перенесли в Ленинградский военный порт.

Первые торги на строительные работы вновь организованной Строительной частью были произведены 18 июля 1922 г., и эти торги не состоялись. На торгах присутствовал между прочим Стройсоюз. Гурвича же на этих торгах не было. И все-таки работы были сданы именно Гурвичу.

В дальнейшем РКИ делает целый ряд указаний по поводу подобной сдачи работ, и наконец по поводу внедрившегося в Ленинградском военном порту порядка сдачи работ записками.

Просматривая смету за 1922 и 1923 гг., мы видим, что из суммы в 6 500 тыс. руб. всего лишь 7 — 8% работ сданы по торгам, а остальные работы сданы по нарядам. Инспекция потихоньку волнуется, грозит пальчиком, заявляет, что это незаконный порядок, требует представления нарядов. Наряды представляются задним числом на утверждение. Инспекция отказывается их санкционировать и возлагает всю ответственность на Зимина.

Здесь приводились случаи расхождения предварительной и исполнительной сметы. Например, предварительная смета на 16 тыс. руб., а исполнительная на 600 с лишним тысяч рублей. Как это происходит? В процессе работы, говорят, размер работ увеличивается. Кем он увеличивается? Сама работа что ли толкает? Нет, ее толкают прорабы и подрядчик. Где же у инженеров глаза, знание, если они могут определить нужный размер работы лишь на $\frac{1}{20}$ или $\frac{1}{100}$? Сами прорабы и подрядчики произвольно увеличивают размер работ и тем самым увеличивают свой заработок.

Казалось бы, необходимо придерживаться другого порядка. Если дают дополнительную работу, то следовало бы это оформить. А у них получается так: дан наряд на 16 тыс. руб., а уплачено 660 тыс. руб. Никаких дополнительных нарядов на излишнюю сумму нет. Нигде не видно, чтобы подрядчику предлагалось исполнить дополнительную работу.

За 1922 — 1923 гг. работ сдано по договорам на 1 269 тыс. руб., а по нарядам — на 5 226 тыс. руб. Это опять-таки не что иное, как система, ничем иным не оправдываемая, как исключительным отношением к Магарилло. Когда взглянешь на эти взаимоотношения не с официальной, а с жизненной точки зрения, то они вызывают и возмущение и негодование.

Какие работы производил Магарилло? В рапорте от 10 октября Шапошников доносит начальнику Строительной части о том, что предстоит открыть театр и необходимо дать наряд на исправление пола в уборной. Дальше Шапошников пишет Магарилло: «На основании заключенного с вами договора предлагаю вам приступить к исправлению пола в уборной». Магарилло пишет Ландау и т. д.

Затем еще работа. Тот же Шапошников пишет рапорт: «Прошу вашего распоряжения на дачу наряда на исправление кухонного дымохода. Повидимому туда упал кирпич». Животов пишет: «Дайте наряд на исправление д е ф е к т о в». Шапошников пишет Магарилло, чтобы он приступил к работе.

Возьмем еще работу: «Предлагается вам приступить к закладке кирпичами дыры в стене . . . , назначьте для этого двух каменщиков. Подноска кирпича и всех материалов от Военного порта, а исполнить работы при содействии Гурвича и Магарилло» — это значит: рабочие из порта, материал из порта. Для этих-то работ и нужна была «строительная контора Гурвич и Магарилло».

Еще один момент — это патенты. По смете 1923 — 1924 г. вы увидите целый ряд работ, по которым патент совершенно не выбирался. Нет сведений о патентах с 1 мая по 25 сентября 1914 г. на 56 работ Гурвича и Магарилло, на сумму свыше 3 млн рублей.

Как оградил себя порт в отношении своевременности выполнения работ? Есть целый ряд работ, свыше 30 за один год, по которым не имеется донесения о проделанной работе. А раз не имеется донесения, то как же можно установить, что работа окончена своевременно? И каким образом те лица, которые составляли приемочный акт, могут указать, что работа исполнена своевременно? «Филькина грамота» — эти приемные акты. Не верится тому, что пишут взяточники. Не верится, что работы были исполнены хорошо и добросовестно. Из 23 актов, просмотренных ревизионной комиссией, мною отмечено 14 актов, не имеющих подписи председателя. 15 актов без подписи представителя учреждения, для которого работы производились, 3 акта без подписи начальника Строительной части и один — без подписи производителя работ.

Еще один момент — это поправочный коэффициент. Коэффициент вводится «на основании торгов». Но ведь работы сдавались на условиях, представленных к торгам. Откуда же берется добавочный коэффициент на материалы и рабочую силу? Если взять этот добавочный коэффициент на работы 1922 — 1923 гг., то получается переплата против условий договора ни более, ни менее как на 40%. В конце концов все сводилось к внедрению Гурвича и Магарилло через Путинцева; сдача им работ преимущественно перед другими, даже государственными учреждениями; сдача работ с произвольным добавочным коэффициентом на материалы и рабочую силу; установление монопольного положения Гурвича и Магарилло; отсутствие какой-либо письменной конкуренции — опроса других государственных учреждений, которые могли бы взять эти работы, и наконец, операции Гурвича и Магарилло с материалами.

Чем держались Гурвич и Магарилло? Они начали, как и все подрядчики в эти годы, с пустыми руками. Кто скажет, как добывал материал Магарилло. Разве скажут Яцимирские, Путинцевы и Лундз? Конечно нет. Один только маленький случай проходит у нас: продажа Хлыстовым материала Магарилло. И от этого Магарилло отказывается. Он знает, что если он признает хотя бы один такой факт, то для суда этого будет достаточно, чтобы предположить возможность и других таких фактов.

Систематически даются взятки всему составу того учреждения, в котором работают Гурвич и Магарилло. Само собой разумеется, что это делается не из любезности. Ни за что ничего не делается. Но мы знаем, товарищи судьи, что где берут и дают взятки, там и вору ют.

В строительной части главной фигурой, центром всего, так сказать

солнцем, вокруг которого вращается все и вся, были сямские близнецы — Гурвич и Магарилло.

Они вышли из одной и той же среды, с одними и теми же традициями и приемами старых хищников. И тот и другой — бывшие купцы 1-й гильдии. Оба начали с пустого места, ни с чем. У Магарилло, говорят, было 5 — 6 тыс. руб. Гурвич говорит, что у него ничего не было.

В Строительной части на короткое время мелькнул бывший начальник хозяйственного отдела Копысов. Он также приобщился к благам Гурвича и Магарилло. Поскольку берет начальник, само собой разумеется, что и подчиненные, связанные с ним, берут.

Копысов — старый офицер. Он пытался объяснить взятки тяжелым материальным положением. Не пора ли, товарищи судьи, отказаться от этих объяснений. Если допустить такое объяснение, тогда, вероятно, нужно сказать, что в СССР нет ни одного советского работника, который бы не брал взятки. Но к такому выводу, я полагаю, никто прийти не может.

Почему эти лица так легко, так свободно брали взятки, хотя некоторые из них морщились, «как пьяница перед рюмочкой винца». Потому, что — это люди старой формации, старой закваски и старых традиций: не на советской службе они научились брать взятки, а гораздо раньше — в дореволюционное время.

Старые традиции, старые приемы перенесены в новый советский быт. Эти люди ничему не научились, не хотят научиться. Не нужда толкнула Копысовых и Животовых на взятки, а старые традиции, старые приемы и привычки.

Ответственность Зими́на должны разделить его помощники, и одним из них является Копысов, который в такой же мере, как и Зимин, виновен в том, что произошло в Строительной части.

Знал ли Зимин о том, как сдаются работы Гурвичу и Магарилло? Знал, и за все это он должен здесь отвечать. Копысов тоже знал о том, что порядок сдачи работы приводил к преступлениям, кроме того он еще брал взятки. Таким образом, он несет двойную ответственность.

Путинцеву инкриминируется то, что созданная им обстановка в военном порту сводилась исключительно к интересам Магарилло и Гурвича и к нарушению интересов порта.

Путинцев сделался таким же хищником, как и Магарилло. Таким образом он несет еще большую ответственность по сравнению с Копысовым и Зиминим.

Я откидываю совершенно объяснения Путинцева, который хочет свое двухлетнее взяточничество объяснить нуждой, и что он ничего, равным счетом ничего, для Магарилло не сделал. Он помог Магарилло подняться на высоту.

Путинцев создал из ничего «известную Строительную контору» с ее многотысячными оборотами.

Теперь об Иванове. Во время следствия, в течение полугода, он вертелся буквально как уж. Вертелся, вертелся и сознался, а затем опять отказался от своих показаний. И каждую здесь установленную взятку он объясняет

самым легальным образом. Но не надо забывать, что перед нами Иванов.

Иванов представляет суду для освещения своей личности и своего прошлого «приговор», постановление крестьян. Я обращаю ваше внимание, товарищи судьи, на этот «приговор». Он прислан из маленькой деревушки, где не больше 50 домохозяев. Кто напечатал этот «приговор» на машинке? Составлен он довольно грамотно. Видимо, он составлен здесь, а затем отвезен туда, на место. Собрана группа подписей, написанных разными чернилами, то лиловыми, то красными. Следовательно, не в одном месте подписывались, а собирали крестьян кучками. В этом «приговоре» говорится, что Иванов — благодетель, «проводник идей и заветов В. И. Ленина». Иванов хвастается тем, что провел «бесплатно» крестьянам электричество, а на самом деле он получил за это деньгами и хлебом 500 руб. На эту проводку он, якобы, и брал деньги у Путинцева. И вот этот «бедный» Путинцев, от «великой нужды» берущий взятки, дал Иванову 200 руб. и даже забыл о них, пока Иванов ему не напомнил об этом в ГПУ: «Позвольте, Николай Михайлович, ведь вы мне займы дали». «Ах, да, припоминаю... А я и забыл, действительно дал».

Товарищи судьи, не было еще взяточника, который не старался бы взятку, бесстыдную даму, приодеть. Если эту даму голую поставить на суде, то уж очень она отвратительна. Хоть какую-нибудь вуальку надо на нее накинуть, приличия ради.

Другие помощники Путинцева, конечно, не отставали от своего пастыря. В отношении Путинцева было установлено получение им от Магарилло 2 657 руб., по сведениям самого Магарилло.

Теперь об инженере Яцимирском. Ему давались взятки точно так же, как и Путинцеву — с каждой ассигновки. Они получают одновременно, но Яцимирский получает несколько меньше — 623 руб. Точно так же получали и Васильев, и Шапошников, и Лундэ. Конечно, они получали по их собственному признанию не за послабления, а «за сверхурочные работы». Я не хочу воспользоваться их объяснениями. С формальной стороны было бы достаточно даже получения платы за какую-то «сверхурочную работу» от подрядчика, который у них работает, который от них же зависит по работе. Это — та же взятка.

Когда мы перейдем к Лундэ, то это тем более неправдоподобно. Лундэ — старый, добросовестный и испытанный взяточник. Он берет по традиции воспитанника старой школы. Почему его так ценили в порту? Мне не известно, кто его выдвигал. Шесть должностей было у него, включительно до управления гребным портом.

Другая фигура, достаточно крупная, но все же сравнительно с Животовым взяточник, так сказать, второго сорта, — это Черкасов. Он так же, как и Животов, заявил откровенно, что он брал взятки со всех подрядчиков, работавших в порту. Так и должно быть. Хорошо, что он не придумывал никаких объяснений в отношении своих взяток. Но он, как и другие, заявляет, что брал взятки по существу ни за что. Давали ему за то, что он, Черкасов, являлся должностным лицом — и только. Начал он взяточничество с того, что с Животовым завел разговор о тяжелом материальном положении. Животов его понял. Животов на этот счет очень толковый человек.

Все было сговорено, и началась дележка взяток от Любарского, от Бейера. Делился он с Фербером и Копысовым.

Интересна личность Фербера. Почему этот твердокаменный, стальной человек признал на суде свои взятки, отказываясь от них в течение 11 месяцев? Объясняя получение взяток от Л. Бейера, он заявляет, что тот давал ему по старой традиции подрядчика. Для меня «старые традиции» понятны, но непонятно это объяснение. Не хочет ли он сказать, что Л. Бейер так набил руку на взятках, что рука его сама лезла в карман и протягивалась со взяткой первому попавшемуся?

Черкасов говорит, что материалы на работы давали «мы». Кто — мы? Черкасов и Животов. Кому? — Бейерам. Тогда все становится ясным.

При поставке материалов можно было комбинировать так, чтобы и волки были сыты и овцы целы. Так объясняет Черкасов и свое получение взяток от Дубинина. Не отрицает, но не знает, за что. Но мы знаем, что он участвовал в торгах. Мы знаем, что значит участие в торговой комиссии лица, заинтересованного в сдаче работ как должностного лица, ведающего отделом, и как специалиста. И подрядчик, которому сдается работа, знает, от кого главным образом зависит решение вопроса в благоприятном для него смысле.

Другая фигура из подрядческого мира — это Любарский, бывший владелец завода «Якорь». Он после революции получил в аренду свой же завод и производил целый ряд работ в порту. Вокруг него тоже целый ряд людей, связанных с ним взятками. Любарский не прошел мимо такой мелкой сошки, как Перскевич. Перскевич однажды проходил по делу получения денег по подложным ассигновкам. Там он вышел сухим из воды и здесь получается, что он как будто тоже не виновен. Перскевич служил в Ленинградском военном порту с 1911 г. Это — старый чинуша. Если он сам не просил, то подрядчик достаточно догадливый человек, чтобы знать, что бухгалтер может ассигновку задержать, а для подрядчика не только день, а иногда и час бывает дорог.

Следующий подрядчик — Дубинин. Он 11 месяцев отказывался, 11 месяцев не признавал свою вину, и здесь на суде он меня так удивил, что я против его фамилии поставил три восклицательных знака. Упорный, твердокаменный человек, который на следствии ставил самые неожиданные требования и вопросы, вдруг признал свою вину. Как он вывертывался, как старался доказать, что он не виновен, требовал документы, жаловался прокурору, что нарушают по отношению к нему соответствующую статью УПК. Так держал себя этот человек все время, и лишь на судебном следствии сознался. Но он так же, как и другие взяточники и взяткодатели, объясняет это только желанием поскорей получить платежи. Дубинин, между прочим, осужден за хищения, удален из армии по чистке.

Следующие подрядчики — это братья Бейеры, старые крупные домовладельцы. Это — бывшие владельцы того самого завода, который они ныне держат в аренде. Каким образом эти люди начали дело? Один из братьев сумел сберечь капитал «в Финляндском банке», и в должную минуту, когда родился нпз, деньги очутились у них в руках, и они оказались арендаторами своего прежнего завода. Они принимают государственные заказы, имеют солидное положение в коммерческом мире, а вот на взятке поспались. Почему они не сознаются? Понятно — почему: из «коммерче-

ских принципов» не сознаются. Конечно, с мнением судебной власти и прокуратуры они не посчитались бы. Как прокурор смотрит на эти деяния, это их касается постольку, поскольку это может отразиться на их спине, но они больше ценят мнение «деловых» частных торговых кругов, так как это мнение может отразиться нехорошо на их престиже. Эти коммерческие принципы заставляют их упорно, безнадежно отказываться, что они давали взятки неоднократно, несмотря на сознание тех, кто от них получал взятки.

Тоже «подрядчик» в своем роде — Синицын. Он — представитель государственного учреждения того же ведомства, в котором работает Животов. Синицын получал работы не для себя. Но Синицын дал взятку. Не было, казалось бы, никаких расчетов, никаких оснований давать, тем более что взятка дана при начале работы.

У Животова тоже есть свои «принципы», он — не беспринципный человек. Он взятку берет с каждого, с кого только можно взять. Синицын сказал ему: «Мы с тобой старые товарищи по выпуску, и я беру работу не для себя». — А мне какое дело, давай — и больше ничего. «Я, Синицын, дал, а я, Животов, взял, в чем и расписуемся», — как сказано в протоколе их очной ставки. Коротко и ясно.

Дальше идут «господа инженеры». Целая группа инженеров: Грачев, Вейхер, Коченовский, Лубенский, Гофман, Денисов. Всего инженеров по данному делу третья часть состава.

Вот один из инженеров — Грачев, из молодых да ранний, уже две судимости имеет. Взятка ему дается в форме приписки к счету. Эту взятку оплачивает не торговец Фаворский, а порт. Короче говоря, Грачев взял взятку из средств военного порта. Значит, материал был куплен дороже, чем была его настоящая стоимость, и дороже на такую сумму, в какой выражается взятка. Грачев несколько раз менял свои показания. Сначала он показал, что взятку дал Вейхер; второй раз, — что взятку дал Фаворский, а в третий раз опять показал на Вейхера. На чем он теперь остановился? На том, что взятку дал Вейхер. А почему не Фаворский? Оказывается, у Фаворского он теперь служит. А разве на хозяина, который дает заработок, он станет показывать?

Кто же дал взятку: Вейхер или Фаворский? Вейхер — служащий у Фаворского. Оба они — инженеры. Фаворский тоже, якобы, служащий у Куткиной, на имя которой открыт магазин. Это — теща его, ни во что не вмешивающаяся. А кто фактически является хозяином магазина? Конечно, Фаворский. Кто же должен дать взятку? Конечно тот, в чьих интересах сделка. Кто же дал — Вейхер или Фаворский? Конечно, Фаворский. Почему открывают предприятия не на свое имя? Тут могут быть вопросы с налогами, вопросы прошлого, и службы бросать не хочется и т. д. Но что Фаворский являлся фактическим владельцем — это несомненно. С такими подставными лицами, как Куткина, или Хотина у Михельсона, приходится встречаться часто. Это — обычное явление.

Такое же положение, как Грачев, занимает Коченовский. Взятки им брались в течение года. От Любарского он получал во время производства работ «взаймы». Вернул? Нет.

Одна из фигур, связанных с Коченовским — это Лубенский. По профессии и образованию он тоже инженер. Он дал Коченовскому однажды при поставке товаров. И здесь Коченовский дополнительно заявил, что от Лубенского он получил не взятку, а «взаймы». Не дал ли Лубенский вторую взятку Коченовскому, чтобы он отказался от первой взятки? Это тоже бывает. Лубенский также перечислял на суде свои заслуги: работал в ВСНХ с 1920 по 1922 г., а с 1918 по 1920 г. занимался спекуляцией, но это не почетное занятие. С 1923 г. начинает заниматься поставками. Что он поставляет? Свечи, телефонные провода. Откуда? А это «от прежнего» осталось, валялось где-то «в чуланчике», и он случайно натывается, он совершенно «забыл» о том, что там лежат материалы. Оказывается, что материалы стоят несколько тысяч рублей. Нашел и поставляет в порт. А порт и «чуланчика» такого не имеет.

Теперь о Гофмане. Гофман — это не простой инженер, а «изобретатель». Скоро, без волокиты достал патент на свое изобретение, хотя он говорит, что оно не новое, что оно уже применяется в Англии. Гофман это знает, а ВСНХ, куда он представил свое «изобретение», об этом не знает, иначе Гофман не имел бы той бумажки, которую представил в суд.

Он тоже имеет свои «заслуги»: состоял членом промбюро при Чусоснабарме, был техническим руководителем в текстиле, а затем в 1922 г., когда все жуки вылетели из нор, Гофман учреждает «артель». Он же и председатель правления этой артели и поставляет продукты в порт. Гофман — представитель фирмы «Нефтепродукт». Он — председатель правления, а когда его спрашивают, кто же еще был в правлении, он отвечает: «да больше никого, я — один». И вся фирма его в чуланчике.

Он поставлял в военный порт мазь, пушечное сало. Между прочим, это та самая мазь, которую он «изобрел». Что он получает за это? Он говорит, что получил 7 тонн какого-то ненужного ему хлама. И за этот «хлам» он дает Рипсу взятку в 100 руб. Это — подлинный «изобретатель», которого нужно поддержать статьей 115 УК.

Дальше — инженер Денисов. У них с Животовым полное согласие. Стоворились по-товарищески. Животов заявил, что это была не взятка, а самый простой «заем», хотя он займа не вернул. Животов чрезвычайно «благородно» заявил, что он «принимает на себя и эту взятку». Не надо этого благородства. Животову хватить и без этого.

Имела ли место взятка? Как будто, выходит так, что Денисову, представителю государственного учреждения Госстрой, незачем было давать взятки. Но Синицын тоже представитель государственного учреждения, а Животов содрал с него взятку. Я вот только не заметил, когда Денисов успел превратиться в «служащего Госстроем».

Следующий — Легач. Это — счастливый человек. Он имеет «американского дядюшку», двоюродного брата, про которого он ничего не знает, даже не знает, как его зовут. Он долго припоминал, где этот «двоюродный брат» находится, куда он уехал. Зато он помнит хорошо, как тот дал ему ни за что, ни про что 12 тыс. руб. — «на, орудуй». Хорошо поет Легач, но не убедительно. Легач начинает закупать баржи, начинает производить большие операции. Теперь это — «уважаемый коммерсант», теперь у него «кое-что» есть. Раньше он работал на Уткиной заводи.

Ну, что же, как-нибудь заглянем и на эту Уткину заводь. Не там ли живет и его американский «братец»?

Легащ получил за «работы» около 20 тыс. руб., а ему работа стоила будто бы 6 тыс. руб. Но по его же показанию его работа стоила ему столько, сколько он дал Животову, т. е. всего 100 руб.

Последняя фигура — это офицер Рипс. Рипс таял здесь, как карамель. В течение двух лет он брал взятки так же аккуратно и так же изящно, как воровали Ершов и Жеденев. Он вообще изящный человек. Я не сомневалась, что, получая взятки, он благовоспитанно улыбался, благовоспитанно раскланивался и благодарил. Во всяком случае, взятки ему руки не жгли, равно и тому, кто ее передавал. У него столько взяток насчитывается, что не стоит их перечислять, поскольку он сам их не отрицает.

Остановлюсь только на одном случае в отношении Хлыстова. Рипс заявил, что он получил взятку, но потерял ее. Но все же взятка остается взяткой. Но какая взятка? Ничтожная, гнусная взятка. Не потому, что она слишком мала, а потому, что изящный офицер Рипс вытянул ее от рабочего, действительно бедняка, Поварешкина, который заработал гроши на ремонте бочек.

Кино-лента окончена, товарищи судьи!

Были тут и смешные моменты, были и омерзительные. А в общем вся картина такова, что она вызывает не смех, а негодование. Перед нами прошел целый ряд самых разнообразных типов. Всех этих Шифмановичей, Путинцевых, Животовых, Жиденевых мы встречали и встречаем на улице. Идут они чинно, благородно, спокойно, с достоинством и с портфелем, покуда не окажутся на скамье подсудимых.

Октябрьская революция передала в руки пролетариата, в руки трудящихся громадное количество материальных ценностей. Многие у нас отняла гражданская война, но многое у нас и сохранилось. При всей нашей бедности и нищете мы имеем колоссальные запасы. Этими запасами мы пользуемся и воспользуемся для социалистического строительства. Но на ряду с развертывающимся социалистическим строительством вырастают, как поганые грибы, конторы «Самопомощь», «Нефтепродукт». Я напомним заключительное слово тов. Ленина по докладу об очередных задачах советской власти. Он говорил: «Попало здесь особенно лозунгу: «грабь награбленное», — лозунгу, который, как я к нему ни присматриваюсь, не могу признать неправильным, если выступает на сцену история. Если мы употребляем слова: экспроприация экспроприаторов, то почему же здесь нельзя обойтись без латинских слов? И я думаю, что история нас полностью оправдает, а еще раньше истории становятся на нашу сторону трудящиеся массы; но если лозунг «грабь награбленное» проявил себя без всяких ограничений в деятельности Советов, и если окажется, что в таком практическом и коренном вопросе, как голод и безработица, мы натываемся на величайшие трудности, то тут своевременно сказать, что после слов «грабь награбленное» начинается расхождение. Пролетарская революция говорит: награбленное считай и врозь его тянуть не давай, а если будут тянуть к себе прямо или косвенно, то таких нарушителей дисциплины расстреливай»...

Вот чему учил нас тов. Ленин.

Прежде чем перейти к квалификации правонарушений, я оглашу классо-

вый состав подсудимых, чтобы наконец знать, кого мы здесь судим, кто проходит перед нами.

По списку привлеченных проходило 123 человека. Из них по ст. 114 — взятка — 45 человек; по ст. 180-а — хищение из государственных складов — 51 человек; по ст. 131 — покупка заведомо краденого — 24 человека; по ст. 105 — злоупотребления по службе — 2 человека и по ст. 110 — превышение власти, халатность, бездействие, злоупотребление властью один — Зимин.

Предано суду — 121 человек; из них подрядчиков, торговцев и комиссионеров — 68 человек, бывших офицеров и чиновников — 20 человек; из них с высшим образованием — 61 человек; инженеров — 32 человека, рабочих — один; членов РКП(б) — 6 человек и кандидатов в члены партии — 2 человека. Проходили по делам из ранее осужденных, — 51 чел. Дальше следует квалификация и санкция всем подсудимым.

1) В отношении 16 человек — отказ от обвинения.

2) Высшая мера наказания в отношении 12 человек:

Животов, Линберг, Фролов, Семенов, Васенин, Рассадин, Решетков, Путинцев, Рипс, Любарский, Магарилло.

3) Остальным — срочное заключение.

Приговором Военной коллегии Верховного суда СССР от 15 ноября 1925 г. приговорены к высшей мере — РАССТРЕЛУ:

1. Бывш. помощник командира Ленинградского военного порта **ЖИВОТОВ**.

2. Бывш. экспедитор порта **ЛИНБЕРГ**.

3. Бывш. заведующий топливными складами **РЕШЕТКОВ**.

4. Бывш. помощник командира порта **РИПС**.

5. Бывш. начальник механической части порта **ЧЕРКАСОВ**.

6. Бывш. начальник Строительной части порта **ПУТИНЦЕВ**.

7. Арендатор завода «Якорь» **ЛЮБАРСКИЙ**.

8. Извозчик **ФРОЛОВ**.

9. Комиссионер **ВАСЕНИН**.

10. Комиссионер **РАССАДИН**.

11. Комиссионер **СЕМЕНОВ**.

12. Подрядчик **МАГАРИЛЛО**.

(Приговор приведен в исполнение.)

18 человек оправданы, остальные 91 человек получили заключение на срок от шести месяцев до 10 лет; в том числе командир порта **ЗИМИН** — 2 года со строгой изоляцией.

III. ДЕЛО МОСКОВСКОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА СРЕДНЕ-АЗИАТСКИХ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ

Это дело занимает период 1922 — 1924 гг. Оно характерно для того периода, когда плодились представительства государственных органов и, действуя бесконтрольно, безнадзорно, увязывали свои действия с интересами частного предпринимателя. Около представительств крутились обычно стаи наживателей. Легко проникая туда при помощи взятки, они использовали государственные органы для своих афер, выступали под флагом государственного органа, прикрывали свои хищнические действия «государственными интересами».

Это дело характерно и как пример необычайной наглости аферистов, которые, в целях реставрации капитализма, хотели нелегальным порядком организовать громадное хищническое акционерное предприятие на Кавказе. Из этого же дела видно, как многие буржуазные специалисты очень охотно идут навстречу хищническим и авантюристическим вождениям частного предпринимателя.

Главные обвиняемые по делу: подрядчики Петрица-Петриченко и Стома, действовавшие в недрах представительства, и уполномоченный НКПС (УЦДП) Игнатенко, член партии, купленный за взятки этими подрядчиками, сам «почти» инженер, человек, родственный по своей идеологии этим подрядчикам, о разложении которого, как совершенно чуждого партии, не приходится говорить.

Характерны и спецы - обвиняемые: Инглинк, Натуччи, Гриневич, Норейко, действия которых настолько чужды общей политике Советской власти, что в некоторых моментах, особенно ныне, эти действия могли бы быть квалифицированы как контр-революционные. Наконец, это дело характерно для обстановки на железнодорожном транспорте в указанный период.

Основное обвинение по делу — взятка и хищение.

По делу привлекалось 16 человек.

Дело рассматривалось в Москве Военно-транспортной коллегией Верховного суда СССР с 8 марта по 9 апреля 1926 г. в составе Егорова, Беднякова и Камерона.

ОБВИНИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ 4 АПРЕЛЯ 1926 Г.

ВСТУПЛЕНИЕ

Настоящий процесс, уходящий корнями в 1922 г., возвращает нас, товарищи судьи, к моменту первоначального накопления частного капитала, к моменту его зарождения.

Процессы 1922 г. могли обнять лишь период предшествующих лет, когда в судах еще не было достаточного опыта, чтобы понимать, как оперирует частный капитал. Государственные служащие проходили по 107, 108 ст. (бездействие, халатность) и в худшем случае по 110 ст. УК. Обвиняемый ныне подрядчик Стома был председателем Железкома и судился в 1922 г. по 108 ст. УК. Если бы Стома по тому делу судился в 1924 или 1925 г., я не сомневаюсь, что нашлось бы нечто совсем другое.

К старым делам по 108 ст. приложены и акты ревизий. Ревизор заключил свой акт обычной фразой: «за отсутствием надлежащих отчетных документов не представляется возможным установить размер понесенных убытков».

Перед Военно-транспортной коллегией прошли известные процессы Северо-западных железных дорог, Трансмосторга, сотрудников НКПС. Эти процессы нам показали, что частный торговый капитал рос на краже, на хищении государственного имущества, государственных средств. Я вспоминаю об этих процессах для того, чтобы, проводя между ними параллель, установить, что не «экстренные требования», не «объективные обстоятельства» вынуждали Игнатенко на его преступные махинации. Пойдя навстречу частному капиталу, он столкнулся с теми же приемами, которые частный капитал применял везде: грабеж, расхищение вместе с государственными служащими, которых «замазывают» и с которыми делятся хищнической добычей, действуя под флагом государственного учреждения. Вот приемы частного капитала, приемы подрядчиков, которые мы видели и здесь. Мы теперь знаем, что каждая бесхозяйственность, каждая безотчетность обязательно сопровождается взяткой и хищением. Мы видим, кто у нас создает эту «бесхозяйственность».

В данном деле фигурирует 16 человек; все это — люди с высшим и средним образованием, все — представители бывшего привилегированного класса. У капиталистов они не за страх, а за совесть работали, а у советской власти работают спустя рукава.

Настоящий процесс является процессом работников транспорта. Не приходится, товарищи судьи, говорить о том колоссальном значении, которое имеет для нас транспорт, но мы также знаем, что на этой командной высоте не все совсем благополучно.

После Октябрьской революции мы разбили буржуазный государственный аппарат и начали строить новый аппарат в значительной мере из старого материала, но по новым принципам и новым формам. Что мы сделали с железнодорожным аппаратом? Транспорт каждую минуту, каждую секунду в революции, до нее и после нее должен действовать; и железнодорожный транспорт остался до сих пор мало затронутым революцией в смысле его административного состава. Старый состав железнодорожной администра-

ции до революции имел постоянно дело с подрядчиками и поставщиками, которые работали, как правило, на взятках. Вот это обстоятельство — малая обновленность административного железнодорожного аппарата — и создало такое положение, что старые специалисты сохранили старые навыки во взаимоотношениях с подрядчиками.

Здесь неоднократно проскальзывали ссылки Игнатенко по отдельным моментам: «такой порядок в НКПС, такие наряды выдавались и до меня, уполномоченные и раньше были». Несомненно, в недрах НКПС имеется некоторая часть таких старых железнодорожных специалистов, которые, если и не ищут путей сближения с подрядчиками, чтобы получить от них взятки, то во всяком случае не отказались от своей идеологии, от своих взглядов на частный капитал, призванный, якобы, для спасения советского хозяйства и должный всемерно расти и подниматься. Этот «дух старого» проскальзывал и по данному процессу, хотя бы и в том обстоятельстве, что мы еще в периоде следствия чувствовали, как сильна спайка в старом железнодорожном мире. Эта спайка проявлялась не только в тех или иных просьбах, ходатайствах за арестованных, она проявлялась и технически, в самом процессе суда, когда судебное следствие тормозилось различными способами, вплоть до укрывания документов, необходимых для дела. Например, Романовский состоит под судом, ему предъявлена 2-я ч. 128 ст. Это статья, карающая растрелом. Она приравнивается нашим законодательством к контрреволюционным преступлениям.

А что делают с Романовским? Романовскому ответственным работником правления дается командировочное удостоверение на Кавказ, где он совершил преступление.

Подрядчик Стома, осужденный уже раз Верховным трибуналом, вновь приглашается на службу в НКПС, получает блестящую аттестацию.

А об Игнатенко, когда он уже находился под следствием и сидел в заключении, не мало было ходатайств и заявлений с блестящей аттестацией.

Как появились на транспорте эти «незаменимые» блестящие работники, как Стома и авантюрист Петрица? Игнатенко объясняет это так: пришел он на работу один, нет вокруг никого, кто бы посоветовал, кто бы помог, и вот нашел себе советчика — Стому, уже имеющего подрядный и судебный опыт. Эти мотивы мы всегда слышим: «необходимо привлечение частной инициативы, частного капитала». Мы уже не раз видели, как эти подрядчики, эти так называемые «капиталисты» у нас работали государственным аппаратом, государственными средствами, государственным материалом. Государственный аппарат, владеющий всем могуществом советского хозяйства: кредитом, материальными средствами, располагающий людьми, специалистами, — этот аппарат сам «не может» провести ни одной поставки, ни одного подряда, а должен пригласить «капиталиста» с голыми руками, буквально без штанов, чтобы тот ему «помог».

ИСТОРИЯ ДЕЛА

Как возникло настоящее дело?

Теперь, в 1926 г., мы, конечно, не верим никаким отчетам на-слово, так как и отчеты бывают «филькины грамоты». Проверь на месте, контролируй,

ревизуй каждое учреждение. И те ревизии, которые теперь проводятся в плановом порядке и пройдут по всем учреждениям, вероятно, дадут еще не один такой процесс, не одна еще группа таких хищников пройдет перед вами, товарищи судьи, не один миллион советских денег, взлетевших на воздух, промелькнет перед вами своей тенью.

Мы получили большой опыт, мы знаем навыки и приемы частного капитала, все его ходы и выходы, а в 1924 г. такого опыта еще не было.

Дело возникло в 1924 г. случайно. В ноябре 1921 г. учредилось Московское представительство Средне-азиатских дорог. С 23 января 1923 г. уполномоченным назначается Игнатенко. Ему выдается доверенность, и из этой доверенности, товарищи судьи, видно, чем является Игнатенко. В доверенности есть «точная» фраза, определяющая его права: «Игнатенко — полный хозяин». Такое безграничное доверие оказано Игнатенко только потому, что Игнатенко прошел, к сожалению, через партию, оставивши за собой грязный след.

Игнатенко дает доверенность Серебрякову, который составляет штат бывшего коммерческого агентства из колчаковцев, полковников, офицеров. Его заместитель — колчаковец; заведующий ссудной кассой, его шурин — генерал Ванюков, тоже колчаковец и так далее в этом роде: блестящая плеяда колчаковцев, генералов, просто дворян, бывших полицейских.

Вот первое учреждение, которое создал Игнатенко. Поскольку он выдал полную доверенность Серебрякову, он должен был знать, кому он ее дает, и как составляется аппарат.

Коммерческое агентство начинает действовать. Ясно, чем оно будет заниматься: конечно, спекуляцией с частными предпринимателями, конечно, пусканием на ветер советских денег. И мы видим, как занимаются спекуляцией мануфактурой на десятки и сотни тысяч рублей. Частные капиталисты там имеют кредит свыше полутора ста тысяч рублей.

17 июля 1924 г. было заседание бюро ячейки. На этом заседании обсуждался вопрос о «блестящем» составе Коммерческого агентства. Протокол направлен в МКК, и назначена ревизия представительства. Не выезжая в Майкоп, ревизор Сосновский проверил только те скудные данные, которые были в отделе и уже тогда пришел к правильному выводу, что на месте, в Майкопе, или растрата, или хищение.

— Меня, — говорит Сосновский, — поразила фантастическая стоимость шпалы — 10 рублей.

Защита пришла к убеждению, что выводы Сосновского неосновательны. А экспертиза дала следующие данные: к 1 июля заготовлено 19 322 шт. шпал, или 20%, брусьев 8%. Отпущено было Петрице 247 508 руб.; стоимость шпалы определяется в 12 руб. 30 коп. Это больше того, что вывел Сосновский. Значит, он не ошибся. Вполне понятно, что, наткнувшись на такие дикие цифры, Сосновский пришел к выводу, что в Кавказском лесозаготовительном районе представительства — преступление; и он оказался прав.]

Сосновский нарисовал нам общую картину работ представительства: никаких данных для составления отчетности представительство не видало; полный хаос, деньги отпускались, записывались под отчет, а отчета не требовали.

К этому моменту относится исключение Игнатенко из партии. 10 июля 1924 г. Игнатенко исключен из партии постановлением МКК, причем установлено, что стаж его, с 1913 г. дутый. В это же время, 12 июля 1924 г., Игнатенко дает приказ, в котором сам расписался, что никакой отчетности до момента издания этого приказа не существовало. Того же числа, 12 июля, Игнатенко уезжает в отпуск, когда предполагается ревизия его учреждения. Я, мол, настолько чист, что мне нечего бояться, а вы делайте, что хотите. Уезжая, он дает приказ о вступлении Кашубы во временное исполнение должности.

Кашуба видит, что ревизия принимает неблагоприятный оборот: не все чисто с финансированием подрядчиков, с количеством полученной продукции. Он телеграфирует Игнатенко, вызывает его из Крыма, указывает, что ревизия может принести неприятности.

Мы сталкиваемся с таким явлением и на Кавказе; когда туда приезжает ревизор Лозинский, Романовский также в тот же день уезжает в Полторацк. Получив телеграмму о том, что назначена ревизия из Москвы, Романовский назначает, уезжая в Полторацк, свою ревизию. Как он себя вел в Полторацке, видно из показаний Бакуна:

— Романовский явился заряженный динамитом, стучал кулаками по столу, кричал, что надо стрелять.

В кого он собирался стрелять? Романовский заявил здесь довольно наивно, что не знает о своем привлечении за растрату. В деле имеются сведения, что Романовский привлечен за растрату и не маленькую. Его ставленники в Майкопе, Михайлов и Попов, информируют его: «Лозинский копается, Лозинский докапывается до дна».

Романовский — тоже член партии, пользуется у начальника дороги известным политическим доверием и беззастенчиво «информирует» начальника дороги Дубинина, что, мол, приехала комиссия неожиданно, негаданно, без всякого вызова и предупреждения. Я, мол, назначил раньше их авторитетную ревизию, а они из Москвы все вверх дном перевернули. Дубинин поверил на-слово, как это часто, к сожалению, делается по мотивам товарищеского доверия, и телеграфирует Кашубе:

— Явилась комиссия в составе Лозинского, срывает работу, в то время как там в районе работает авторитетная комиссия, составленная под руководством Романовского. Вы отвечаете за срыв шпало-заготовительных работ.

Вполне понятно, что Кашуба, как новое лицо, просто трусил, как он нам здесь сознался. И Кашуба дает телеграмму Лозинскому: «не вмешивайтесь в административные распоряжения». Лозинский, который, видимо, и без того поехал подобным образом инструктированный, еще более сжался. Лозинский подтвердил, что там было что-то вроде дымовщины, что там его хотели застрелить.

Люди, привыкшие к абсолютному доверию и безнаказанности, конечно, привыкли чувствовать себя полными господами положения. Недаром показывал здесь Чертков, что Романовский всех терроризировал, что он бегал с револьвером, и его боялись. Если в Полторацке, в управлении дороги, он стучал кулаками по столу, грозил в кого-то стрелять, то что он делал в районе с мелкими служащими?

Романовский дает телеграмму из Полторацка: «Предлагаю отобрать документы у Лозинского, не допускать его к ревизии». Недостает еще арестовать.

Лозинский встретил назначенную Романовским комиссию Жарких. Он действительно попал в двусмысленное положение: комиссия Жарких назначена инспектором района, по существу дела хозяином района; эта комиссия работает, а Лозинскому оказывает противодействие. Документы Лозинскому приходилось получать через партком, т. е. путем известного давления. С первых шагов он заметил растрату. Петрица сразу же сознался, что недостающую сумму покрыть не может, о чем подает ему рапорт. Он обнаружил безобразия: шпалы заготавливались из любой древесины; рабочим задолжали, рабочие требуют денег, чуть ли не происходят побоища, рабочие устраивают скандалы, угрожают разнести контору. В контору выслано 240 тыс. руб., а контора дала продукции на 30 тыс. руб.

Казалось бы, материала ревизии Лозинского уже достаточно для того, чтобы производить следствие, чтобы и Петрицу, и Романовского, и Игнатенко снять с работы. Вместо этого приезжает новая комиссия Трофимова и Якубы, видимо, для реабилитации обревизованных. Как здесь показывает Лозинский, его запугивали, угрожали всякими путями и высокими сферами.

Наблюдается опять обычное ведомственное самолюбие. Ведь если открыть злоупотребление, то будет скандальный процесс, будут говорить не о Романовском, а о правлении Средне-азиатской дороги, может быть, о том же Якубе, о том же Трофимове.

Лозинский произвел громадную работу. Казалось бы, если у нас может быть какое-либо поощрение за произведенную не за страх, а за совесть работу, то именно такое поощрение, пусть хоть в форме приказа, должно быть дано Лозинскому.

Что же он получил? Выгнали со службы, вышвырнули вон за ворота, как ненужную ветошь. Для него это были горькие и тяжелые дни: человек раскрыл преступление, открыл преступников, а ему говорят: зачем вы выдали документы ГПУ? Вы — агент ГПУ, как вы смеете это делать? То есть: ревизуй, да оглядывайся.

Дальше, казалось бы, ясно: все материалы ревизии необходимо сейчас же передать следственным властям, оказать им всяческое содействие. Конечно, ничего подобного не было. Дается распоряжение по представительству ликвидировать представительство к 1 октября 1924 г., а дела отправить в Полторацк. А ведь еще должна произойти ревизия дел представительства в связи с теми хищениями, которые найдены на Кавказе. Ведь Симбирский район к этому моменту еще не был тронут, а дела приказывают запаковать и отправить за 5 тыс. километров, в Полторацк.

А там что? Когда следователь приехал туда почти через год, дела еще не были разобраны.

Несомненно, что здесь был определенный ведомственный тормоз со стороны заинтересованных лиц, и это сыграло громадную роль в задержке дальнейшего следствия.

Что из себя представляет это дело? Я сказал бы, выражаясь просто: самое обычное воровское дело из тех, что нам достаточно надоели и достаточно примелькались. Еще не разбираясь в этих 50 томах, с первого взгляда

можно сказать, что здесь происходит то же, что и в предыдущих процессах: полная безотчетность, умышленная бесхозяйственность, умышленно «беглые» договоры. А над всем этим «бессребренники»-подрядчики: Петрица, начавший с двух ковров; Стома, начавший с какого-то займа, и руководитель всех этих операций — Игнатенко, которым руководили, конечно, «государственные интересы», а все вместе — взяточники-хищники.

Почему же это заурядное дело раздуто, и следствие тянулось почти полтора года? 54 тома лежат перед вами; целый бассейн воды вычерпали, чтобы щуку на дне поймать. Дело-то ординарное, но сами обвиняемые не простачки, а тертые калачи. Каждый имеет за собой десятилетия царской службы.

Больше всех тормозил следствие Игнатенко. Конечно он, — «вне всяких подозрений», как жена Цезаря: он здесь так гордо заявлял, что отказывается давать показания о взятках.

Как он вел себя во время предварительного следствия? Достаточно напомнить один момент, когда он отказывался давать показания прежде, чем не поговорит с тов. Сольцем.

26 декабря 1925 г. его просят ознакомиться с делом. 30 декабря он еще не успел ознакомиться, 31 — тоже, 1 января 1926 г. — тоже, 3, 6, 9 января — тоже. 29 января он просит доставления дела в Таганскую тюрьму, потому что не желает ехать в Верховный суд.

Не лучше держались и другие подсудимые. Припомним хотя бы Гриневича. Он — с высшим образованием, инженер. Гриневич подписал собственноручно признание о получении им взятки за сдачу Петрице в аренду Нижегородского завода в Майкопе. А на суд он выходит и заявляет, что отказывается от своих показаний. Дал показания потому, что жену арестовали и обещали ее отпустить, если сознается. Старая песня — и очень неразумная.

А Романовский? После привлечения его он явился в район и поставил все вверх ногами. Заставил всех сотрудников работать на него, подбирать документы для следствия. Лозинский произвел ревизию, а Романовский составляет контр-акты против актов Лозинского.

Свидетели же — бывшие сподвижники Игнатенко. На суде они стояли на грани между скамьей свидетеля и скамьей обвиняемого.

Какие показания можно было вытянуть из таких свидетелей? Чем руководиться в подобном деле? Лгут люди, лгут документы.

Я не буду делать из подсудимых классических злодеев, а из тех, кто не привлечен, — классических героев. Михайлов с его знаменитым Азархом, которых нет на скамье подсудимых, для меня далеко не классические герои. Необходимо в этом деле все подвергнуть сомнению, все взвесить, каждый документ оценить, откуда бы он ни исходил.

Центральной фигурой в этом деле является Игнатенко, бывший член партии, своеобразный тип спекулянта-ростовщика, ставшего по несчастному случаю у власти.

Новое в этом деле — это создание акционерного общества. Ранее подрядчики не доходили до такого наглого обмана. А здесь они голыми руками пытались на советские средства создать акционерное общество чуть ли не в «мировом масштабе», привлечь заграничные «капиталы» и выкачивать советские средства и материалы за границу. Этот авантюристический проект

предполагали провести с одной только открытой жадной пастью. В результате получилась бы грандиозная авантюра и миллионные убытки. Но этого не случилось.

Я в одном из допросов Петрицы назвал его романтиком. Да, это аферист-романтик. Такие аферисты-романтики, когда к ним подходят с доверием, — а они могут это доверие внушить при своих встречах, — могут причинить колоссальный ущерб в обстановке нашей экономики.

Наконец другая фигура, участвовавшая в создании акционерного общества, — «старый волкодав», как он сам себя назвал, Инглинк. Это — фигура незаурядная; я сказал бы: фигура — европейского хищника. До революции он был экспортером, имел связи с заграницей, имел контору в Лондоне, 2 млн руб. капитала. Это был миллионер, имевший связи с Германией, Италией, Лондоном. Подобный человек мог внушать доверие.

Как и у Петрицы, у него есть свои обывательские «приятные» черты: мягкость голоса, вкрадчивость манер, благородное обращение с людьми, а на обывателя все это действует. Помните, товарищи судьи, как он давал показания. Это — человек, уверенный в себе, знающий себе цену, человек остроумный, европейски-образованный, бывший капиталист, воровавший громадными делами. Я не сомневаюсь, что, когда он рассказывал, что он делал, что он может сделать, к нему могли отнестись с доверием.

Вот характеристика дела, которое, с одной стороны, как я сказал, самое заурядное, с другой — чрезвычайно осложненное действиями состава подсудимых.

СУЩНОСТЬ ДЕЛА

Вкратце все дело можно было бы изложить в нескольких строках: либеральный студент Игнатенко женился на дочери помещика, Зое Тивашевой, втерся в партию, попал за границу, там нажил себе маленький капиталец, который вложил в Стокгольмский банк. Как он сам говорит, занимался там спекуляцией. С этими аппетитами вернулся сюда. Понравилось ему, стал наживать дальше. Этот «член партии», ответственный работник, вкладывал деньги в заграничный банк, покупал заграничные акции, хотел получить оттуда новоизобретенный металл, присвоить себе это изобретение и взять на него патент. Он говорил с Петрицей о создании акционерного общества и выговаривал себе половину акций этого будущего общества. «Хотел выйти в люди», как говорил Петрица. Это значит, что этот интеллигент не верил в советскую общественность, не верил в революцию, не верил партии. Он не верил, что власть, при которой он работает, крепка, и на случай ее падения он хотел обеспечить себя «надежным» капиталом. Дальше — старая шарманка: взятки, подрядчики и наконец предполагавшаяся авантюра с опустошением кавказских лесных богатств. В результате — 54-томное дело.

СТОМА И ЕГО РАБОТА

Приступая к изложению самого дела, я разбиваю его на следующие части: первая часть — Стома и его работа, часть вторая — Петрица и его

работа, и в заключение личность Игнатенко и его заграничная командировка.

Кто такой Стома? Окончивший учительский институт учитель, вольнослушатель Петроградского университета; в 30 лет — помощник управляющего центральным нефтяным комитетом в царском министерстве, т. е. без 5 минут товарищ министра. Довольно быстро двигался Стома у царя по государственной лестнице. Он сумел сохранить эту должность и при Керенском. При советской власти он занимает не менее ответственную должность — начальника отдела топлива НКПС. Он на суде заявлял, что присутствовал на заседаниях СНК, где был постоянным докладчиком. По последней должности, в 1920 г. — в качестве председателя Железкома Северной железной дороги, ему не повезло: он попал под суд. Но и тут вывернулся чрезвычайно счастливо. 26 марта 1922 г. состоялся суд, а 10 апреля, т. е. всего через две недели, он был освобожден из тюрьмы. Потом его приглашали опять на ответственную должность в ЦУЛП. Стома, однако, принимается за частноподрядческую деятельность, так как в 1922 г. был махровый расцвет частного капитала, когда подрячку втереться в советские учреждения было легко.

Первая работа, которую он принимает от предшественника Игнатенко, была работа по договору от 27 октября 1922 г. на 100 тыс. руб. Начал он ее без аванса и без личных средств, на чей-то «заем». Появляется Игнатенко. Стома приходит к нему, как бывший ответственный работник НКПС. 23 февраля 1923 г. заключается договор на поставку 100 тыс. шпал.

По проекту договора от 23 февраля было заключение юрисконсульта представительства Докучаева, в котором указывается, что договор заключается без торгов, с нарушением положения о подрядах и поставках. Дальше отмечается, что аванс указан в наивысшем размере, а залог в низшем размере. На заключении имеется резолюция Игнатенко от 4 апреля: «В виду срочности работ не представляется возможным провести торги». А переговоры велись два месяца. Игнатенко гордо заявил на суде, что если бы знал о существовании 128 статьи УК, то действовал бы так же.

Посмотрим этот наряд от 21 апреля 1923 г. Даже мало сведущему человеку сразу ясно, что в договоре нет существа дела, не указан объем работ. Это означает, что Стома получил «открытый лист» на всю навигацию 1923 г. На основании этого, оказывается, Стома не платил налогов и не брал патента.

Игнатенко говорит, что это — в интересах дороги. Я же держусь той точки зрения, что увеличивать прибыли подрящика — не в государственных интересах. На каком основании дал Игнатенко подобный наряд? Он говорит: «НКПС нас приучил». Еще 24 февраля 1923 г., т. е. на второй день после подписания условного договора, по которому никаких авансов выдавать не предполагалось, Стома получает тысячу рублей. Эту сумму Игнатенко выдает ему у себя на квартире. Стома получил деньги у Игнатенко и выдал ему подложную расписку, так как его компаньон Эпштейн никакой доверенности ему не давал, потому что еще не было объекта, за который они могли получать деньги в это время. Три раза проходит эта тысяча рублей в разных записях, мечется, не находит себе места в книгах, а деньги прекрасно уместились в кармане Игнатенко, который впоследствии положил их на текущий счет в Мосгорбанк.

Во время поездки на место работ Стомы в Батраки в июне 1923 г. Игнатенко беседует с представителем профсоюза Тараскевичем, вызывая его в свой вагон по телеграмме. Стома и Игнатенко настаивают на снижении цен на погрузку, угрожая направить шпалы в другой пункт для погрузки.

Дальше мы видим, что Стома и Игнатенко оказывают давление на ЦК транспортников, чтобы оказать содействие подрядчику, так как Стому принимают за представителя НКПС. Игнатенко заявил, что он это делал в интересах государства. Чем меньше расходов у подрядчика, тем дешевле будет стоимость работы.

Когда же определяется стоимость работы? В периоде работы или при заключении договора?

Игнатенко заявил, что у него вообще такая политика — не определять заранее стоимость работы, а держать в черном теле подрядчика. А это сводилось в конце концов к переплатам, к повышению цен при соглашении с подрядчиком, без представления каких бы то ни было оправдательных документов этого повышения.

После ухода Эпштейна следует единоличное распоряжение Игнатенко о прибавке Стоме за работы. Ни много, ни мало как 32 тыс. руб. положил себе Стома в карман после ухода Эпштейна. Я отмечаю это не из сострадания к Эпштейну, а исключительно для того, чтобы отметить взаимоотношения Игнатенко и Стомы.

Стома переходит на другие работы. Никакого наряда ему уже не давали. Что же это за положение, что подрядчик приступает к работе без договора, без наряда и значит без обусловленных цен, т. е. подрядчика намеренно держат в таком положении, чтобы впоследствии могли установить цены по взаимному соглашению. Если подрядчик соглашается работать на «всякие условия», значит он уверен, что его не обидят. Деятельность Стомы по договору 1 февраля 1924 г. начинается с предложения отвести ему лесосеки, оплатить их и распределить их разработку между ним и ЦУЛПом. Переговоры с ЦУЛПом длились с 25 октября 1923 г., в течение 70 дней, и лишь 12 января 1924 г. был подписан договор.

5 апреля 1924 г., т. е. в момент, когда происходила переписка по этому договору с ЦУЛПом, представительство извещает Стому о том, что лесосеки должны быть отобраны у ЦУЛПа. В конце концов Стома добился своего: государственное учреждение выжили, остался на работе подрядчик-монополист.

По договору от 1 февраля 1924 г. та же картина, что и по первому договору — тенденция Стомы требовать повышения платы. «Политика» Игнатенко — не выявлять окончательно своих намерений по расчетам с Сомой — привела к тому, что договорная цена с ЦУЛПом в 42 коп. превратилась в конце концов в 60 коп.

По этому расчету переплачено Соме против договора с ЦУЛПом 23 тыс. руб. Но это, однако, не все переплаты. По экспертизе видно, что по окончании работ по договору от 1 февраля за Сомой устанавливается переплата в 14 тыс. руб. Значит, кроме того, что Стома получил сверх договора, еще выплачено ему лишних 14 тыс. руб.

РАБОТЫ ПЕТРИЦЫ-ПЕТРИЧЕНКО

Перехожу к работам Петрицы. До революции — землемер, после революции работал в советских учреждениях. Но вот настал 1921 г., и он становится коммерсантом. Проходил по улице, висит объявление, столкнулся около народ, подошел, читал и решил взять в аренду пустующее предприятие. И вот он арендатор двух заводов: колбасного и мыловаренного. Начал ни с чего, прогорел на предприятиях, появляется в Москве, где встречается со своим старым знакомым Александром Кузнецовым. Кузнецов с высшим образованием, инженер-технолог, бывший военный чиновник. Одно время ему пришлось работать у англичан в качестве переводчика. Собирался за границу — в Индию, в Австралию, а после 1921 г. скромно и тепло устроился в Госспирте.

ДОГОВОР ПЕТРИЦЫ С ТВЕРСКИМ ТРЕСТОМ

В Москве Петрица продал вагон привезенной им продукции; на эти деньги закупил мануфактуру, которую отправляет на Кавказ. У него появляется некоторая сумма денег, но сумма, видимо, незначительная.

Дальше появляется на сцену Александр Кузнецов со своим отцом, Иваном Кузнецовым, который до революции занимал довольно видное положение: был управляющим фабрикой Морозова; когда-то имел большие средства, бывший домовладелец. Революция, несомненно, его потрепала, но он опять устроился на Тверском заводе, где был с 1905 г. управляющим.

И вот к нему обращается его сын вместе с Петрицей. А. Кузнецов сказал отцу, что он «заинтересован» в предприятии Петрицы. И. Кузнецов дал деньги Петрице. Для него было несомненно одно, что Петрица и его сын связаны в будущих поставках. Сам И. Кузнецов не вхож в трест, нужно какое-то подставное лицо, и появляется на сцену Натуччи.

Натуччи — инженер, работает в Губсовнархозе с января 1921 г., знает всю трестовскую администрацию. Между старыми специалистами ведь чрезвычайно большая связь, спайка, которая осталась и до сих пор.

А. Кузнецов, по указанию своего отца привлекает к выполнению договора с трестом Натуччи в качестве ходатая. Хотя Натуччи и познакомил Петрицу с соответствующими лицами, но в дальнейшем все формальности по прохождению его заявления, с момента составления договора до момента его подписания, мог ускорить только Натуччи. Договор с Тверским трестом на поставку погонялок на завод был подписан 16 мая 1922 г. Петрица заявляет, что он на этом деле заработал около 20 тыс. руб. Возможно такое «положение», что и тресту договор тогда был выгоден, и подрядчик хорошо заработал. Петрице-Петриченко платили мануфактурой. Дальше он производит расчет: Натуччи он выделил на 5 тыс. руб. золотом мануфактуры, и А. Кузнецов, который пришел на-арapa к Петрице, получил на 10 тыс. руб. мануфактуры. Характерен этот делец, оборотистый инженер Госспирта, бывший член партии, вступивший с пустыми руками в соглашение с подрядчиком Петрицей и затем требующий от него свой «основной капитал», которого он не вносил.

„ПРОМЕТЕЙ“

Дальше Петрица дает доверенность «Прометею». Характерны как доверенность, так и договор Петрицы с Моргуном от февраля 1923 г., в которых говорится об отчислении 15% по договорам, заключаемым товариществом на продукцию Петрицы, и 10% по договорам, заключаемым Петрицей-Петриченко. Но Петрица пуст, как вытряхнутый мешок; никакой продукции «Прометей» и не реализовал.

По договору 1923 г. Моргун назначается «представителем кавказского лесопромышленника» Петрицы по Москве, Ленинграду, средней части РСФСР, по Уралу и по Сибири. Ему поручается вести дела Петрицы в губсудах и в верховном суде, присутствовать при описи имущества должников. У обоих нет ничего, а выдается представительство чуть ли не по всему земному шару. Пустая авантюра, нахальная реклама!

Петрица вообще широко разбрасывал свои доверенности на все свое «имущество», хоть на весь Китай. Что ему терять? Все равно, у него ничего нет.

Моргун был в отчаянии, когда Петрица лишил его своей доверенности «на весь земной шар». Моргун видел в Петрице изворотливого авантюриста и предполагал с его содействием и доверенностью произвести большие комбинации. И вот квартира Моргуна становится местом встреч многих из лиц, сидящих здесь на скамье подсудимых. Там Петрица знакомится с сотрудниками Игнатенко-Бубновым и Столповским.

ДОГОВОР С ПЕТРИЦЕЙ

С этого момента начинается подготовка к заключению договора от 31 июля 1923 г. Бубнов раньше был знаком с Петрицей, когда служил на Средне-азиатской дороге, где у них с Петрицей были какие-то комбинации. Столповский жил на квартире у Моргуна, а Бубнов ходил туда столоваться, хотя и имел свою семью. К июлю 1923 г. относятся доклады Столповского о переходе со шпалозаготовками на Кавказ. Столповский заявил, что он «изучал» вопрос перенесения шпалозаготовок в район горских республик. Ходил по канцелярии, получил некоторые справки и пишет три доклада, в которых бьет в одну точку, что шпалозаготовки должны быть перенесены на Кавказ.

МОРГУНЫ

Несколько слов о личности Моргунов и их роли.

Моргун — член т-ва «Прометей», заключавшего договора с Петрицей, он ведал и некоторыми другими операциями. Здесь проходил один момент о покупке им подложных дубликатов. Теперь уже поздно сожалеть о том, что это дело прекращено. В его квартире, как я уже сказал, собиралась вся эта кампания, объединившаяся потом в одной мысли, в одной цели.

Договор составлен языком Моргуна. Не нужно быть специалистом, чтобы понимать, что договор, заключенный без указания срока выполнения, написан в интересах подрядчика.

Этим договором не исчерпывается и роль Бубнова, но сначала придется

остановиться на личности Бубнова. Бубнов — старый железнодорожный служащий той материальной службы, где никто в свое время не проходил чистым. Бубнов три раза был сокращен со службы. После третьего сокращения является этот «советский» служащий архаической формации к Игнатенко, восплававшему к нему доверием, и получает назначение заместителем УЦДП.

Как легко у нас при таких «государственных деятелях», как Игнатенко, прямо с улицы получить ответственную должность!

Бубнов здесь категорически отрицал получение им взяток. Само собой разумеется, за язык не потянешь. Но интересно его поведение в отношении Моргуна, от которого скрывать нечего. 8 октября 1924 г., как показывает Моргун на очной ставке с Бубновым, встретились они с Бубновым в большой тюремной палате. Бубнов рассказал Моргуну, как он получил от Столповского 60 червонцев для себя и 80 червонцев для Игнатенко, которые присвоил себе, как он затем получил от Петрицы 40 червонцев и передал их Игнатенко, и что он, Бубнов, дал слово Игнатенко не показывать на него. Бубнов советует с Моргуном, где ему лучше сознаться: на суде или у следователя.

Допустим, что Бубнов живет только на свои средства, т. е. на зарплату. У него жена и 5 человек детей. Из своих средств он еще и Игнатенке уделяет «в долг» несколько червонцев. Из этих же средств он уделяет и своим поклонникам, которых у него, как у привлекательного мужчины, не мало. У него есть Строенко, некая Елена Васильевна и Августина. Человек, получающий небольшое содержание, не может содержать семью и раздавать деньги другим женщинам, привозить им подарки, кутить в ресторанах. Та же самая Строенко пишет об его кутежах и больших расходах. Даже из одного этого, если бы не было показаний Моргуна и Петрицы, вытекает, что человек живет далеко не по средствам. А что нам показывает Петрица? — Бубнов сразу же поставил вопрос о 10%: «даешь — будет договор». Затем они встречались на квартире у Никандрова, от Никандрова поехали в ресторан «Медведь», где изрядно кутнули, и «за все платил Бубнов.»

Я не совсем понимаю, чем объяснить показания Столповского на суде, когда он отказался от того, что передавал деньги Бубнову. Он считает, видимо, для себя более удобным принять ту аттестацию, которую ему дал Инглинк, а именно: что «Столповский — мошенник, всех обманывал». Выходит так, что Столповский деньги получал, а Бубнову их не передавал, а присвоил. Столповский не отказался от получения им лично взятки, но сделал оригинальное заявление, что он «не знал», что ему дается взятка. Старый царский служащий, беря взятку, не знает, что это взятка.

Так был состряпан первый договор 31 июля 1923 г. Несколько слов об этом договоре. Эксперты показали, что «цена — один рубль — не реальна». Почему же Петрица назначил цену, явно убыточную для себя? По той же причине, что и Стома, соглашаясь работать без всяких определенных цен; потому, что по показаниям Моргуна, Бубнов в то время передал Игнатенко 40 червонцев; значит, «взаимоотношения» были завязаны. Петрица имел основания предполагать, что Столповский и Бубнов помогут ему допустить послабления в исполнении договора путем уменьшения его объема, изменения цен и других комбинаций. Договор был заключен без торгов, так же как и со Стомой.

К этому договору имел отношение и Андреев. Сын купца, окончивший реальное училище, студент Горного института, офицер царской армии, потом прошедший целый ряд советских учреждений включительно до должности коменданта рабочего дома. Он был первой административной инстанцией при заключении договора. Им в договор вставлен пункт, что Петрица (не железнодорожный служащий) пользуется правом получения бесплатных билетов, что являлось даже привилегией Петрицы перед Стомой. За это Андреев получил 600 руб. от Петрицы.

Далее, у Инглинка на квартире Петрица дал распоряжение выдать Андрееву еще 700 руб. Казалось бы, за что это? Петрица объясняет это тем, что Андреев в представительстве свой человек и с Игнатенко на «ты».

После заключения договора Андреев занимается рационализацией Отдела снабжения, причем и Лесной отдел включает в круг своего влияния. Через Андреева проходит выработка временного положения, а в 1924 г. и назначение Петрицы заведующим Кавказским районом.

ПЕРВАЯ ВЗЯТКА ФЕДОРА ИГНАТЕНКО

К этому же моменту относится и первый эпизод непосредственных взаимоотношений Петрицы с Игнатенко — получение Игнатенко у Петрицы взятки под видом векселя. Петрица говорит, что он вел об этом очень деликатный разговор с Игнатенко. Как же иначе: УЦДП, ответственный работник и член партии — вдруг заговорит с ним о взятках? У Петрицы были данные, что Игнатенко взяткой не брезгует, так как он таковую получил через Бубнова, но всегда в таких взаимоотношениях неудобно начать разговор напрямик. Его начинают издалека: деликатный разговор ведется об акционерном обществе, о паях в этом обществе. Затем Петрица просит денег взаймы у Игнатенко. Игнатенко дает ему, по своим словам, 8¹/₂ тыс. руб., а Петрица говорит — 5¹/₂ тыс. руб. Вексель же пишут на 10 тыс. руб. Вексель выдан, деньги Игнатенко получены от Петрицы братом Игнатенко — Сергеем.

Сергей Игнатенко окончил 6 классов реального училища, был когда-то в партии, работал в Особом отделе и исключен за грубое обращение с арестованными. Имеет свою пасеку. Петрица приглашает его на службу. Петрица вполне правдиво рассказывает на суде, что такого «опытного» администратора ему и за грош не нужно было. Это была продолжающаяся взятка Федору Игнатенко в форме выплаты содержания его брату, Сергею Игнатенко.

С. Игнатенко изображает нечто вроде дельца, бывает на лесоразработках, в чем он абсолютно ничего не понимает. Есть один момент, для которого он туда собственно и поехал: вексель брата в то время был у него.

Что бы сделал Федор Игнатенко с этим векселем? Он, член партии, не может предъявить ко взысканию вексель на 10 тыс. руб., так как его в тот же момент вышвырнули бы из партии. Он брал у Петрицы вексель для того, чтобы замаскировать взятку. Еще до поездки Сергея у Игнатенко с Петрицей были разговоры о создании акционерного общества и об аренде Нижегородского завода.

АРЕНДА ЗАВОДА

Вскоре по приезде в Майкоп Петрица заключает договор с Майкопским Исполкомом на аренду Нижегородского завода. Сергей Игнатенко вступает с ним в компанию. Здесь та же самая картина, что и с Кузнецовым. С какими капиталами, с каким знанием вступает в дело С. Игнатенко? У него нет ни капиталов, ни знаний.

Для чего же Петрица его принимает в компаньоны?

Петрица нам объяснил: «Сергей Игнатенко — это Федор Игнатенко»; т. е. не Сергей Игнатенко вступает с ним в компанию, а Федор Игнатенко через подставное лицо.

Какое значение завод имел для Петрицы — об этом говорит Инглинк. Завод бывш. генерала Громова, великолепно оборудованный. До войны на него было потрачено 1 млн. 200 тыс. руб. Это — действительно «золотое дно» при умении его использовать. Петрица при помощи взятки инженеру Гриневичу получает его в аренду за 4 тыс. руб. в год. Нижегородский завод для Петрицы был якорем для начала его подготовительных действий по созданию акционерного общества. Так он смотрел на это, так смотрел на это и Инглинк, и так же смотрел на это Ф. Игнатенко.

ИНГЛИНК

К этому моменту выплывает на сцену Инглинк, который, давая здесь показания, заявил, что он был «очарован» не столько личностью Петрицы, сколько теми документами, которые он ему представил: договор на аренду завода и референция Госбанка.

Здесь пора поставить вопрос, какова была роль Инглинка: мог ли оказаться «в дураках» этот старый волкодав, как он себя называет, — бывший крупный делец? Петрица будто бы «водил его за нос» несколько месяцев, говоря ему о 200 вагонах лесоматериалов, о своих разработках, о больших запасах шпал, о наличии экспортного товара. Я полагаю, что Инглинк, старый делец, знал, что такое в наших условиях подрядчик. Он сам работал как подрядчик с момента Октябрьской революции до последнего времени. Последний его подряд по работе на Сельскохозяйственной выставке имел колоссальный масштаб, так как он провел там все земляные работы. Инглинк, как и прочие подрядчики, начал с голыми руками, и он достаточно обучен в этих делах, чтобы знать, как должен был работать Петрица; он должен был знать и настоящую цену такой бумажке, как случайная «референция» Госбанка. Дальше Инглинк становится душой того дела, для которого Петрица собрал эти документы и наконец арендовал Нижегородский завод.

АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО

Поднимается вопрос о создании акционерного общества.

Инглинк к этому моменту вел переговоры с гг. Тер-Габриеляном и Лакбой о постройке электрической станции в Сухуме. На какие средства? Говорит: предполагал привлечь 20 млн. руб. золотом из-за границы. Каза-

лось бы, странно: человек ничего не имеет, и ему 20 млн руб. бросят из-за границы. Само собой разумеется, сразу эти деньги не притекли бы, но несколько сот тысяч рублей могли бы дать, когда за границу поплыли бы Сухумские леса: бук, самшит.

У Инглинка не было никакой базы, и он цеплялся за Петрицу, за его Нижегородский завод. Если бы Инглинк хотел, он мог бы навести справки о кредитоспособности Петрицы в Майкопе — на это ведь существует кредит-бюро. А если он этого не сделал, то следовательно, с первого момента знал, что перед ним стоит дутая величина.

Прежде всего Инглинк знал, что Петрица дает взятки Андрееву, так как Инглинк сам эту взятку передал. Инглинк говорил, что таких рвачей надо терпеть. Поскольку Инглинк знал, что Петрица связался с представительством, постольку Инглинк из этого делал вывод, что представительство сделает все возможное и невозможное, т. е. даст нужные средства, не будет требовать своевременного отчета и позволит им развернуться. Я не говорю, что с первого момента Инглинк думал получить тысяч 600 и удрать за границу. Они — не простые карманники, а более крупного масштаба дельцы.

Нам хотели представить на суде дело так, что переговоры о создании Акционерного об-ва велись открыто, официально, что Игнатенко поручал Столповскому вести переговоры с тов. Клышко. Из показаний сотрудницы НКВТ Товбиной видно, что в Наркомвнешторг пришел какой-то англичанин Фридляндер — биржевой заяц, который заявил, чтобы ему дали лицензию на вывоз образцов леса за границу и дали бы разрешение на въезд представителям иностранных фирм для обозрения Кавказских богатств. К нему отнеслись с подозрением, когда он начал говорить о Петрице, как о своем не то помощнике, не то служащем, который арендует на Кавказе завод. И здесь одна и та же картина: Петрица рекламирует, раздувает шумиху на пустом месте, англичанин Фридляндер, «имеющий аккредитив в Шанхайском банке», — все это мыльный пузырь, шарлатанская реклама.

Инглинк, однако, достаточно знал нашу советскую действительность, знал, что в любом советском учреждении можно найти «своих» людей, которые пойдут на золотую удочку. Он искренно верил в создание акционерного общества. Вот что он пишет в своем письме за границу некоему аферисту Магиду: «имеется 200 вагонов леса на 300 тысяч руб.» Это тот лес, о котором говорит Петрица, — единственный запас Средне-азиатской дороги. Инглинк начинает переписку со своим бывшим компаньоном Богатовым, который в 1921 г. бежал за границу. Они предполагают получить авансы, распределяют должности учредителей, заместителей, одним словом — раздают портфели. Игнатенко тоже предполагал получить местечко члена или распорядителя. В тех же письмах к Богатову Инглинк пишет: «мы — пионеры, единственная реальная сила, рынок в наших руках, конкурентов не имеем, мы укрепились в закавказском районе. Нам предоставлены все права на экспорт и импорт. Под частной фирмой, под частным штампом не достанешь лицензий».

Этим самым Инглинк подтверждает, что предлагает первоначально работать под штампом Средне-азиатской дороги, короче говоря, на ее средства, с ее помощью. Из тех же писем Инглинка к Богатову видно, что проделано

им непосредственно за это время: Инглинк получает карты, планы, фотографии Майкопского района; все это посылается с де-Фридляндером за границу, где начинается также шумиха.]

Действительно, реклама была не маленькая, если в итальянской газете печатаются выдержки из писем Инглинка о кавказских богатствах. Инглинк заказывает бланки, на которых также фигурирует «референция» Госбанка, указываются несуществующие счета, несуществующие конторы Петрицы, почтовые ящики, чуть ли не сейф. Он называется «государственный представитель», представляющий пустое место. Петрица выдает доверенности де-Фридляндеру и Сергею Игнатенко. Игнатенко действует здесь, а де-Фридляндер за границей.

Дела идут, контора пипшет. Завязываются сношения. С каким восторгом Инглинк пишет Петрице письмо о том, что за границей они являются «желательными гостями», что они «подняли шумиху вплоть до Нового Света». Так действовали аферисты, у которых ничего нет, кроме доверенности, выданной представительством, и 10 $\frac{1}{2}$ гектаров лесосек, отведенных Петрице 5 февраля 1924 г.

В этой афере принимал участие и инженер Норейко, другой «импозантный» представитель импозантного «акционерного общества». Игнатенко рекомендует Петрице поставить Норейко в известность о создании акционерного общества, базой которого является Нижегородский паркетный завод; о том, что Нижегородский завод их «золотая мечта и все их богатство». Норейко предназначается главным образом для работы на Нижегородском заводе, для приготовления паркета, который должен впоследствии попасть за границу.

Рекламой являлись и другие моменты: они получают гарантийное письмо Сельскохозяйственного банка, а Инглинк предлагает с этого гарантийного письма снять три копии для отсылки за границу, как подтверждение их кредитоспособности.

К тем же моментам рекламного характера я отношу и пятилетний план о закреплении лесосек в декабре 1923 г. Вопрос этот возник по телеграмме Петрицы о выдаче ему доверенности на составление пятилетнего плана. Петрица этой доверенностью желает добиться целого ряда привилегий: снижения зарплат, налогов, страхов. сборов. Как же он пользуется этим поручением?

Союзу деревообделочников тотчас же посылается отношение за подписью Петрицы-Петриченко, из которого видно, что «ему поручена заготовка 3 $\frac{1}{2}$ млн. шпал для Средне-азиатской дороги и, кроме того, имеются задания на заготовку 6 тыс. тонн лесоматериалов для экспорта; что он сам скоро едет в Берлин и Лондон».

Для чего Союзу деревообделочников знать, что Петрица едет в Берлин и Лондон? Несомненно, это писалось ради рекламы, что вот, мол, какой я крупный человек, какое мне оказывается доверие. Это было давление на местные учреждения и местную власть.

К этим моментам, связанным с пятилетним планом, я отношу и телеграмму Бубнова к Игнатенко об отводе 6 тыс. гектаров лесосек. На таком пространстве можно заготовить 110 млн. шпал. Конечно, это нелепое количество, которое Средне-азиатская дорога не могла бы оплатить.

Зачем же подобные телеграммы пишутся? Оказывается, этот вопрос ставился и перед местными органами, но из всех отводов лесосек, которые проходили перед нами, мы видим, что ни 6 тыс. и ни тысячи гектаров Петрица-Петреченко не получил, а что весь отход лесосек в общем выразился в $10\frac{1}{4}$ гектаров.

Все это было рекламой перед местными учреждениями для получения тех или иных льгот, тех или иных документов, которые могли бы в дальнейшем попасть за границу.

РЕВИЗИИ У ПЕТРИЦЫ

Знало ли представительство, что творилось в районе? Туда ездили ревизоры от представительства.

Первая ревизия была произведена Литвиновым 6 ноября 1923 г. Литвинову было дано поручение выяснить положение с транспортом. Литвинов не выполнил данного ему поручения. Далее, Игнатенко посылает второго ревизора, своего брата. Брат представил доклад на одном полулисте. Единственный след его работы на месте — это его телеграмма Игнатенко о том, что Союз деревообделочников их прижимает и предъявляет к ним непомерные требования. Игнатенко дает телеграмму своему брату «игнорировать союз деревообделочников». В то же время Игнатенко дает ложную телеграмму ВЦСПС.

Далее, едет заместитель уполномоченного Кривобоков для выяснения наличия лесопродукции. Он заявил нам, что на это у него не было времени, так как «две недели праздновали Пасху».

Чтобы проверить своих подчиненных, Игнатенко едет сам, как генерал, и, один день пробыв в районе, уезжает в Туапсе; оттуда он посылает телеграмму — выслать немедленно 50 тыс. руб.

Так происходили ревизии Петрицы и его района, начиная с маленьких агентов и кончая самим Игнатенко. Все давали телеграммы о высылке денег, и все «ничего не видели».

По 1 августа 1924 г., по конец ликвидации Кавказского района, Петрицей было заготовлено 140 тыс. шпал, вместо 250 тыс. Все это по данным ликвидации должно было стоить 262 тыс. руб., а израсходовано на это 627 тыс. руб.

За это время главное внимание Петрицы было обращено на то, для чего он появился, т. е. на спекулятивную деятельность. На Нижегородском заводе вырабатывался паркет из материалов дороги, инструментами дороги. Вся работа производилась на средства государства, а выработанную продукцию готовили на сторону. Кроме того у Петрицы были и другие махинации: операция с Донуглем, убыточность которой приняла на себя Средне-азиатская дорога, отправка Ставропольскому кожевенному заводу четырех вагонов клепок. Кряжи, которые должны были идти на выработку вагонного бруса, распиливались на клепки и наконец непосредственно продавались. Та же операция произошла и с телеграфными столбами. Вся частная деятельность Петрицы происходила на средства Средне-азиатской железной дороги.

Ревизор Лозинский, в своем показании на предварительном следствии,

говорит: «уезжая на ревизию в Майкоп, я взял доклад Романовского, где говорилось о наличии 250 тысяч шпал и 25 тысяч телеграфных столбов. Когда я явился в район, я искал это количество, но не нашел». Значит, Романовский, член партии, представил дутый доклад. Это действие Романовского будет понятно, если припомнить, что за ним есть растрата в 3 100 руб.

ЛИЧНОСТЬ Ф. ИГНАТЕНКО

В заключение остановлюсь на центральной фигуре данного дела — на личности Игнатенко.

Экспертиза дала заключение, что к моменту приезда Игнатенко из-за границы у него не могло быть никаких свободных средств. Как это получилось? Человек был долго за границей, получал большое содержание и ничего не привез сюда. Получилось это очень просто. Прежде всего он внес в Стокгольмский банк 1 800 руб., которые и до сих пор там лежат. Кроме того он имеет заграничные акции, за которые также платил деньги. Наконец, его жена достаточно свободно и широко жила за границей, как видно по ее письмам. Из писем Игнатенко видно, что им производились значительные закупки. Вывод экспертизы, что у Игнатенко от заграничных денег ничего в наличности не осталось; это ведь арифметика, а не психологический вывод. Таким образом, нужно поставить крест на каких бы то ни было крупных суммах, привезенных Игнатенко из заграничных командировок.

Из переписки, которая здесь оглашалась, видно, что представляет из себя Игнатенко. Он занимался спекуляцией, а на суде даже не отрицал и ростовщичества, лишь бы не признавать взятку. Из писем меня интересует его переписка с Багаевым, через которого можно было получить акции «магнаметалла». Это — заграничное изобретение сходное с алюминием; преимущество его в том, что оно прочнее алюминия и легче его на 30 %. Игнатенко хочет выдать «магна-металл» за свое изобретение и получить на него патент.

Из писем к жене его фигура выявляется еще ярче. Оказывается, отправляясь за границу, он берет царские и керенские деньги для того, чтобы их там продать, и в письмах к жене сообщает, что с «царскими и керенскими ничего сделать нельзя — они ничего не стоят». В своих письмах он пишет о ее поездке за границу и предлагает обратиться в ЦК партии и не стесняться, посылнее там нажать, так, «чтобы они пищали». Его письма носят характер писем замоскворецкой купчихи: «Да благословит тебя бог за беспредельную доброту... мы получаем от всевышнего многое на земле... будем дружно идти к небесной жизни»... Из своего жалования он сэкономил 36 руб. Об этом событии он начинает так: «Теперь приступаю к милому сердцу разговору с тобой — во-первых, положил советские деньги на текущий счет, 35 р. 29 к. золотом». Затем пишет, что нужно взять деньги из Швеции, так как они там будут лежать даром, невыгодно.

Я не буду останавливаться на письмах его жены, Зои Игнатенко. Она прошла перед судом и достаточно ярко себя выявила. Дочь бывшего помещика, жена своего мужа, Федора Игнатенко, она стоит его. Недаром прошло 15 лет их совместного жительства. Недаром она пишет о своем возвращении в СССР, где работает муж: «я с ужасом думаю о том, что опять окажусь там».

Вот что представляет из себя Игнатенко по его же собственным письмам; я здесь ничего не убавил и не прибавил.

Если учесть такие свойства Игнатенко, учесть те взаимоотношения, которые существовали у него со Стомой, то будет понятно, откуда у Игнатенко в ноябре 1923 г. оказалось 5 $\frac{1}{2}$ тыс. руб., которые он дает под вексель Петрице. По поводу 8 $\frac{1}{2}$ тыс. руб. в Украинском банке, которые жена его положила 31 марта 1924 г. на свой текущий счет, Федор Игнатенко выдвигает версию «с брильянтовыми сережками». Сережки эти он получил в наследство от тетки, продал их ювелиру за нелепую сумму в 14 тыс. руб. золотом, и деньги передал Зое Игнатенко.

Игнатенко брал взятки от Стомы. Он брал деньги от Стомы и дал под вексель Петрице-Петриченко 5 $\frac{1}{2}$ тыс. рублей и получил от него вексель на 8 $\frac{1}{2}$ тыс. руб. 3 тысячи руб. были включены в вексель как взятка.

Товарищи судьи, перед нами прошла эта гнусная эпопея деятельности лиц, у которых на первом плане, по их выражению, «государственные интересы», где подрядчики «бескорыстные, бессребренники», а в действительности хищники, взяточники. Все, как я говорил, люди с высшим и средним образованием.

Что же их толкнуло на это дело? Конечно, не нужда толкает их на получение тысячных взяток, а их идеология, их хищнические аппетиты. Моя оценка их социальной опасности будет основываться на статье 6 УК. Их преступление угрожает основам советской страны, тому строю, который является переходом к коммунизму. В нашей общественности эти люди не только не нужны, но и абсолютно вредны, и приговором суда будет указано их настоящее место.

Далее обвинитель останавливается на квалификации и санкции, требуя в отношении Петрицы-Петриченко, Федора Игнатенко и Стомы, по 2-й ч. 128 ст. УК, в ы с ш е й м е р ы — р а с с т р е л а, а в отношении прочих — срочного заключения с поражением прав и конфискацией имущества.

Приговором Военно-транспортной коллегии Верховного суда СССР от 9 апреля 1926 г.

КУЗНЕЦОВЫ, отец и сын, НАТУЧЧИ и Мария МОРГУН оправданы. ПЕТРИЦА и ФЕДОР ИГНАТЕНКО приговорены к расстрелу, остальные 10 человек к срочному заключению.

Приговор в отношении ПЕТРИЦЫ и ИГНАТЕНКО ФЕДОРА приведен в исполнение.

IV. ДЕЛО СОТРУДНИКОВ ХЛЕБНОГО ОТДЕЛА ГОСБАНКА СССР

Дело захватывает период с 1922 по 1926 г. включительно. Дело это — яркий образец серьезного наступления частного капитала на хлебооборот в стране, путем использования госбанковских средств через Учетное общество взаимного кредита. Здесь скрывается серьезная опасность неосторожного подбора руководящего состава в наших кредитных органах; недоучет опасного направления деятельности плохо контролируемых об-в взаимного кредита, захваченных частным оптовиком и ставших проводниками государственного банковского кредита в среду хищников и спекулянтов, дезорганизующих наш внутренний рынок. Здесь вскрывается у с т р а л о в щ и н а на практике проводимая руками наших классовых врагов.

Хотя большая часть подсудимых состояла из участников-спекулянтов и сотрудников Об-в взаимного кредита, однако дело и в периоде следствия и на суде получило окраску как дело сотрудников Хлебного отдела Госбанка по той центральной роли, которую играли в деле два ответственных сотрудника Госбанка — Телеснин и Поляков.

Основное обвинение предъявлено подсудимым по 58 ст. УК. т. е. обвинение в экономической контр-революции; остальным — по ст. 117 и 118 — дача и получение взяток.

Кроме Телеснина и Полякова, в процессе характерны следующие фигуры: Порец, только что перед этим приговоренный к расстрелу с заменой по амнистии; Раковщик — комиссионер, и Нисон Штерн — заведующий хлебным отделом Московского учетного О-ва взаимного кредита.

По делу привлекалось 20 чел. обвиняемых.

Дело слушалось в Москве Уголовно-судебной коллегией Верховного суда СССР с 9 декабря 1927 г. по 3 января 1928 г. в составе Антонова-Саратовского, Мелнгалва и Миничева.

ОБВИНИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ 28 ДЕКАБРЯ 1927 Г.

ЗНАЧЕНИЕ ДЕЛА

Товарищи судьи! Во время судебного следствия мы получили полную картину всей обстановки дела. Дополнительные обстоятельства нарастали как снежный ком, и из небольшого, казалось сначала, дела создана широкая и яркая картина. Значение дела, переданного по постановлению Президиума

ЦИКа СССР на рассмотрение Верховного суда СССР, видно и из самой постановки следствия и из предъявленной квалификации, и наконец из того глубочайшего внимания, с которым вы подходили к этому делу.

Мне думается, я буду прав, если скажу, что данное дело есть своего рода тревожный симптом, заключающийся в том, что преступление совершено в учреждении, которое в нашей системе в нашей экономике составляет нечто вроде блуждающего нерва в человеческом организме.

Госбанк в системе социалистического хозяйства, при нашей экономике, есть финансовый регулятор всего рынка, а в той области, в которой работал Хлебный отдел, и регулятор хлебного рынка.

Перед нами выявились, кроме того, и методы работы частного капитала. Нас учил Маркс, что методы накопления капитала никогда не являются идиллическими, и здесь мы увидели подтверждение этого.

Мы видим, как проникает в наш государственный аппарат частник, как в нашем государственном аппарате действуют и работают представители буржуазии — наши враги, рядом с нами, пользуясь званием советского работника. Мы судим здесь не Госбанк, а взяточников Телеснина и Полякова; мы судим не политику Хлебного отдела Гос. банка, а практику, устряловскую, предательскую практику Телеснина и Полякова. Лица эти возглавляли Хлебный отдел, им безгранично доверяли, они являлись главным рычагом всей практики, а значит, и выразителями политики, которую должен был проводить Хлебный отдел Госбанка. Мы видели как через этих двух лиц частник завладел Хлебным отделом и его использовал. Мы увидели, товарищи судьи, устряловщину на практике. Дается советским правительством директива, ясная, простая, четкая, понятная для каждого честного советского гражданина. И вот эта ясная и простая директива, в претворении ее в жизнь руками этих людей, извращается и превращается в то, что я называю «устряловщиной» на практике.

Перед нами осветилась, наконец, роль Московского учетного о-ва взаимного кредита не как исполнителя тех или иных государственных заданий, возложенных на Учетное о-во, а как организатора и собирателя крупного оптового спекулятивного частного капитала.

Цель существования Хлебного отдела Госбанка достаточно ясна: снабжение хлебом государственных и кооперативных организаций, доставление хлебопродуктов для экспорта, регулирование и кредитование государственных хлебных заготовок, хлебной торговли, но не снабжение частного капитала, не помощь крупному оптовому капиталу.

На суде мы встречаем обычно такое явление: тот или иной преступник, появляясь на суде с обвинением во взяточничестве, всегда старается выставить себя в благородном свете: — Да, взятки я брал, но интересов государства я не продавал.

Кроме того эти люди тащут за собой и других, тех, которые по отношению к ним являются начальниками или их политическими руководителями. Мы слышим от Полякова и Телеснина: это распоряжение дал Шумский, то Реске, такое-то обстоятельство было известно Хазанову, Инденбауму, Машкину.

Мы видели здесь этих свидетелей, кроме Реске. Они не могли встать

перед судом с полным сознанием собственного достоинства; у них были неприятные моменты, когда им предъявлялись те или иные документы, содержание которых, как льгота частнику, инкриминировалась обвиняемым, и их спрашивали, видели ли они эти документы. Да не только видели, но и подписывали их. Они заявили здесь: — «нас подвели, надули, обманули, предали те, которым мы доверяли, которым доверяло все правление».

Конечно, мы желали бы другого положения: чтобы ответственные работники были ответственны не только по своему положению, но и по содержанию своей работы.

Тов. Рыков на XV партсъезде говорил, что «хозяйственники должны организовать так работу, чтобы за технику отвечал техник, а у нас ответственные работники имеют перед собой конвейер бумаг, которые протекают перед ними и которые они механически подписывают». То же самое происходило и здесь, т. е. механическое отношение к делу.

Что должен был сделать тот или иной начальник в отношении Телеснина и Полякова? Организовать их работу, дать им определенные указания. Поляков, который называет себя специалистом, должен целиком отвечать за технику исполнения: ведь его и взяли как специалиста, иначе его, бывш. купца 1-й гильдии, и на порог не пустили бы в советское учреждение.

Та обстановка, которая перед нами прошла, далеко не радостная. В этой обстановке есть известная опасность. Я считаю, что лица, подобные Полякову и Телеснину, и их действия опаснее шпионов и шпионажа. Шпион действует тайно, скрыто, урывками, а Поляков и Телеснин действуют открыто, в форме служебных действий, которые они умеют замаскировывать. А рядом с ними устранивается и другой, постоянный враг нашей экономики — спекулянт, стремящийся к наживе всеми средствами. Взятка здесь была лишь как необходимое дополнение к тому, что делалось.

Когда раньше у нас проходили в суде дела о взяточничестве, то изучалось лишь, кто взял, кто дал, сколько и как. Дальше этого сплошь да рядом суд не уходил; а теперь, в то время как усложняется наша экономика, когда спекулянт-частник превращается в реального врага, — теперь взяточничество приходится исследовать и по тем результатам, которые получились после всех тех действий, за которые дана взятка.

Директивы съездов и конференций нашей партии, начиная с XIV и XV партийной конференции, дают как основную линию в отношении частного капитала, следующее: «сужение поля деятельности частного капитала, регулирование частного капитала, нормирование и учет его».

Никогда, конечно, не было у нас линии на всемерное привлечение частного капитала в форме поддержания для дальнейшего его развития и укрепления его позиции. Для нас частный капитал, частный сектор, есть зло, наследственная болезнь; и чем скорее это исчезнет в нашем хозяйстве, тем скорее мы перейдем к социализму.

ЛИЧНОСТЬ ПОРЕЦА

Я сделаю по возможности краткий обзор тех сделок, которые инкриминируются обвиняемым. В хронологическом порядке — сделки Пореца в 1925 г.

Несколько слов о нем самом. До революции — мелкий торговец, после революции технорук Харьковского пищевого треста, управляющий мыловаренным заводом. Мелкий спекулянт, он вдруг поднялся на гребне революции до значительной высоты. С 1922 г. он арендатор крупорушки.

Необходимо сказать и о том, что представлял из себя Порец в деле заведующего Курским губфинотделом Бородавского. Это была темная шайка; у них даже были свои клички, например Бородавский назывался «Товар», Порец — «Лазарь». «Первый звонок» — это означало, что надо пойти к Порецу, и он, Порец, передаст взятку. Порец передал 10 тыс. взяткой; Порец организовал настоящий трест из местных крупных спекулянтов, от которых он передал взятки Бородавскому за понижение налогов. Сам Порец работал частично на деньги Бородавского.

Наконец интересно, как Порецу увеличивается государственный кредит. В 1922 г. он имеет 2 тыс. руб., в 1923 г. 7 тыс., руб., в 1924 г., когда он переходит в Курск, 38 тыс. руб., а в 1925 г. уже 94 тыс. руб. Он здесь гордо заявил, что у него был текущий счет в банке на 300 тыс. руб. С таким другом, как член президиума Губисполкома Бородавский, он, видимо, имел возможность работать. Порец в Курской губернии чуть ли не спаситель ее от недрода ядрицы и гречихи.

Частник, спекулянт, начавший с пустого места, «благодетель» целой губернии!

В 1925/26 г. Порец далеко шагнул. Его годовой оборот выражается в 2 1/2 млн руб. По-своему, он очень доволен революцией. Он здесь сказал, что имел «маленькую прибыль» — в 6-7%. Если взять это от 2 1/2 млн. руб. то, значит, он «зарабатывал» полтора-два тысяч в год. Такой человек обязательно будет «за советскую власть».

ЛИЧНОСТЬ СЕМЕНА ШТЕРНА

В этих же сделках 1925 г. участвует и Семен Штерн, фигура тоже незаурядная. Надо вообще отметить, что мы имеем дело не с простачками. Все это — народ бывалый, прошедший огонь, воду и медные трубы. Семен Штерн в 1918 г., и при белых и при советской власти, служит в Крыму. Далее он вместе с дезинфекционным обозом переходит в состав Красной армии. Затем он оказывается в Москве «по декрету» и заявляется в Наркомздрав. Наркомздрав к нему никакого отношения не имеет, но дает ему почему-то командировку в Курск, откуда он уже получает солидную командировку в Москву.

Я спрашивал его, что это за транспортировка такого драгоценного груза из города в город. Он мне сказал, что «если бы вы служили в Красной армии, так и вам бы дали». Он, видите ли, «служил в Красной армии», он тоже — «красноармеец».

В 1921 г. он член правления так называемой фирмы «Московский стандарт». Это мелкое единоличное спекулятивное предприятие, которое сначала раздулось, а потом лопнуло, и ничего, даже мокрого места, после себя не оставило.

Семен Штерн и до этого дела занимается спекуляцией. Он уже тогда имел связь с об-вом взаимного кредита. Через брата, Нисона Штерна, он

получал ходовые товары, занимался крупной спекуляцией, вел широкий образ жизни. Такие люди никогда не голодают. За свою деятельность он получил было «командировку» из ГПУ в Сибирь на три года, но вывернулся.

СДЕЛКИ ПОРЕЦА

Теперь переходим к сделкам Порца, которых всего 16.

Связи Порца с другими учреждениями были очень широки. Он показывал, что он за 1925 г. заключил сделки с Моссельбанком, Моссельпромом, Хлебопродуктом, кроме 16 сделок с Госбанком. Из 16 сделок 10 были заключены Порцом с Гавриковским агентством при Московской хлебной бирже. 6 в Пскове и Рыбинске, причем 8 московских сделок — с правлением Госбанка. Маклером Немировским было заключено семь сделок, из которых по шести сделкам предъявлен Госбанком гражданский иск. Немировский заключал все убыточные для Госбанка московские сделки Порца.

Если Порец умеет заводить необходимое знакомство и связи, а это он умеет делать; если он завел связь в Об-ве взаимного кредита через своего служащего Семена Штерна; если завел необходимую связь с Госбанком через Нисона Штерна, почему бы не завести ему обычными приемами связь и на Хлебной бирже с маклером Немировским, который заключал все «пахучие» сделки Порца?

Пока существует Гавриковское агентство, Порец работает с такими сотрудниками агентства, как Усиевич и Бунин; когда агентство ликвидировалось, Порец перебросился в провинцию, и сделки заключались непосредственно в самом правлении Госбанка.

АГЕНТСТВО ПРИ ХЛЕБНОЙ БИРЖЕ („ГАВРИКОВСКОЕ“)

Теперь о самом агентстве. Весь хлеб, находящийся в Гавриковском агентстве, был в распоряжении Хлебного отдела Госбанка, и только оттуда могло поступать распоряжение о продаже хлеба, а условия сделки согласовывались с директором Московской конторы Госбанка, Рябовым.

Перед судом прошел документ, из которого видно, кто такой Рябов, он получил «Соловецкую дачу» за взяточничество.

По документам, которые имеются в деле, прошла перед нами частично и работа агентства.

В докладе заведующего Хлебной инспекцией от 4 октября 1924 г. говорится: «применяемый агентством широкий доступ клиентуры на склад создает невыгодные условия для отбора», т. е. не только в сделках клиентура ставила свои условия, но ходила и в элеваторы. Проведен целый ряд грузов дефективными без актов Хлебной инспекции.

Дальше указывается, что более 50 вагонов хлебопродуктов не заприходовано свыше 4 месяцев, дубликаты находятся неизвестно где; вагоны хлеба затеряны. В другом документе о том же самом агентстве указано, что «агентство хлебной биржи, не взирая на качество муки, отпускает ее по одной цене, причем создает для частных хорошие условия, для госорганов — худшие». Агентство прямо отступало от установленных цен, например: мука продавалась частникам по 3 руб. 50 к. при биржевой ее цене в

3 руб. 80 к. Через это агентство и проводят свои операции Порец и Штерн Семен.

Смычка произошла между следующими лицами: в Хлебном отделе — Поляков и Телеснин; в МУОВКе — Нисон Штерн со своим братцем; в Московской конторе Госбанка — Рябов, связанный непосредственно с Хлебным агентством биржи через Бунина и Усневича; в центре, как пожинатель всех выгод от этих операций, — Порец.

Теперь несколько слов о сделках.

Первая сделка № 1054 — на подсолнух. 15% наличными, 85% через 30 дней, причем инкассация бесплатно, что уже является своего рода кредитом. Затем представляется транзитный тариф. Товар продается Порецом в Кинешму, Шую, Иваново-Вознесенск, Бронницы — в Хлебопродукт и Церабкооп, т. е. возвращается снова в государственный канал, с накидкой в 85 коп. на 16 килограмм, обогативши по дороге Нисона Штерна в форме отчисления с оборота, Семена Штерна, который делил отчисления с Раковником, а также Пореца и Телеснина.

Сделка № 1210, тоже скверно пахнет и тоже заключена Немировским 16 марта 1925 г. т. е. как раз на переломе, когда с пшеном-дранцом настроение сменилось с тихого на оживленное. Цены начинают расти, а сделка заключена на таких условиях: 15% наличными, 85% через 15 дней со дня заключения сделки. Пшено Порецом перепродается через 13 дней полностью за наличные, тогда как Порец получил кредит на 15 дней. Значит, товар был продан еще тогда, когда срок его платежа не наступил. Продан он был Владимирскому горпо по аккредитиву. Таким образом вся сделка прошла на средства кооперации.

Сделка № 1724 заключена Немировским на овес. Вся стоимость векселями на 45 дней, без неустойки и с применением транзитного тарифа. А тот же Немировский через 12 дней заключает сделку с Гусь-комбинатом и за худший товар берет 1 руб. 90 к. при расчете: 50% наличными и векселями на 30 дней, т. е. для государственного учреждения более тяжелые условия, чем для частника Пореца. Этот овес попал в лесничество и в Харьков. Значит, льготный тариф использован.

Далее обвинитель разбирает остальные сделки Хлебного отдела Госбанка на пшено, крупы с частными оптовиками через об-ва взаимного кредита. Сделки совершались как раз во время кружных хвостов в Москве. Отмечая в каждой сделке быющие в глаза льготы частнику против государственных учреждений, с определенным намерением Полякова, Телеснина, Нисона Штерна сорвать хлебную политику советской власти, при сознательном пособничестве частному спекулянту со стороны биржевого маклера Немировского.

Перехожу к сделке № 73, ребриковой. По тексту эта сделка как будто благополучна, но все дело в исполнении.

Я обращаю ваше внимание, гг. судьи, на то, как меняются приемы этих граждан, как они работали в пользу частника: в 1925 г., когда можно было действовать свободнее, они вносили льготы прямо в сделку, а в 1926 г., когда нужно было быть более осторожными, они эти льготы давали уже во время исполнения сделки.

15 октября 1926 г. заключена сделка на 3 276 ц овса, натура — 70 — 72,

влажность 15 — 17% и сорность 2 — 3%, по цене 4 руб. 82 коп. за ц. В условиях нет ни слова о шастаньи, а в дальнейшем дается распоряжение о шастаньи на Сампурский элеватор. Стоимость за шастанье взыскивается с покупателя на месте. Сделка заключена правлением Госбанка, дубликат оплачивается в правлении, а элеваторный сбор почему-то оплачивается особо на месте. Ввозные, за хранение и страховка перечисляются на Тамбовское отделение Госбанка.

Это было сделано для того, чтобы скрыть самый факт шастанья, т. е. предоставления частнику услуг аппарата Госбанка и возможности получить шастаный овес вместо нешастаного, который на рынке расценивается почти вдвое дешевле против шастаного. Расчеты производились как за нешастаный овес.

Экспертиза заявила, что акт от 3 ноября 1926 г. не приемочный акт, а копия с наряда. Я пришел к выводу, что это сделано для того, чтобы скрыть качество овса, поступившего в шастанье.

Расчеты, представленные защитником Тагером, мне ничего не говорят.

Ввозные, хранение и страховка по Ржакскому элеватору не уплачивались. Правда, там шастанья не было, но, поскольку получено извещение, должно было произойти перечисление, и поскольку отгрузка сразу не могла быть произведена в течение льготного срока, покупатель должен был платить за хранение, между тем по Ржакскому элеватору никаких сборов не значится. Я просмотрел все расчеты, представленные защитником Тагером, и нигде не видел ни одной суммы по этим статьям.

Перехожу к сделке № 108 от 20 октября 1926 г. — на 17 200 ц овса. Это — наиболее сложная сделка. По ней продан овес не 1925 г., а 1926 г., поскольку это было как раз в разгар заготовительного сезона. Когда свидетелю Вейцеру был поставлен вопрос: может ли продажа 20 476 ц овса частнику дезорганизовать овсяной рынок, он ответил отрицательно. Так говорит теоретик по организации рынка, а практик по дезорганизации — Нисон Штерн — говорил, что достаточно пригнать на станцию 10 вагонов овса, чтобы сейчас же цена полетела вниз. Могла ли или не могла дезорганизовать московский рынок такая продажа и как — это еще вопрос.

В то же время произошла недопоставка военному ведомству. Нам известно, что кондиции по этой сделке вполне подходили и для военного ведомства, а если мы примем во внимание, какой товар получался по этой сделке в действительности, то не приходится и говорить, что этот овес не мог бы пойти в военное ведомство. Между тем мы знаем, что при сдаче военному ведомству проходил большой брак. А по сделкам № 73 и № 108 не только не было брака, а овес сдавался лучшего качества, чем было в условии.

Последний вопрос общего характера — о бонификации. Овес везде выше условий, а никакой бонификации не указано. Между прочим, мы знаем, что Госбанк сам получал овес с бонификацией, а сдавал частникам без бонификации.

Суду приходилось неоднократно рассматривать документы дебетовых счетов, т. е. расчетов, по которым дебетовались счета по сделкам № 73 и 108. Каждый работник Хлебного отдела, просмотревши внимательно эти расчеты, мог бы понять, в чем тут дело. Сдается овес, как нешастаный, а натура его — 90 — 91, сорность чуть ли не полпроцента. Как же не понять,

что это пш а с т а н ы й овес? Документы должны же пройти через коммерческую дирекцию.

Далее обвинитель анализирует сделки Госбанка на овес с Ровнером, Еремеевым, Лауриным, указывая целый ряд льгот и преимуществ, данных Поляковым и Телесниным частникам при выполнении сделок: громадный кредит, сдача лучшего овса, чем указано в условии, даже селекционного; оплата пшанья по ставкам государственных организаций; ускорение погрузки и отправки; предоставление завозности, т. е. льготного тарифа; неуплата элеваторных сборов и т. д. Особые льготы отмечаются в отношении спекулянта Лаурина, как со стороны Госбанка, так и со стороны Скотопромышленного об-ва взаимного кредита (через Кесслера и Могилевкина).

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ПО СДЕЛКАМ

Рассмотрение материала по сделкам закончено. Я считаю, что после проведенного нами судебного следствия более подробного освещения и не нужно. Я хочу перейти к тем основным моментам, которые возникали в отношении всех сделок Телеснина и Полякова с частными лицами. Коротко можно сказать, что Поляков и Телеснин смотрели в карман частнику и работали на карман частника.

Дело здесь не в халатности, а в том, что в основном и коренном искажалась политика советской власти по отношению к частнику вообще и в хлебной торговле в частности.

ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ОБЛАСТИ ХЛЕБОЗАГОТОВОК

В какой форме и против чего совершили преступления Поляков и Телеснин в области кредитования частных хлебозаготовок. О том, что по кредитованию предоставлялись частникам совершенно беспримерные льготы, после разбора целого ряда сделок говорить не приходится.

С 27 сентября 1925 г. до конца 1925 г. имеется целый ряд циркуляров, категорически запрещающих государственное кредитование частной хлеботорговли. В деле есть до десяти циркуляров Наркомторга, относящихся к тому же периоду и подтверждающих это запрещение. Очевидно, в местных органах укоренилась практика, которую нужно было выкорчевывать целым рядом циркуляров. В одном из них дело доходило до угрозы репрессивными мерами.

Итак, в 1925 г. начинается решительная борьба с финансированием частного капитала в области хлебозаготовок и хлеботорговли. Мне скажут: «а вот с 18 февраля до сентября 1925 г. нет ничего, запрещающего такое кредитование». Но ведь нет и ничего разрешающего. Если недостаточно решения совещания работников Госбанка от 18 февраля 1925 г., то надо искать другой документ, который бы допускал, хотя бы в какой-нибудь форме, кредитование частной хлеботорговли. Такого документа нет.

В отношении 1926 г. защита представила целый ряд документов о разрешении о-вам взаимного кредита производства товарно-комиссионных операций и кредитования по следующим хлебопродуктам: гречиха, крупа всех сортов, горох, бобы, чечевица и грывовой подсолнух. Но в этих документах речь идет о кредитовании не со стороны Госбанка, а со стороны взаимного кредита.

Имеется еще один документ, представленный мной, которому защита посвятила серьезное внимание — это циркуляр Наркомфина и Наркомторга от 13 октября 1926 г. об участии банков в кредитовании хлебных операций. Здесь имеют значение только три строчки первого пункта о том, что «о-вам взаимного кредита запрещается производство всяких хлеботорговых операций, в том числе и товаро-комиссионного характера». Из этого следует, что сделка № 73, с льготами по кредитованию, заключенная 15 октября 1926 г., и сделка № 108 от 20 октября 1926 г. с кредитованием со стороны о-ва взаимного кредита покупателей, купивших у них овес, не только неправильны, но и противозаконны.

ДВЕНАДЦАТИМИЛЛИОННАЯ ЗАГОТОВКА!

Последний момент — это попытка МУОВСКА заключить с Госбанком договор на поставку 12 млн пудов зернопродуктов, где МУОВК предполагал выступить в роли хлебозаготовителя. В деле есть постановление СТО от 22 мая 1926 г., первый пункт которого начинается с постановления об охвате внеплановых хлебозаготовителей, причем этот охват возлагается на Госбанк. Дальше ничего нет ни в этом документе, ни в постановлениях пленума ЦК, на которые ссылался Шумский, ни в резолюциях апрельского пленума, ни в резолюциях июльского пленума, где между прочим имеется специальное постановление о хлебозаготовках. Нигде ни звука об о-вах взаимного кредита об их привлечении к хлебозаготовкам.

Прежде всего, что такое о-во взаимного кредита? Это есть регламентированный государством, в интересах проведения соответствующих государственных целей, орган, который должен по государственным заданиям регулировать распыленный частный капитал, обслуживая главным образом мелких розничников, но никак не крупных оптовиков преимущественно. Ни у одного общества нет функций производственного характера, нет заготовительных функций. Это — частнокапиталистические финансовые организации.

Шумский заявил, что он «обрадовался», когда пришел представитель о-ва взаимного кредита с предложением о заготовках. Что называется, на ловца и зверь бежит. Только в Госбанке об этом подумали, и вдруг — предложение. Я думаю, что тут «вдруг» не может быть. «Вдруг» бывает только на сцене, а здесь было иначе: сначала было обнюхивание, ощупывание, затем переговоры, а потом уже появился этот «представитель» Нисон Штерн.

Что же могло бы из этого получиться?

Нисон Штерн говорил на суде: «мы должны были привлечь только 600 тыс. руб. частного капитала, а далее я развернул бы по СССР грандиозный план на заготовку 40 млн пудов хлеба».

Настоящий Минин с Красной площади!

Я с некоторым страхом думаю: а что, если бы этот договор удалось заключить? Какая бы тут развернулась вакханалия хищников, и сколько дней нам пришлось бы тогда просидеть над новым судебным процессом!

Вокруг этого предложения свился целый клубок: Раковщик, Гринберг, братья Штерн, Поляков, Телеснин. Был уговор о взятке в процентах с заготовок, но и доли процента с тысячей тонн тоже сумма приличная. Хватило

бы «детिशкам на молочишко» для всех участников, а особенно для директоров Хлебного отдела Госбанка — Телесина и Полякова.

И в их действиях, и в действиях частных все время чувствовалось какое-то ожидание, надежда на какой-то циркуляр. А может быть, Наркомфин и Наркомторг прижимают частного временно, может быть, в конце концов выйдем «на старую николаевскую дорогу?»

Далее, по поводу «предложения» Нисона Штерна поднимается в Хлебном отделе Госбанка мышиная беготня: звонят в Наркомторг, заседают, — все дело поручается Полякову. Хорошо, что этот договор не состоялся, потому что тогда у нас был бы процесс о хищении не одного миллиона государственных средств и не один Порец на этой истории поднажился бы. А что эта частная заготовка, с государственным ее кредитованием, дала бы частнику, мы заранее знаем, так как частный оптовик всегда являлся главным дезорганизатором нашего рынка.

КТО ПЕРЕД НАМИ

Нам всегда в суде приходится обращать серьезное внимание на то, кто перед нами стоит. К этому нас обязывает и наша классовая сознательность, и политика советской власти, к этому нас обязывает и УК. Среди этих 20 человек нет ни одного рабочего или крестьянина, или хотя бы выходца из этой среды. За исключением двух, все — с высшим образованием. Я, конечно, ничего не могу иметь против высшего образования, но поскольку они его получили до революции, как выходцы из буржуазной среды, постольку это определяет их классовую принадлежность. Все они вылеплены из одного теста, все они представители одного и того же класса, а следовательно, и одной и той же идеологии.

Каждый день на улицах Москвы мы видим тысячи таких Раковщиков, снующих между учреждениями, пока наконец на них не взглянет солнышко ГПУ. Но на улице все это «приличные люди». А здесь они перед нами нагие, мы вывернули их наизнанку и нашли сплошную мерзость. Когда вспахивают целину, то вместе с черноземом выворачивают личинок, жучков и пр. На гребне революционной волны могут быть выкинуты со дна моря как драгоценности, так и трупы. Революция подняла огромные пласты новых сил из рабочих и трудящегося крестьянства, но эта же революция поднимала на поверхность жизни и мусор старой жизни.

По своему социальному происхождению и по тому, чем они раньше жили, интересовались, — что они для революции, и что революция для них? Вот, для таких, как Раковщик, который сказал, что он «почти коммунист», хотя и сын фабриканта? Они «служат» там, где это для них в данный момент выгоднее, прибыльнее: то в государственном учреждении, то в частном, то снова переметутся в государственное. Эти тушинские перелетчики зачастую связывают советскую общественность с обывательским болотом, с миром наживы и хищничества. Например Лансберг. Сегодня он организует лжеартель, завтра займется своей торговлей, затем метнется в Крымтабктрест, потом опять в торговлю.

Здесь затронуты частный капитал в области хлеботорговли и хлебозаготовок и о-ва взаимного кредита, здесь наконец затронута практика неко-

торой части советских служащих в учреждениях, имеющих для нас колоссальное значение.

Но можем ли мы сказать, что мы вычерпали до дна Поляковых, Телесниных, Штернов и Порецов? Этот процесс только симптом, но симптом в своем роде угрожающий.

Мы чаще всего сталкиваемся в действиях частного если не с прямыми уголовными действиями, то с постоянным систематическим обходом или попыткой обойти наше законодательство. И там, где ему удастся найти лазейку и обойти это законодательство, а тем более пуститься на преступление с целью наживы — главным орудием его действий всегда являлась, является и будет являться до тех пор, пока частник существует, — взятка. У него два основных принципа: не подмажешь — не поедешь, не обманешь — не продашь.

История взятки есть история буржуазного общества и бюрократической власти. Но ведь нас не интересует история взятки, ее развитие и происхождение.

В настоящий период развития нашей экономики, когда мы напрягаем все свои силы для социалистического строительства, собираем все сбережения, все средства денежные и материальные на новое строительство, в данный момент взятка принимает в наших глазах особо опасный характер. Она становится уже политическим, контрреволюционным фактором.

Не приходится говорить, насколько это явление опасно в государственном учреждении. Но даже и в таком предприятии, как об-во взаимного кредита, взятка становится рычагом для подъема частного капитала.

Нисон Штерн на мой вопрос о том, не говорил ли ему Раковщик, что за сделки придется платить, с обычным своим «достоинством» заявил: «тогда бы у него» (т. е. Раковщика) «был бы очень бледный вид». Я в это время смотрел на Раковщика. Он смеялся, — и правильно: смешно это гордое заявление Штерна о своем соучастнике, что у него был бы «бледный вид», если бы он заговорил о взятке, т. е. том, чем они все работали.

ЗА ЧТО ДАВАЛИ

Не так важно, кто, кому и сколько давал, а важно, за что давали. Ведь частник платит за определенную материальную выгоду, за определенные льготы, за определенные поблажки, за определенные нарушения существующих правил, положений, законов. Этих льгот никто, кроме Телеснина и Полякова, им предоставить не мог. Гринберг предложил Телеснину воспользоваться его знанием конъюнктуры рынка, знанием хлебооборота, количества хлебных запасов, их местонахождения и т. д. Конечно, у Телеснина, как ответственного сотрудника Госбанка, такие сведения были, но он прекрасно знал, что это сведения не подлежат оглашению. И вот человек, которому доверяли не только работу в таком учреждении, как Госбанк, но доверяли и секретные сведения, торгует этими секретными сведениями, продает их за взятку.

КОМИССИОНЕРЫ

В 1921, особенно в 1922 г., когда не налажена была наша товаропроводящая сеть, расплодился тип людей «без определенных занятий», людей, которые хотя бы есть «свой хлеб с маслом» — комиссионеры.

Чем были эти комиссионеры в 1922 — 1923 г.?

Они связывали государственные учреждения, находящиеся иногда в одном доме. Когда мы впервые сталкивались с такими явлениями, мы думали, что здесь недосмотр, неопытность. Но ведь кроме наших товарищей из рабочих и крестьян, пришедших к власти впервые, были в государственных органах специалисты, люди, которые и до революции хорошо знали коммерческую механику, знали все махинации и комбинации. Эти специалисты не были наивны и неопытны.

Комиссионеры, как говорят и сами обвиняемые, скрывают — это их «коммерческая тайна» — происхождение товаров. Это — наивность, отговорка. Кто же из этой публики не знал и не знает, что владелец всех «благ» — государство и госучреждения? Кто из сидящих здесь лиц не знал принадлежность хлеботоргов Гособанку? К чему сказка про столик Гавриковского агентства на бирже, где они, якобы, могли получать все сведения? И это говорят люди, которые знают биржу, как свои пять пальцев, и которые платили за эти всем «доступные» сведения комиссионерам тысячи рублей. Не за столик им платили, а за сводничество с банковскими взяточниками.

И эта компания уже не комиссионеры, когда из них организуется целый воровской конвейер, когда они включаются в этот конвейер, как лишние звенья, чтобы метать заячьи петли, чтобы замечать свои следы. Не будь Раковщика, явился бы Семен Штерн. Он действовал бы с Поляковым и Телесниным, находил бы покупателей и оформлял бы сделки через МУОВК, так как МУОВК лишь ширма, а не фирма. Так составилась цепь — воровской конвейер для продвижения овса: элеваторы — Поляков, Телеснин, Абрам Гринберг, Раковщик, Семен Штерн, Нисон Штерн, Красновский, Буртман, Феттер — Лаурин — и овес на государственной фабрике, т. е. снова в государственном канале. Никакой «коммерческой тайны» для всех этих лиц нет. Есть определенный круг людей, который представлял из себя актив, поручения которого исполнялись: это — братья Штерн, Порец, Раковщик.

Я не настолько наивен, чтобы представлять дело так: приходит Нисон Штерн и говорит Телеснину: «вы нам предоставьте льготы, а мы вам барашка в бумажке». Конечно, таких разговоров Штерн и Телеснин не ведут. Эти разговоры заранее провели другие, а Нисон Штерн и Телеснин проделают официальную часть; друг перед другом, так сказать, «комедию ломают», как «официальные представители» двух учреждений. И хотя каждый из них знает заранее, какие условия договора уже оговорены, какой товар, сколько, когда и откуда будет отпущен, но они серьезно, как «официальные представители» двух учреждений, ведут «официальные» переговоры.

ИХ ПОКАЗАНИЯ

Чтобы охарактеризовать их показания, я должен остановиться на том, как они держались на суде. Мы слышали от них отрицание своих показаний. Не просто отрицание, а я бы сказал: бесстыдное отрицание. Нам приходится почти в каждом процессе наталкиваться на такое обстоятельство, что подсудимый изменяет свое показание. Люди с высшим образованием, как Телеснин и Штерн, заявляют, что они от своих показаний на дознании отка-

зываются. Телеснин объясняет это тем, что он не хотел фигурировать перед судом. Раковщик объясняет свой отказ тем, что жена была арестована. У Пореца почки разболелись и т. д.

Эти люди не останавливались и перед оклеветанием отдельных лиц, ведших дознание, и даже целых учреждений: Красновский заявил, что над ним во время дознания было произведено насилие, что он снимет рубашку, и прокурор может сам удостовериться, «что с ним сделали». Когда вызвали врача для его осмотра, и когда Красновский понял, что зашел слишком далеко, он стал менять свое заявление, а его защитник объяснил его фразу так, что он дескать хотел сказать: «посмотрите на мою печень, что у меня в печени».

На суде мы слышали много лжи. Задается какой-нибудь простейший вопрос Буртману или Кацве, и вместо того, чтобы кратко ответить на этот вопрос, говорят совершенно не о том, о чем их спрашивают. Это известный прием замазать основную мысль, стереть впечатление, чтобы от существа дела не осталось и следа. Суд для них — социально-политический враг.

Когда уже началось освобождение из-под ареста, произошло то, что обычно бывает — сговор, так как между всеми ними существует связь. Семен Штерн узнал об аресте Раковщика от тещи Антоновской, которая сообщает ему об этом письмом. Буртман, освобожденный из тюрьмы, приходит к жене Раковщика, с которой едва знаком, записывает телефон, адрес, «без всякой цели».

Кроме того, что они отказываются от своих показаний, кроме того, что они насыпали кучи словесного мусора, они все заодно. Когда тот или иной отказывается от своих показаний в своих интересах — это понятно, а когда это упорно делается и в интересах другого подсудимого, то явно, что здесь классовая круговая порука.

Это мы видим из показаний Феттера. Он говорил на дознании, что Лаурин «все знал, что он действовал в интересах Лаурина», а здесь отказывается от этого целиком. Это его не спасает, но это спасает Лаурина.

Теперь несколько слов в отношении подсудимых персонально. Т е л е с н и н — бывший помещик, предводитель дворянства. Когда его спрашивают: «Взятки брали?» — Брал. — «За что?» — Я вводил в заблуждение частных.

Придумал же объяснение для советского суда: он «вводил в заблуждение частных». Ему оказывается «не за что было брать», а «бедных» Пореца, Ровнера, Еремеева он ограбил, обидел. Я говорил, что Телеснин, по сговору с Поляковым, брал взятки не только за отпуск хлеботорговцев, не только за предоставление помощи и льготы, но и за предоставление частникам сведений, за информацию, которую он давал тем лицам, которые в этой информации нуждались. Только этим можно объяснить, почему сделки совершались на переломе цен.

Порец, при всей его «опытности» житейской, не мог знать конъюнктуру хлебного рынка в союзном масштабе. Телеснин давал сведения о том, когда и где лучше брать товар: не в Москве, а в Рыбинске, не в Москве, а в Ярославле, и какой именно товар, например, ядрицу. Это же чрезвычайно ценно; за это одно частник всегда будет платить любому хлебозаготовительному органу, где такие Телеснины найдутся. Только дай сведения о хлебообороте,

о нахождении запасов, их количестве и качестве. Вот что делал Телеснин, и вот за что он получал взятки, т. е. за определенное предательство интересов советской власти.

Поляков — купец первой гильдии, бежал от советской власти из Воронежа, из Харькова, появился в Москве. Каковы причины привлечения его Телесниным? Надо напомнить, что Телеснин, прошедший без него только две сделки, сразу почувствовал, что он натывается на Полякова, без которого шагу не сделаешь, а его, Полякова, не проведешь, как Инденбаума и Машкина, ему случайной бумажки не поддеуешь, — он сам на махинациях зубы съел.

Вспомним, что говорил Телеснин о том, как он подошел к Полякову. Телеснин изображает дело так, что он долго жеманничал, как подойти, заговорить не то через Гринберга, не то через сестру жены Гринберга. Такой «гогофы» не было; все-таки люди свои: один помещик, другой купец, не хватает только попа, тогда были бы в Госбанке все три столпа бывшего царского строя.

Мы слышали от Инденбаума и Машкина, что Поляков пользовался особым доверием. На хлебной бирже он заменял члена правления Реске; он присутствовал на ответственных совещаниях, к его голосу прислушивались. Чем он это заслужил? Для того, чтобы доверять человеку, нужно быть уверенным: во-первых, в знании им дела, и во-вторых, в его честности и в искреннем отношении к делу.

Поляков, оказывается, выступал «ярим противником работы с частником». Представьте себе человека, который левую руку протягивает за спиной за взяткой от частника, а правой рукой грозит этому же частнику. Худшего лицемерия не может быть.

Поляков, не отрицая взятки, изменил свои показания в отношении процентного отчисления с 12-миллионного договора. В одном из своих показаний он заявил, что не понимает, почему Телеснин его оговаривает, а когда мы сверили его показания с показаниями Телеснина, то показания обоих одинаковы в отношении соглашения о процентном отчислении.

РАКОВЩИК

Следующая инстанция — Абрам Гринберг (ныне умерший), который являлся приводным ремнем от Полякова и Телеснина к Раковщику. Абрам Гринберг — химик, с высшим образованием, организовал какую-то химическую артель, никогда раньше не работал в этой области. Он личный, давнишний друг Телеснина, и только поэтому он участвует в этом деле.

Далее, появляется на сцене Раковщик, с которым связывается Гринберг. О том, для чего приглашается Раковщик, какова его роль, с кем он будет связан, он знает, а также знает и о том, что он должен будет передавать взятки Полякову и Телеснину.

В одном из своих показаний Раковщик заявил, что признает свое преступление, кается в нем, но здесь от этих показаний, которые он собственноручно написал 19 февраля 1927 г., отказывается по приведенным выше соображениям.

Раковщик связывает Пореца с Гринбергом и Поляковым, и через доверенного Пореца — Штерна у них организуется совещание в Международной гостинице. Собираются три гражданина и говорят: в Госбанке хлеб плохо лежит, хорошо бы его взять, но за это надо дать, — все просто и ясно. Дальше вопрос «сколько», и только об этом они и говорят. О том, что надо дать в Хлебном отделе Полякову и Телеснину, все знают, и таким образом пять человек вовлекаются в единый круг. Далее — сделки 1925 г. и 1926 г., которые проходят по одному и тому же штампу: 2% от суммы сделки Полякову и Телеснину, остальные делятся на три части между Гринбергом, Раковщиком и Семеном Штерном.

Странная роль Семена Штерна. К чему он здесь? Казалось бы, никакого дополнительного звена не нужно. Тут просто личная договоренность между Раковщиком и Семеном Штерном. Семен Штерн брал для себя и своего брата Нисона Штерна, который должен был оформлять сделки, как заведующий Хлебным отделом МУОВКА.

НИСОН ШТЕРН

Меня удивила его поза, когда он перед судом выступил с гордой осанкой лорда. Может быть, это его манера держаться, но внешний вид его — это вид провинциального любителя-актера из парикмахеров. Три момента характеризуют его целиком и полностью: «моя фирма Стандарт», далее, его «грандиозный» план заготовок на 40 млн. руб., и наконец последняя его фраза. Когда я его спросил, зачем он в Москву приехал, он сказал: «потому что Москва — моя, да, моя Москва».

Я уже говорил о его тесной дружбе с братом. При такой тесной дружбе, при таких взаимоотношениях, которые установились между Нисоном Штерном и Семеном Штерном, Семен Штерн не только должен был посвятить Нисона Штерна в настоящий характер сделок, но и должен был делиться с ним долей барыша. У Семена Штерна есть заработок, и не маленький. Он получил за 5 месяцев 3 тыс. руб. Нисон Штерн бывает у него каждый день, обедает у него, и я не допускаю возможности, чтобы в мешанской семье не только брат, но даже просто знакомый, увидев улучшение обстановки, лучший, стол, не спросил бы о причине этого, не заметил бы этого.

Единственная причина отрицания Нисоном Штерном того, что он знал о «заработке» брата, это то, что и сам Нисон Штерн участвовал в доле в этом заработке брата.

ПОРЕЦ

Последний из этой группы шести — Порец. Надо ли говорить, что он, Порец, не младенец, каким он здесь представлялся, что о нем давно плачет санкция 58⁷ ст. УК. Он отказывается от того, что в гостинице договаривался с Раковщиком о взятках в Госбанке, что он даже слово «Госбанк» не произносил. Он чуть ли не заслуги перед революцией имеет, когда спасал Курекую губернию, сбывая туда ядрицу.

А откуда он раздулся до 21½ млн. годового оборота? Сам он говорил, что на сделках с Госбанком разорился. Как же он, «разорившись» на таких операциях, все-таки смог заплатить взятку в 15 тыс. руб?

ДАЛЬШЕ — БУРТМАН

Это — посредник между Раковщиком, с одной стороны, Скотопромышленным обществом и Лауриным — с другой. Он ныне заявляет, что не знал, что Раковщик делится с сотрудниками банка; он думал, что Раковщик «делится со своим хозяином». Хозяином Раковщика в то время был Порец. Деньги для передачи взяток Раковщик получал от Порца. У Буртмана выходит, что «Раковщик делится с Порцом деньгами Порца». Какая нелепость!

Буртман до революции заведывал Эльтонским и Баскунчакским озерами. После революции он был уполномоченным Всекопромсоюза по правобережной Украине, т. е. мог половину Украины разорить. Фигура — не маленькая. А здесь он выходит и заявляет, что он знает ничего не знает и дает детские объяснения. Он отрицает даже свое близкое знакомство с Раковщиком. А Раковщик доверяет ему не только всю сделку, но и получение всех взяточных денег.

Буртман устроил сделку, устроил Лаурину кредит. Чтобы устроить кредит в Скотобанке, Буртман нашел Могилевкина, связанного с членом правления Скотобанка Кесслером, передал им обоим за это взятку в тысячу руб. Иначе, почему Кесслер вдруг проявил бы такую заботливость о предоставлении кредита неизвестной фирме, которая с ними не имела никаких дел. Их учреждение маленькое, а кредит нужен значительный: человек хочет с 4 тыс. в кармане купить товар, стоящий 40 тыс. руб.!

Затем обвинитель характеризует второстепенных обвиняемых — комиссионеров, спекулянтов: Ровнера, Коханского, Ребрикова, Еремеева, Кацву, Лансберга, Гринберга, Лаурина, Могилевкина, Кесслера, причем отмечает, что громадные прибыли спекулянтами получены при покупке и перепродаже хлеботоргов, благодаря взяткам, которые давались Кацвой, Лансбергом и другими при помощи «комиссионеров».

Я кончил обзор фактического материала. Я уже останавливался на той опасности, которую таит в себе обстановка, раскрытая перед нами этим процессом. Все это говорит за то, что частник делает попытку вести подкоп под основные позиции нашей экономики, нашей политики в области кредитов и хлебооборота.

Все, что перед нами прошло, можно характеризовать как известную разнужданность, обнагление частника, как будто уверенного в своей безопасности, в возможности спекулятивной и преступной наживы. Да, это естественная природа частника, но когда эта природа становится на дороге нашего строительства, мы с ней боремся и экономически и политически. И я полагаю, что для устранения подобных явлений, которые установлены на суде, необходимо лицам, которые предстали перед нами, нанести оглушительный удар.

Далее обвинитель требует Порцу, Полякову, Телеснину, Раковщику и Семену Штерну высшей меры — расстрела, в отношении остальных 15 человек — срочное заключение с поражением прав.

РЕПЛИКА ОБВИНИТЕЛЯ

Я беру слово с некоторым опасением, что после моей реплики на вас снова ринется поток тринадцати речей. Но я вынужден, товарищи судьи, это сделать. Защита дала обвинению бой по всей линии. Именно потому, что

я выступал здесь как защитник интересов государства, я не могу не принять этого боя, объявленного мне защитой. В своей реплике я буду касаться уже не фактической стороны дела, так как я это сделал в своей основной речи, а того освещения фактической стороны дела, которое дано защитой в ее речах.

ДИАЛЕКТИКА ЗАЩИТЫ

Я слышал здесь отрицание всего того, из чего состоит это дело: дискредитировалось дознание, дискредитировались предварительное следствие, обвинительное заключение, само обвинение, экспертиза, гражданский иск, квалификация и санкция. Когда нам приходится выступать в экономическом процессе, мы нередко встречаем именно такую позицию защиты. В процессах политических, в процессах о шпионаже, тем более там, где обвиняемый сознался в шпионаже, защита держит себя иначе. Оправдывать действия шпиона, тем более, если он сознался, не только трудно, но и невозможно и недопустимо, а оправдывать действия частника, спекулянта, хищника и взяточника — за это защита берется.

По речам защиты, можно притти к одному выводу, с их точки зрения: в данном деле виновного нет.

А взятка — эта старая потаскуха, стоит перед вами и багровеет от стыда: ее превратили в Маргариту. Если взяточник Поляков стал у защитника Оцера Фаустом, с раздвоенной душой, если защитник Волькенштейн назвал заготовительную работу такого «серьезного заготовителя», как Нисон Штерн, «революционным планом», то тут уж как будто не далеко и до трудового ордена Нисону Штерну. Такое поведение защиты для меня не новость. Мы здесь и песни слышали не новые: здесь и объективные условия, здесь и иная эпоха — нельзя с точки зрения 1928 г. осуждать преступные действия 1925 и 1926 гг. — разные эпохи, т. е. диалектический подход.

В конце концов — к чему это сводится? По речи защитника Волькенштейна — телефонных разговоров не было, благоприятствования частнику не было, убытков не было, контр-революции не было. Как у Мольера: «тебя не было, меня не было, ничего не было».

Каждый из защитников брал только кусочек дела — только своего подзащитного. С этого и начинали: «Я не буду говорить об общем деле, я возьму только роль своего подзащитного». Таким образом, разорвавши все дело на кусочки, превратив все дело в грудку щепня, защита в конце концов вынуждена была с обратного хода собрать это дело воедино, потому что каждый защитник, выгораживая своего подзащитного, доказывал виновность другого. Вот своеобразная диалектика защиты.

Один из защитников сказал, что «арифметика отрицает жизнь», а другой заявил, что «жизнь отрицает арифметику». Разберитесь, товарищи судьи, в такой «диалектике».

ЭКСПЕРТИЗА

Я не берусь защищать следователя, который вел дознание, да это и не нужно, или защищать следователя, который вел следствие. Дело, товарищи

судьи, перед вами. Но экспертиза здесь отсутствует. Я мог бы, конечно, не останавливаться и на экспертизе и не защищать ее, — экспертиза во всяком случае компетентнее меня, но я не могу пройти мимо того способа, каким пользовались здесь в борьбе с экспертизой.

С экспертизой защита может бороться, — но когда и как? В судебном следствии извольте, граждане защитники, бороться с документами в руках. А какие новые документы появились у защиты после того, как экспертиза ушла с судебного заседания? Ничего нового. Можно, видимо, только спорить о выводах экспертизы, а не о фактах. Экспертиза — не обвинительный акт, а заключение специалистов. Поэтому каждый из защитников, который пытался разбить экспертизу, должен доказать анализом неправильность соответствующих выводов экспертизы.

Какой анализ вы здесь слышали, товарищи судьи? Например, защитник Тагер привел интересное сравнение. Он привел басню о лисе и журавле и сказал: «нельзя частника ставить в положение журавля, которому предложили кашу на блюде». Но нельзя ставить частника и в положение лисы, которой сотрудники Госбанка Телеснин и Поляков подают кашу на тарелке.

Что сделала экспертиза? Она произвела анализ сделок МУОВКа, сопоставила их с аналогичными сделками с госорганами и кооперацией. Она установила по всем сделкам благоприятствование частнику по сравнению с госорганами и кооперацией. Правильен ли этот путь? Совершенно правилен. Защитник Тагер, видимо, хотел прийти к выводу, что экспертиза была не компетентна по той причине, что экспертиза не могла дать ответа на некоторые вопросы.

Что же, товарищи судьи, и это обычное явление. Один защитник может задать столько вопросов, что и десять умнейших экспертов не ответят, а здесь было тринадцать защитников, и конечно, могли быть вопросы, которые оказались вне компетенции экспертизы. Экспертиза приглашена с определенной компетенцией, и только в определенной области ей можно было задавать вопросы.

НЕМИРОВСКИЙ.

Что здесь установлено в отношении маклера Немировского? Теснейшая связь его с частником, в интересах которого он заключает все скверные сделки. Это — единственный представитель биржевого маклериата здесь на суде. Наша советская биржа, где нет ажиотажа и спекуляции, должна быть регулятором работы частника и является для нас серьезной позицией; и когда туда попадают Немировские, мы должны сигнализировать опасность. Может быть, в дальнейшем будет обращено больше внимания на подбор биржевого маклериата.

ЯДРИЦА И БИРЖА

Нередко мы слышали здесь от защитников: «факты — упрямая вещь». Защитник Оцеп с одним фактом проделал следующее: «перелома отрицать нельзя, ядрица продана именно в момент повышения цен». Но «самым фактом этой продажи частнику произведен перелом в настроении рынка». Это —

представление о бирже, как о капиталистической бирже, где панику можно создать одной какой-нибудь спекулятивной сделкой.

В конце концов — что же такое биржевой перелом? Кто знает заранее об этом переломе и кто определяет этот перелом на нашей советской бирже? Разве какой-нибудь спекулянт? Разве какая-нибудь спекулятивная частная покупка? Разве биржевое положение определяется не основными хлебо-заготовителями и в первую очередь Госбанком? А раз оно определяется ими, то кому, как не Госбанку знать, когда этот «перелом» наступит, когда потребители, с которыми заключаются генеральные договоры, смогут брать от него хлеб, когда будут проходить сделки, которые потом регистрируются на бирже. Наша биржа сплошь и рядом выполняет только роль регистратора: не биржа заключает и направляет сделки, а основные заготовители и хлебо-потребители. Это — элементарнейшая вещь.

ЦИФРЫ ЗАЩИТЫ

Дальше, что сделали защитники с цифрами. Конечно, никому не возвращается заниматься арифметикой, подсчитывать. И вот, защитник Либсон, произведя такие арифметические упражнения, привел количество сделок за известный период времени со всей кооперацией по Москве и сопоставил эти цифры со сделками Пореца. «Смотрите, — говорит он, — какая ничтожная цифра — $3\frac{1}{2}\%$ ».

Я бы сказал, товарищи судьи, что это не ничтожная, а громадная цифра. Значит, достаточно по Москве иметь 30 таких Порецов, чтобы нашу кооперацию убить. А Порец даже не московский торговец, а из Курека приехал.

Есть такая вредная примесь к хлебу — спорынья. Когда она в хлебе выше 0,2%, то хлеб считается дефективным, а при примеси в 0,5% хлеб становится ядовитым. Вот такая спорынья в хлебной торговле и есть Порец.

ФАКТЫ ЗАЩИТНИКА ТАГЕРА

Защитник Тагер произнес блестящую речь; но во время его речи мне все время вспоминался рассказ одного блестящего охотника о своей охоте. «Иду, вижу: заяц — бенц! и до торби; иду дальше, бежит лиса — бенц! и до торби; дальше, бежит волк — бенц! и до торби; иду дальше, навстречу медведь». Я жду, неужели и медведя до торби. Да, «бенц! и медведя до торби». Так Тагер расправился со всеми обстоятельствами судебного следствия: бенц! и до торби. А тот рассказчик — охотник по медведю «пропуделял», так как слушатели пообещали ему «за медведя» бока намять.

ШАСТАНИЕ ОВСА

Защитник Тагер начал с того, что, по его мнению, основной ошибкой обвинительной речи является то, что обвинитель утверждает, будто частникам надо было продавать шастаный овес. Я просмотрел сегодня всю стенограмму своей речи, чтобы удостовериться, не сказал ли я в самом деле такую глупость. Оказывается, не говорил, и, конечно, речь шла не об этом. Я спрашивал: «почему вы вместо нешастаного, как было

по сделке, сдавали частнику шастаный овес?» Вот где центр тяжести: сдали лучший, чем продано. Дальше, защитник Тагер доказывал целым рядом совершенно ненужных цифр, что спроса на шастаный овес на рынке не было.

А какой же овес получали частники? Шастаный. «Если, — говорит защитник Тагер, — спроса на шастаный овес не было, значит, шастаный овес никому не нужен был». А частники шатали овес, значит, им и н у ж е н был шастаный овес.

Это первый «бенц» у защитника Тагера.

КАЧЕСТВО ОВСА

«За что же взятки давать?» — ласково спрашивает защитник Тагер. «Качество — по сделке, сборы — по таксе и оплачены, завозностью не пользовались». Значит, еще раз поговорим о качестве овса. По сделке № 73 натура овса должна быть от 70 до 72 золотников, а сдавали весь овес натурой от 72 до 78. С влажностью то же самое: по сделке она должна быть 17%, а сдается 16,2%. В качестве овса все определяется такой «мелочью», а влажность определяется даже десятыми долями. Эти мелочи дают частнику прибавку в несколько копеек на 16 килограмм овса. Это — второй «бенц» защитника Тагера.

ЗАВОЗНОСТЬ

А что же с завозностью? По речи защитника Тагера оказывается: «завозностью частники не пользовались». Откуда это? У Лаурина по сделке № 108 говорится: «при переотправке овса на Нижний и Кинешму надлежит применить завозный тариф на 7 вагонов». Кажется, ясно. Защитник Волькенштейн сказал, что о завозности будет говорить «наш Шаляпин», т. е. Тагер. Значит, «Шаляпин» и должен отвечать за правильность освещения вопроса о завозности.

У Ровнера представлены дубликаты, где указывается: «отправить на 1 Московско-киевско-воронежский завозный склад коммерческого агентства». У защитника Тагера память хорошая, но он о б э т и х д о к у м е н т а х перед судом умолчал. Завозность была предоставлена частнику, от этого деваться некуда. Некоторые частники ею воспользовались, а другие нет, как, например, Еремеев, который представил фактуру на два вагона. Но дубликаты все же давали ему право на завозный тариф. Если бы он не нашел покупателя, он двинул бы товар дальше по льготному тарифу. Льгота давалась, и если ею частник иногда не воспользовался, то не по своему благородству, а потому, что ему было так еще выгоднее. Мною представлена телеграмма, из которой видно, что в наряде Рязжского элеватора, по сделкам Ровнера и Еремеева, указано: «грузить завозный склад 18 вагонов». Фактура же представлена только на 2 вагона. Значит, на 16 вагонов использована завозность.

Это — третий «бенц» защитника Тагера.

И НАКОНЕЦ БОНИФИКАЦИЯ

Что сделал с этим «медведем» защитник Тагер? Он прежде всего привел

рассуждение о том, что если даже бонификация не включалась в сделку, то все равно банк «имел право» ее получить. Но она уже украдена, она у частных, а защитник Тагер . . . бенц! и бонификация — до торби.

По сделке № 1930 защитник Тагер начал с высокой ноты. Он объявил, что перерод в шастании не нуждается. Но ведь шастали именно п е р е р о д. Кацва и Лансберг шастали перерод без всякого риска, потому что расход по шастанию компенсировался натурой, которая получается после шастания.

Здесь, товарищи судьи, произведено мошенничество. Перерод нельзя было отгружать по сделке, и нужно было скрыть это обстоятельство. И только через полтора года по случайному акту мы узнали, что Кацве был сдан перерод, тогда как по сертификату прошел простой шастанный овес, а не перерод, да еще прошастанный. Но отбросим наконец перерод. Нам это стало известно только после того, как акт сдачи появился на столе. Скажем, что сдавался в шастанье обыкновенный овес. Что же тогда получилось бы? Все равно — безобразие. Должны были получить по сделке овес натурой 75, а сдали 76 — 78. Это — натура до шастания, т. е. сдавали отборный овес.

ДВИЖЕНИЕ ЧАСТНОГО ЗЕРНА НА ЭЛЕВАТОРАХ

Еще один маленький момент. Защитник Тагер восторжествовал, когда я представил справку о движении частного зерна на трех элеваторах. «Мне завидно, — сказал защитник, — что этот документ оказался не у меня, а у прокурора». Он привел подсчеты не совсем правильные: он насчитал частного зерна на трех элеваторах 3 276 т, а «если, говорит, взять 120 элеваторов СССР, то получатся миллионы». Во-первых, его цифры нужно уменьшить и выкинуть переходящие остатки, далее выкинуть, что в примечании сказано: «перечислено со счета Госбанка». Но не в этом дело. Ведь мы знаем, что если на элеватор попадает на хранение зерно, то оно может попасть от артелей, сельскохозяйственных коммун, от разных так называемых «диких» кооперативов, а не от Ребриковых и не от Порецов, как выходит у Тагера, т. е. бить в литавры по поводу этой справки не приходится. И представлялась она мною суду как раз в подтверждение того, что единственный овес частных-торговцев на элеваторах и был тот, который был продан Госбанком этим торговцам.

ПЕРСОНАЛЬНАЯ ЗАЩИТА

Теперь перейду к некоторым моментам по персональной защите. Посмотрим, как некоторые защитники защищали своих подсудимых. Защитник Оцеп, говоря о взяточнике Полякове, называет его Фаустом с раздвоенной душой. Я насчет этого интеллигентского мистицизма говорить не буду. Но если Поляков все-таки взятки брал, так это потому, что «у него большое сердце и необеспеченная семья». А защитник Волькенштейн сказал, что в этом деле «тротуарная» история. По тротуарам, дескать, ходили люди с университетскими значками.

Это — «трагедия интеллигенции». Но какой интеллигенции? Не той, которую мы ценим и поддерживаем, которую мы привлекаем к нашей работе, а той буржуазной интеллигенции, которая воспитана на паразитизме и ныне ничего не желает делать, предпочитая гранить москов-

ские тротуары в поисках легкой наживы, устраивать взяточные операции и спекулировать, чем идти работать, хотя бы в провинцию. Такая интеллигенция не стоит слез на советском суде.

Защитник Либсон говорил о Пореце и его «трагедии» (интересно, что у каждого из них есть своя «трагедия») «на него в Брянске давило это дело, а здесь его угнетает брянское дело. Он за 1925 г. два раза судился». Я не могу лишить защитника Либсона надежды, что он не будет защищать и в третий раз уже «расстрелянного» однажды Пореца. «До 40 лет, — говорит Либсон, — Порец был честным человеком», т. е. не имел судимости. Митька Рубинштейн, бывший банкир Распутина, только на днях попался в Париже и сел в тюрьму, а до сих пор он тоже «не имел судимости», значит, был «честным человеком».

Защитник Денике, говоря о Нисоне Штерне, нарисовал нам чрезвычайно благородную фигуру. Нисон Штерн «дал показания против себя, сказав, что у него с братом были наилучшие отношения». «Кто же может так отвечать, — воскликнул защитник, — жулик или отменно честный человек?» Защитник ответил, что «так может ответить только отменно честный человек». А я ведь могу взять и другой тезис защитника: так может отвечать отменный жулик.

Защитник Волькенштейн, защищая Телеснина, с дрожью в голосе произнес: «суду представлялись карточки, эти карточки не были приобщены к делу, а эти карточки-реликвии, которые Телеснин хранил до последнего времени, чтобы, может быть, когда-нибудь показать их своим детям, внукам и правнукам: «вот смотрите, как ваш папа страдал в тюрьме». Мы-то знаем цену этим «реликвиям», когда они появляются на суде. Это — не реликвии, а практические вещички для защиты от революции.

Тот же защитник Волькенштейн оговорился и о «дворянской честности» Телеснина. Да, был такой класс. Сто тысяч александровских жандармов, сто тысяч помещиков, которые были честными для представителей своего класса и были историческим кошмаром для крестьянства.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ МОМЕНТЫ В РЕЧАХ ЗАЩИТЫ

Защитник Оцеп бросил фразу, по-моему, очень рискованную: «на командных высотах у нас нет представителей черной контр-революции». А мы говорим, и не стесняемся даже перед заграничной белогвардейщиной, что у нас, к сожалению, такие еще остались.

Защитник Денике употребил даже такое выражение: «разве может быть контр-революция совершена с ведома и согласия Наркомторга?» Что это — умышленное или легкомысленное сопоставление — когда берется в целом советское учреждение? Надо же знать, что учреждение в целом действует по директивам советского правительства, воплощает и проводит политику советской власти, что поэтому недопустима и мысль, что Наркомторг, орган советской власти, будет проводить контр-революцию.

Защитники в своих речах разорвали дело на кусочки. Маленькие, мол, ничтожные люди! Кто же эти маленькие люди? Ведь говорилось и о Полякове и Телеснине, которые занимали руководящие посты в Госбанке, союзном органе.

Это, товарищи судьи, не история о маленьких людях, а история спекулирующих паразитических хищников, история обломков разбитого класса.

Наконец я с особенной серьезностью остановлюсь на тех моментах в реках защитников, которые уходили в область нашей политики. По поводу фактов можно спорить, можно их различно оценивать, арифметика у каждого, видимо, своя. Но политика советской власти для всех граждан Советского Союза, тем более для советской защиты, должна быть не только понятна, но и свята, выражаясь старым языком.

Вернемся к 1921 г., когда мы от военного коммунизма переходили к новой экономической политике. Это был момент, определяющий все наши дальнейшие отношения к частному капиталу. Тов. Ленин в своей брошюре «О продналоге» предупреждал нас, что «свобода торговли есть капитализм, капитализм есть спекуляция». Это — элементарная истина для нас всех. Но мы пошли на это, причем ближайшая цель была, по словам Ленина, следующая: «оживить оборот промышленности и земледелия, во что бы то ни стало». Он высказывал мысль, которая казалась тогда странной и парадоксальной; он указывал на необходимость в интересах социалистического строительства использовать частный капитал. Вот выдержка из его брошюры «О продналоге» (Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, стр. 225). Здесь мы читаем: «Кто достигнет в этой области наибольших результатов, хотя бы путем частного-хозяйственного капитализма... тот больше пользы принесет делу всероссийского социалистического строительства, чем тот, кто будет «думать» о чистоте коммунизма»...

В конце концов все поняли, что Ленин прав. Вся партия признала необходимость перехода к новой экономической политике, учитывая то положение, в которое мы стали перед крестьянством. Это была уступка мелкому товаропроизводителю-крестьянину. Мы даже не боялись назвать это «отступлением» перед мелкобуржуазной стихией в интересах дальнейшего социалистического строительства, дальнейшего наступления.

На II всероссийском съезде политпросветов 17 октября 1921 г. Владимир Ильич сказал: «Суть дела та, что борьба есть и будет еще более отчаянная, еще более жестокая, чем борьба с Колчаком и Деникиным». Борьба не на живот, а на смерть, — вот о чем говорилось в отношении частного капитала. И там же Ленин говорит: «Хозяиничайте все. Капиталисты будут рядом с вами, рядом с вами будут и иностранные капиталисты, концессионеры и арендаторы, они будут вышибать у вас сотни процентов прибыли, они будут наживаться около нас. Пусть наживаются, а вы научитесь у них хозяйничать». И дальше: «С точки зрения необходимости быстро научиться — всякое послабление есть величайшее преступление». Вот как определялась политическая линия в отношении использования частного капитала, использования капиталиста. Использовать нужно для увеличения производства продуктов, но помни: как можно быстрее должен пройти этот период науки у частного капитала. А «всякое послабление есть величайшее преступление».

Защитник Оцеп цитировал приказ тт. Шейнмана и Дзержинского, где, однако, говорится не об оздоровлении частного капитала, а «о здоровом росте аппарата частного капитала». Это же совсем другое.

Кто и когда указывал нам политическую линию на поддержку, на рост, на развитие частного капитала, на послабление ему? Никто и никогда. Это — основное, в чем путает защита. Я, конечно, не хочу и не имею права сказать, что она умышленно путает: видимо, это ее миропонимание, ее мировоззрение. Взяточника Полякова защищают словами Ленина о Малиновском: «Малиновский многих предал, но многих сделал большевиками». Мне это кажется странным. Поляков многих предал, предал интересы советской власти, но каких же борцов он создал, и причем здесь слова Ленина? Я считаю это недопустимым сопоставлением. Раньше, в дореволюционном суде, приходилось слышать цитаты из евангелия, теперь мы слышим цитаты из Ленина, Плеханова, Маркса для защиты взяточников, казнокрадов.

Защитник Муравьев говорит: «отношение к частнику менялось: были нажимы и послабления». Опять путаница, — путают тактику с политикой. Еще задолго до 1921 г., в 1919 г. Ленин говорил о правильном историческом размещении всех действенных сил, всех классов. Но для чего? Чтобы классы росли совершенно свободно, как крапива? Вот буржуазия, помещики, купцы, попы — разместите их, и пусть растут. Попы, проповедуйте все, что хочется; купцы, проводите свою спекулятивную политику, воруйте, обманывайте; фабриканты, захватывайте фабрики... что это за бессмыслица?

Неужели о таком историческом размещении говорил Ленин? «Свободное сотрудничество всех классов» — фальшивый лозунг буржуазии, а не рабочего класса и его партии.

Защитник Волькенштейн, отмечая недоказательность обвинительной речи прокурора, сослался на Плеханова: «сколько ни говори: отче наш», а я добавлю: сколько ни называй курицу рыбой, она все равно рыбой не станет. Защита, как «монаси», хочет превратить «поросенка в карася». Так защитник Волькенштейн защищал Телеснина.

Центр тяжести речи защитника Волькенштейна относится к «устряловщине». Действительно, он пришел к тому же выводу, что и Устрялов. Устряловщина, говорит он, — это «не волевая контр-революция». А что же такое устряловщина, как не отражение идеологии кулака и частника? Это в конце концов и обосновал защитник Волькенштейн, так как он бессознательно в своем выводе пришел к чистокровной устряловщине: и Устрялов и частник ждут «естественного» перерождения советской экономики в буржуазную.

Тот же защитник Волькенштейн говорил о «машинально подписывающих руках». Что же, мы знаем, что они у нас есть, но мы не даем им похвальную грамоту или ордена. Мы по этим машинально подписывающим рукам бьем и будем бить. Так учил нас опять-таки наш учитель Ленин. Он говорил, что коммунист, доказавший свое неумение объединять и направлять специалистов, не годится. Дюжину таких коммунистов можно отдать за одного добросовестного, знающего свое дело буржуазного спеца. Мы не боимся говорить, что некоторые коммунисты не оправдывают доверия партии, но защитник Волькенштейн в данном вопросе уже не судья.

КВАЛИФИКАЦИЯ

Теперь несколько слов относительно ст. 58⁷. Необходимо ли для определения контр-революции наличие «п о д р ы в а», как его понимает защита?

Что же защита могла бы назвать подрывом? Чтобы в один «прекрасный» день мы проснулись и увидели, что ни Госбанка, ни госторговли, ни кооперации нет, а есть только Порецы, Лаурины, Ребриковы, Еремеевы? Тогда защита скажет: «вот подрыв, теперь судите». Нет, дорогие защитники, тогда нам уже не пришлось бы судить, потому что если бы это случилось, тогда и советской власти и советского суда не было бы.

Что говорит ст. 58⁴? «Контр-революционным действием признается всякое действие, которое направлено к свержению, подрыву или ослаблению советской власти», то есть не только к свержению, не только к подрыву, но даже к о с л а б л е н и ю. Дальше, не только к подрыву, но «к ослаблению внешней безопасности», к «ослаблению основных хозяйственных или политических завоеваний». А разве торговля вместе с монополией внешней торговли не есть одна из наших командных высот, не есть основное завоевание Октябрьской революции?

Если вы, товарищи судьи, не найдете, не признаете в действиях Полякова и Телеснина и всех обвиняемых по ст. 58⁷, о с л а б л е н и я и государственной и кооперативной торговли, если вы признаете, что здесь участник не был поставлен в льготное, преимущественное положение, тогда вы, конечно, должны будете отвергнуть ст. 58⁷. Если же вы признаете, что действия обвиняемых ослабляли нашу торговлю, особенно на таком важном участке, как хлебная торговля, если вы признаете, что участнику были предоставлены льготы и преимущества по сравнению с госторговлей и кооперацией, то вы от ст. 58⁷ никуда не уйдете.

Один из защитников сказал, что ничего не горит и не нужен оглушительный политический удар. Когда полыхает пламя, иногда бывает поздно тушить. Тушить надо, когда еще появилась первая искра; когда же пламя над крышей, когда крыша рухнула, и пламя взвилось к небу, тогда уже будет не тушение, а гибель; мы придем к головешкам.

Я не буду останавливаться на сентиментальном выступлении защитника Богданова о «старой дружбе школьных товарищей». Остановлюсь на речи последнего — 15-го защитника, Рубинштейне.

Рубинштейн собрался в поход против прокурора, по его выражению «сбросив амуницию», т. е. нагишом. Для этого он сначала «распоясался» и с профессорской самоуверенностью заявил, что у него с прокурором расхождение только по двум линиям: процессуально-фактической и процессуально-юридической. Спасибо и за то, что «только» по двум, так как третьей не существует. Защитник Рубинштейн затем сказал, что речь прокурора и политически, и юридически, и фактически неверна, что обвинения нет, ничего нет.

Я не стану опять утруждать вас, товарищи судьи, ссылками на сделки. Вы знаете основные моменты: Лаурин дал взятку, заключил сделку на 40 тыс. руб., имея в кармане только 4 тыс. руб. Натура овса получена высшая, завозность применена, шастание произведено, овес получен шастанный, заплачено за нешастанный, т. е. получен целый ряд выгод, не говоря уже о таких побрякушках, как сверхурочные работы, командировка заведующего элеватором для продвижения овса Лаурина.

Мы слышали, товарищи судьи, целый ряд софистических рассуждений; но у нас суд не буржуазный и прения — не игра слов; наш суд — орудие

власти пролетариата и беднейшего крестьянства. Мы боремся с опасностью, даже с намеком на опасность, нашим революционным завоеваниям. И с тем, что перед нами здесь прошло, мы должны беспощадно бороться.

Приговором Уголовно-судебной коллегии Верховного суда СССР от 3 января 1928 г.

ТЕЛЕСНИН, ПОЛЯКОВ, ПОРЕЦ и РАКОВЩИК приговорены к расстрелу, с заменой по амнистии ЦИКа Союза ССР от 2 ноября 1927 г. 10 годами лишения свободы.

Подсудимые: НИСОН ШТЕРН, ЛАУРИН, МОГИЛЕВКИН, КЕССЛЕР, КАЦВА и ЛАНСБЕРГ — оправданы.

Остальные 10 человек присуждены к срочному заключению, с освобождением от отбывания заключения четверых из них по амнистии ЦИКа СССР.

V. ДЕЛО СРЕДНЕ-АЗИАТСКИХ ВОДХОЗОВ

Процесс обнимает период работы водхозов с 1924 по 1926 гг. включительно и частично 1927 г., так как предварительное следствие по делу производилось в 1927 г. Дело начато в результате обследования работы водхозов, произведенного НК РКИ СССР, после чего 3 марта 1927 г. коллегия НК РКИ постановила предать суду за бесхозяйственность руководителей водхозов: Рыкунова, Мора и Прохорова. Постановлением Президиума ЦИКа СССР от 6 апреля 1927 г. дело передано в Верховный суд СССР для следствия и суда. Предварительным следствием освещена деятельность трех средне-азиатских водхозов: Средазводхоза, Узбекводхоза и Туркменводхоза.

Это дело явилось среди судебных дел первым опытом подробного изучения работы планового строительства. Работа управлений водного хозяйства имела настолько большое значение для жизни и хозяйства Средней Азии, являющейся для Союза хлопковой базой, что начиная с 1924 г. союзное правительство обращало первостепенное внимание на усиленное финансирование водного хозяйства. Работа этих органов имела также громадное значение для средне-азиатского дехканства (крестьянства). Поэтому неудивительно, что процесс водхозов привлек значительное внимание всех общественных кругов не только Средней Азии, но и всего СССР.

Предварительное и судебное следствия, совпадая во всех основных моментах, выяснили крайне нездоровую обстановку в работе водхозов: отсутствие плановости, как в самом составлении планов (пятилетнего и операционных), так и в их выполнении; полное отсутствие какой бы то ни было бюджетной дисциплины (бесхозяйственная и бесцельная затрата громадных средств переходила в прямое расхищение этих средств); ни с чем несообразно раздутые штаты (набор сотрудников превратился в кормежку бесчисленной бездельной саранчи); увлечение грандиозными проблемами, ни технически, ни экономически необоснованными; увлечение широчайшими изысканиями для строительства, практическое осуществление которого было заведомо невыполнимо и по финансовым, и по техническим возможностям, а также не оправдывалось и экономическими данными, по крайней мере в ближайшее десятилетие. Как составление планов, так и составление проектов и смет производилось водхозами явно недобросовестно, с целью ввести руководящие органы в заблуждение и получить как можно больше средств из союзного бюджета.

Указанная обстановка повела к тому, что отпущенные по союзному бюджету 70 млн руб. дали настолько незначительные результаты, что предвари-

тельным и судебным следствием установлен реальный результат лишь от затрат на полезный эксплуатационный штат и эксплуатационное строительство. Новое строительство никаких результатов не дало, причем прирост орошаемой площади шел главным образом за счет интенсивности самого дехканского хозяйства и эксплуатационного строительства. На административно-технический персонал в общем израсходовано свыше 22 млн руб.

Вся эта обстановка была своевременно прекрасно известна не только руководителям водхозов, которые скрывали это от высших органов СССР, но и всем специалистам водхозов, а также некоторым специалистам центра, принимавшим участие в просмотре годовых планов водхозов или участвовавшим в комиссиях по обследованию водхозов — еще до ревизии НК РКИ СССР. Эта обстановка сохранялась в течение пяти лет, поддерживаемая корыстной заинтересованностью в ней некоторых работников водхозов, имевших значительные заработки на изысканиях, на проектировке, на командировках и на сделанных и сверхурочных.

Процесс, кроме этого, показал нездоровые уклоны в работе значительной части специалистов водхозов. Создалась своего рода каста, чуждая нашей общественности и интересам нашего хозяйства и строительства.

Всего привлекалось по делу 23 подсудимых, из коих 12 инженеров. Основное обвинение, предъявленное 20 подсудимым, — злоупотребление властью в корыстных целях, и 17 подсудимым — бесхозяйственность. Дело слушалось в Ташкенте выездной сессией Верховного суда СССР с 21 февраля по 29 марта 1928 г. в составе Антонова-Саратовского, Мелнгалва и Фатьянова.

ОБВИНИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ 21 МАРТА 1928 Г.

ВСТУПЛЕНИЕ

Исследуя настоящее дело в течение целого месяца, мы проходили по печальному кладбищу миллионов. Советский суд не останавливается и перед выявлением наиболее тяжких, наиболее безобразных явлений, когда советская общественность должна сосредоточить на них свое внимание. Сила советской власти — в той правде, с которой она подходит к трудящимся массам; этой правдой обуславливается и доверие к советской власти и связь ее с трудящимися.

Сущность данного дела не сложна. Имя этому делу — ф а л ь ш ь и о б м а н, имя системы, которая проходила перед нами — л е г к о м ы с л и е, переходящее иногда в а в а н т ю р и з м; душа всего дела — к о р ы с т ь. Это дело вскрыло язву на некоторой части советского государственного организма, каким являлись управления водного хозяйства. В течение пяти лет система эта оставалась без изменения. П я т ь лет приезжали ревизионные комиссии, смотрели, исследовали, изучали, составляли доклады, увозили многие пуды бумаг.

Невольно напрашивается вопрос: почему так долго могла существовать эта система? Почему никто не видел, никто не понимал того колоссального вреда, который наносится и советской власти, и нашему хозяйству, и нашему бюджету всем тем головотяпством, всеми теми безобразиями, которые

творились в средне-азиатских водхозах в течение пяти лет? На вопрос: почему так долго могла существовать такая система — я отвечаю в конце.

Мне приходится отметить и особое специфическое значение данного дела. Дело это не то, что называется обычным уголовным делом. В нем есть свои особенности, которые придают ему особую серьезность, особый характер. В момент, когда советская власть и страна напрягают все свои силы на развитие социалистического строительства, мобилизуя все средства: и материальные, и финансовые, и людские, прибегая к внутренним займам, обращаясь к трудящимся за помощью, — в такой момент всякая бесполезная, бесцельная, преступная растрата народных средств становится особо опасной. И наконец это дело ставит еще раз старый вопрос о правильном использовании специалистов. Ленин нам говорил не только о необходимости привлечения специалистов, но и о том, что без помощи техники и науки, без использования специалистов мы наше хозяйство строить не сможем. Но, используя старых буржуазных специалистов, привлекая их на работу, окружая их необходимым доверием, необходимо этому доверию ставить известный предел, который должен выражаться в разумном и бдительном контроле.

Тов. Рыков 14 марта 1928 г., встречая делегацию ученых химиков, заявил: «Когда мы закладываем основу будущего, необходимо найти приводные ремни между наукой и техникой и нашими оперативными органами, необходимо привлечь к активной творческой работе всех специалистов, которые честно хотят сотрудничать с советской властью».

Мы знаем, что среди специалистов есть такие, которые пришли к нам с тайной мыслью вредить советской власти в ее работе, но есть и такие — и советская власть таких ценит, — которые искренно и честно работают с советской властью, которые знают, что советская власть не эфемерна, не случайна, что внутри нашей страны нет такой силы, которая могла бы уничтожить советскую власть или заменить ее.

И вот это дело, мне думается, должно уяснить всем специалистам, в частности ирригаторам, что так дальше работать, как работали специалисты, сидящие на скамье подсудимых, советская власть не позволит.

Дело это чрезвычайно просто по своему содержанию, но чрезвычайно сложно по своему изображению, т. е. именно по изображению, а не по обстановке, о которой так много говорилось.

Перед нами проходили свидетели из того же круга, к которому принадлежит большая часть подсудимых, и, наконец, сами подсудимые. Мы слышали их многословные показания, превращавшиеся по форме в доклады. А «доклад» для них внешнее изображение внешнего благополучия, это иногда фальсификация положения. Такая фальсификация проходила перед нами в многоречивых показаниях обвиняемых.

Я должен буду в дальнейшем останавливаться и на документах, я должен вскрыть природу многих документов. Документы же составлялись людьми. Так называемые «официальные документы» в известной обстановке, в известных учреждениях, где внедрилась система фальши и обмана, тоже представляли из себя фальшь и обман.

Слушая эти «доклады» подсудимых, я, товарищи судьи, ставил себя в положение того, от которого зависело направление деятельности этих учре-

ждений, санкционирование предлагаемых мероприятий и отпуск средств, испрашиваемых ими. И, зная уже сущность дела, я говорил себе: «как красиво, как тонко ткется ложь, как трудно в этой лжи найти зерно правды».

Мне представлялось — как будто бы идешь по лесу; вот поляна, покрывая красивыми цветами, и эта поляна манит уставшего путника прилечь или вступить в нее. Вступают и — проваливаются. Такие поляны называются в северных лесах «чарусами». Вот такие чарусы — это материалы обвиняемых, это их доклады, это освещение положения в их учреждениях, вот такие чарусы — те официальные документы, которые заполняли тома этого дела и которые представлялись в высшие директивные и законодательные органы. Но, кроме документов, перед нами проходили и живые люди, не сознавшие ни своей виновности, ни ответственности перед советской властью за свои деяния. Мы видели здесь, как иногда мелкие, личные, корыстные интересы крылись в том или в другом официальном документе. в том или в другом докладе; как мелкие личные интересы двигали государственными делами.

Кто же подсудимые? Для советского суда не безразлично, кто перед ним держит ответ, из какой среды, из каких классовых слоев происходит обвиняемый, какие социальные корни в нем, а следовательно, какие побуждения действовали в нем, когда толкали его на те или другие преступные действия.

Из 23 подсудимых 5 — члены партии, из них двое с высшим образованием, двое — со средним и один — с низшим. Это — Рыкунов. Но все они, включая и Рыкунова, имели, кроме образования, громадный жизненный опыт, — и дореволюционный и, самое главное, послереволюционный. Все они были долгое время на ответственных постах. Из 18 остальных: 11 инженеры, т. е. лиц с высшим образованием, трое — главные бухгалтеры, два экономиста с высшим и два со средним образованием, т. е. все они люди высокой квалификации, высокого развития и с большим жизненным опытом.

Как государственный обвинитель, я обязан не только собрать сгусток обвинений, но анализировать и их показания: правы ли они, как это утверждают они сами, или виноваты; правильно ли поступила власть, предавшая их суду, или правы они, говоря об объективных условиях, спешке, особой обстановке, стихийных бедствиях и т. д.

В показаниях Рыкунова промелькнул один момент, когда он, говоря о бесплановости, указывал и на другие отрасли нашего хозяйства: «это не наша вина, а наша беда». Если продолжать эту фразу, потому что она не случайная, — она сплошь и рядом говорила им как обоснование своей защиты, получится: «у нас общая бесплановость». Если это так, значит — виноват не Рыкунов и не его аппарат, а «наша общая бесплановость». Так надо же, Рыкунов, иметь гражданское мужество и закончить эту мысль: «общая бесплановость советской власти, неумение советской власти строить свое хозяйство и управлять страной». Вот какой вывод вам, Рыкунов, надо было сделать, чтобы защитить самого себя и всех подсудимых.

Советский суд судит не только открытых врагов советской власти, не только грабителей, убийц, хищников, взяточников, открытых контр-революционеров, шпионов, но и тех, кто задремал на своем посту, кто забыл свой долг, кто с малодушием, в ком возникло неверие в построение социализма, в ком возникло неверие к достижениям советской

власти, кто сам пал и разложился и кто предал государственные интересы в пользу своих личных мелких, корыстных или шкурнических интересов, тех, кто в целях создания своей карьеры, использовывал свое служебное положение, подбирая аппарат не по деловым, а по личным соображениям, дабы избежать общественного и партийного контроля; тех, кто душил самокритику, именуя ее склокой и разложением аппарата, тех, кто в личных целях создавал вокруг себя подхалимство и тем самым действительно разлагал аппарат и его организации.

ИСТОРИЯ ДЕЛА

История дела имеет для нас, товарищи судьи, также свое значение, и мне хотелось бы вкратце отметить те этапы, которые прошли эти груды документов, покуда они предстали перед нами.

3 марта 1927 г. состоялось заседание коллегии НК РКИ СССР, которое, по докладу тт. Скобеникова и Боруздина, отметило непроизводительные расходы, не имеющие ничего общего с ирригационным строительством; было также отмечено, что водхозы не могли представить данных о полученном эффекте; указывалось на громадные расходы по изысканиям, на бесплановость этих изысканий; на громадные штаты и громадные расходы по этим штатам. Следствие по делу не только подтвердило все эти основные моменты, но и углубило и усилило их, превративши бесхозяйственность в безответственность, головотяпство, рвачество. Наконец, на суде, все моменты, отмеченные предварительным следствием и обвинительным заключением, подтвердились до мельчайших деталей.

Казалось бы, поскольку это так и поскольку 30 дней судебного следствия ввели нас достаточно в курс дела, я мог бы избавиться от повторения соответствующих моментов. Я мог бы сказать: предварительное следствие дало вам, товарищи судьи, материал, который полностью подтвердился судебным следствием, и я целиком и полностью поддерживаю свое обвинение — и на этом закончить.

Но на мне лежит не только обязанность указать на особенности этого дела, на его политическое и экономическое значение, на ту опасность, о которой я уже говорил вначале, но кроме этого я обязан дать оценку подсудимым, которые прошли перед вами, потому что в конце концов суд судит тех, кто создал и поддерживал эту систему.

Как же было принято решение НК РКИ СССР о сокращении штатов?

Вполне понятно, как оно было принято внутри самих водхозов, т. е. в том аппарате, по которому ударило это решение. Аппараты водхозов проявили самое упорное, самое жестокое сопротивление, в к л ю ч и т е л ь н о до итальянской забастовки.

Припомните хотя бы отношение заместителя начальника Туркменводхоза Шарова от 7 марта 1927 г., т. е. после того как только узнали о постановлении коллегии НК РКИ. Шаров пишет в Туркменхлопок: «Ввиду со-

крашения центром на 50% эксплуатационного штата Туркменводхоза, мы сокращаем свою заявку на поливную площадь тоже на 50%». По существу своему этот документ в иной обстановке и в другое время мог бы быть назван контр-революционным. Что это за подход к решениям союзных органов: тебе приказано сократить, а ты говоришь: «Вы аппарат сокращаете, так я вам работу вдвое сокращаю». Это же определенный саботаж.

Как проводилось сокращение штатов?

Сокращению подвергся только эксплуатационный штат, причем по Центральному управлению сокращению не подвергся так называемый сверхштатный аппарат. Таким образом, постановление коллегии НК РКИ по существу не выполнено. Вот как отнесся аппарат Водхоза к этому решению.

Сокращение в Туркменводхозе произведено, по отношению к общему количеству служащих, только на 25% и лишь впоследствии, в конце предварительного следствия, штаты Центрального управления Туркменводхоза доведены до 40 чел. против прежних 156, сокращение произведено на 75%.

По аппарату Средазводхоза сокращение происходило иначе. На его начальника, под его ответственность, было возложено провести сокращение. Тов. Дунаев провел его. Может быть, при таком проведении сокращения и допускались некот. ошибки в смысле чересчур быстрого свертывания тех или других отделов, но в основном сокращение проведено безусловно правильно.

Как были встречены действия Дунаева по сокращению? Главбух Левченко напр. говорил нам, что он не хотел работать в «сумасшедшем доме».

Бывший начальник Средазводхоза Рыкунов уже не связан с Средазводхозом, но самый факт того, что можно сократить на 50% штат, бывший при нем, есть для него осуждение, есть доказательство, что штат был преступно раздут. И вполне понятна злоба, которую Рыкунов изливает в своем письме к Рискину на Дунаева, называя его: гадина, кретин и т. д. Так обзывает Рыкунов своего товарища за то, что тот своими действиями, выполняя решение союзного органа, доказывает Рыкунову, что он в этой части был неправ, что аппарат его был преступно раздут. Рыкунов виноватым быть не любит, мы не слышали от него сознания своей виновности.

Рискин в своем письме к Рыкунову говорит о незаконности: «у нас плач, стон, избиение младенцев». Надо полагать, Рискин разумел и Упращан, хрусталевицу и хрусталеvских «младенцев», которые три года сосали казну, и на них никто не обращал внимания.

Рыкунов в Москве. Он принимает все меры для самооправдания. Ничего плохого, конечно, в этом нет. Право каждого гражданина доказать свою невиновность, если он в ней уверен, — но какими способами? Рыкунов отправляет ряд писем. 10 марта 1927 г. он посылает письма прокурору Верховного суда СССР тов. Красикову и тов. Сольцу. В последнем письме он делает сопоставление, которое пытался сделать и на суде. Он указывает, что если у нас бесхозяйственность и безобразия, то не только в водхозах: «посмотрите, что делается в других учреждениях; надо еще бросить жребий, кому итти под суд».

Оригинальное оправдание! Если я преступник, то не я один, если я совершаю преступление, то и другие это же делают.

Рыкунов говорит об обследовании РКИ; методы РКИ он называет «ублю-

дочными», решение РКИ — неверным. Он говорит о виновности и других лиц. Но если ответственный работник и член партии Рыкунов знал о всех этих данных, что он должен был сделать? Пойти к тем, кто его послал, пойти к правительству, пойти к партии и указать на тех лиц, которые делают то же самое или толкают его на преступные действия.

Ставил он раньше об этом в известность? Нет. Он и сам признал это на предварительном следствии. Это — единственное признание, сделанное им в последний момент предварительного следствия: «Моя вина в том, что я, видя водхозовскую обстановку, не ставил своевременно о ней в известность союзные органы». Это есть вина и не маленькая вина.

В то же время, в своем письме к Рискину, он говорит о постановлении коллегии НК РКИ: — «Гнусность, лицемерие, демагогия». Если расшифровать эти слова, то действительно выясняется такое разложение личности, что дальше идти некуда. Он говорит о высшем партийном органе, о постановлении ЦКК — РКИ, что там «творится гнусность, лицемерие, демагогия». Перед кем демагогия?

Когда Рыкунова вытянули за ушко на солнышко, он пищит, оскорбленный в своем величии, он говорит о лицемерии, о гнусности. Для чего? Для того чтобы еще раз покрыть всю ту гнусность, которая в течение пяти лет покрывалась им перед союзными органами.

Отдельным ответственным и ответственнойшим работникам центра Рыкунов в письмах доказывал свою полную правоту; что он всегда на первый план ставил государственные интересы. А вместе с тем в письме к Рискину он организует своих специалистов против советского суда. Он апеллирует не к партии, а к представителям чуждого класса.

Кроме него выступают на защиту водхозов и другие лица, из других слоев и групп. Профессор Ризенкампф, чье имя упоминалось на процессе не раз, 22 марта 1927 г. пишет письмо, в котором называет себя «незаинтересованной стороной». Он прежде всего указывает, что «постановление коллегии НК РКИ произвело удручающее впечатление на технических работников, что такое решение вызывает головокружительную качку госаппарата, производит трепку людей, вызывает нежелание работать». Если все эти благоприличные фразы расшифровать и логически продолжить, — не превратятся ли они в угрозу итальянской забастовки? И наконец Ризенкампф предлагает, прежде чем производить следствие по данному делу, все это дело передать на суд технических экспертов.

Нет, товарищи судьи, как-нибудь уж мы с вами без Ризенкампфа разберем и рассудим это дело сами.

И наконец во время судебного следствия, мною представлен протокол Инженерно-технической секции Ташкентского округа от 12 февраля 1927 г. В секции обсуждался вопрос о предстоящем суде. Какие требования, — не пожелания, а именно требования, — заявляет секция?

Во-первых: создать на суде «местную» экспертизу, т. е. опять-таки: вызовите нас на суд: Моргуnenкова, Хрусталева, Булаевского. Булаевский и Моргуnenков дали бы нам «соответствующее» заключение о деятельности водных органов, т. е. о своей деятельности.

Дальше: выдвинуть защитника от профсоюзов, организовать сбор денег на защиту и, наконец, «ввести в состав суда местного инженера».

Вообразим на одну минуту, что суд принял бы эти требования, в частности последнее, и я представляю себе за судебным столом члена суда Моргуенкова. Кого же бы я тогда стал допрашивать о фантастическом повороте Амударьи в Каспийское море?

Не остались в стороне от этого процесса и специалисты Водной секции Госплана СССР. 18 ноября 1927 г., на заседании пленума Водной секции, с участием Ризенкампа, Цейдлера, Ильина и Новацци, слушается доклад Чернилова и Волжина о поездке в Среднюю Азию по обследованию ирригации.

Что же там отмечается? В действиях работников ирригации в Средней Азии, оказывается, не преступление, а «ошибки» и «промахи», за которые судить нельзя, а кот. могут быть рассматриваемы лишь «в административном порядке». Секция настаивает на скорейшей реабилитации «невинных».

Вот какие этапы прошло это дело до того момента, когда оно попало, товарищи, судьи, на ваш судебный стол.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ВОДХОЗОВ

Переходя к изложению существа дела, я не буду останавливаться ни на истории создания водхозовских аппаратов, ни на тех взаимоотношениях, которые были между водными органами и другими учреждениями: ЭКОСО, Наркомземом. Можно только отметить одно обстоятельство, что республиканские водхозы в лице своих руководителей стремились к полной автономии, финансовой и технической, от Средазводхоза.

Не будем пока оценивать работу Средазводхоза. Возьмем тенденцию отрыва от вышней технической инстанции. Это значит — отсутствие технического контроля, потому что контроль из Москвы будет лишь номинальным. Далее, — финансовая самостоятельность. Это значит то же самое: пусть будет контроль «как можно дальше от нас».

Вот основная тенденция: денег дай и успеха ожидай, а работу нашу не проверяй. Это главное и основное желание всех водхозов.

Не приходится говорить о каких-то «национальных тенденциях» отдельных республик. Если приезжал в Средазводхоз новгородец Шаров или москвич Прохоров и заявлял: «мы, туркмены, или мы, узбеки, не позволим», то было ясно, что туркмены и узбеки молчат, а говорят чиновники в интересах бюрократических учреждений и в своих личных интересах. Так только и можно понимать эти «национальные» моменты.

КРУПНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Перейду к вопросу о постановке крупных ирригационных проблем. Когда мы говорили об «увлечении крупными проблемами», то дело не в том, что ставились крупные проблемы, а в том, что водхозы хотели обманым образом втянуть правительство в совершенно неподготовленное строительство.

Откуда исходило это увлечение неподготовленным крупным строительством в ущерб мелкому строительству, эффективному по своим результатам, в ущерб эксплуатации, как черной работе, не дающей больших заработков и известности? Это увлечение исходило и от специалистов центра.

Мы знаем, что постановка Кара-Кумских изысканий поддерживалась инженером Госплана СССР Цейдлером, инженером НКФ СССР Новадци и Ризенкампом. Местные практические работники, знающие ирригацию Туркестана, знающие интересы средне-азиатского водного хозяйства, однако, не выступили против этого необоснованного, непродуманного и легкомысленного увлечения — такими проблемами. Свидетель Бурнашев, председатель Госплана УзССР, говорил, что «благодаря такой обстановке, некоторые специалисты ловили золотую рыбку в мутной воде».

Имел место простой расчет: получить многомиллионные кредиты на громадные изыскания и строительство, хорошо покушать, а обман в расчетах откроется через 10 — 15 лет, а за это время «много воды утечет».

КОНЦЕССИОННЫЕ ОБЪЕКТЫ

Одновременно происходила задержка рентабельных проектов: Уч-Курганской степи, с анекдотической постановкой опытов с «сухими» рисами; Ширабада, к которому привязывается Сурхан-Дарья, Дальверзина, привязывающегося Ризенкампом к Голодной степи. Все эти объекты расположены в лучших хлопковых районах. Они рентабельные, не дорогие по своему выполнению в первоначальном их объеме. Свидетель Дунаев, говоря о концессионной практике, сказал, что когда на местах обсуждался список концессионных объектов, то списки составляли для сдачи в концессию (как он выразился) всего, «вплоть до своих штанов».

Конечно, не пожеланиями и не представляемыми списками определялась наша концессионная политика. Концессионная политика — одно, а практика — другое. Но я должен отметить те попытки искажения концессионной практики, которые прошли перед нами.

В деле имеется представленный во время следствия документ, из которого видно, что по книге Ризенкампа: «Проблемы туркестанской ирригации» составлены списки первой и второй очереди. Интересно взглянуть на этот список. В первой очереди мы видим: Уч-Курган, Дальверзин, Ширабад — отдельно каждый и без тех усложнений, которые к ним затем искусственно пристраивались в Техническом совете Средазводхоза. Стоимость этих и других объектов указана не свыше 30 млн руб. Принимая во внимание, что эти объекты расположены в лучших хлопковых районах, принимая во внимание незначительную их стоимость и рентабельность этих объектов, казалось бы, в первую очередь нужно было заняться работой в этих районах, а не лезть в Кара-Кумские пески.

Когда мы видим, как земли в лучших хлопковых районах, «жемчужины Средней Азии», залеживаются, искусственно задерживаются, усложняются различными нелепыми заданиями и вместе с этим намечаются к сдаче иностранному капиталу, а рядом с этим идут изыскания на новых землях, в Кара-Кумской пустыне, то здесь можно усмотреть нечто большее, чем бесхозяйственность. Разве рабочий, дехканин и крестьянин похвалит за это, если даже ему и объяснят, что, мол, для «большевиков нет ничего недостижимого», они и пустыню безводную оросят. Он на это скажет: «хозяева так не делают; когда рядом лежат прекрасные земли, — в пески, в пустыню за новыми землями не ходят».

Наши ирригаторы хотят опустить уровень Аральского моря и осушить его, чтобы получить новую землю, когда земля лежит неиспользованной в хлопковых районах.

Мы видели и тех лиц, которые под «внимательным» наблюдением Рыкунова искажали ирригационную политику. Это — Булаевский, который проводил в Техническом совете грандиозные проблемы, усложнял и задерживал наиболее рентабельные, или, как говорил Прохоров, «проваливал их, топил». Это — Ризенкамф, который, по словам Дунаева, каждый раз устраивал истерику, когда хотели приступить к работе по Дальверзину, который эту жемчужину привязывал к Голодной степи, потому что Голодно-степский проект — это его имя, его слава, его нажива. Ризенкамф, предлагал предоставить концессионному капиталу право возведения фабрично-заводских построек, торговых предприятий и, наконец, право учреждения банков на территории Голодной степи с предоставлением концессионерам права беспорочных взысканий в отношении дехкан. Словом, «американизировать» Голодную степь.

Разве это не было бы государство в государстве, гнет капиталистов в самом сердце советской власти? Разве это не было бы закабалением дехканина?

ОБСТАНОВКА БЕЗОТВЕТСТВЕННОСТИ

Для того чтобы были ясны действия, вменяемые подсудимым в вину, я, как обвинитель, обязан указать и на общую обстановку вокруг работы средне-азиатских водных органов. Нельзя рассматривать и оценивать деятельность того или иного учреждения отдельно, независимо, как вырезанный кусок из общего организма нашего хозяйства; есть хозяйственные, экономические и политические связи, связующие государственный и хозяйственный организм СССР в одно целое.

Свидетель Бурнашев и обвиняемый Прохоров рассказали суду о том, как в Узбекводхозе давалось задание составить проект орошения Карпинской степи, не заселенной, засоленной, чтобы создать что-нибудь ошеломляющее, хотя орошение этой, покуда никому ненужной степи обошлось бы в 250 млн руб. В Туркменистане ставят как практическую задачу — проведение Транс-Кара-Кумского канала.

Моргуненков заявил, что он «взялся бы повернуть Аму-Дарью в Каспийское море, если бы отпустили деньги», т. е. в конце концов признается реальность того, что до сих пор все называли «сказкой». Об этой «сказке» делались доклады туркменскому дехканству, которому обещают новые земли, обещают фиалки в пустыне, обещают 70 тысяч гектаров через два года.

Это было в 1924 г., а теперь 1928 г. — Где же фиалки, где деньги, где надежды дехкан?

Авантюризм одних и легкомыслие других, а в конечном результате радуется тот, кто на этом зарабатывает тот, кто на этом наживается; тот, кому так радостны всякие неудачи, всякие промахи, всякое дискредитирование советской власти. В такой обстановке возможна потеря ответственности, когда становится безразлично, как здесь говорили, что стоит на бумаге: «тысяча рублей или миллион, когда нули перестают иметь значение», т. е. про-

исходит потеря сознания ответственности: государственной, общественной, личной.

Мы видим на воле без узды фантазера, утописта. Нет более опасного существа, как фантаст-утопист-специалист, предоставленный самому себе, он может натворить больших бед. При такой обстановке часто бывали моменты, когда люди не знали, как нам говорили, «куда деньги девать».

В Хорезме, где дехканин своим горбом, тысячелетними приемами чистит тысячелетние каналы, вместо того чтобы скорее прийти к нему на помощь, произвести простейшее переоборудование допотопной системы на инженерную, — ему обещают электрическое орошение.

У капиталиста инженеры не выходили из рамок, а здесь они потеряли перспективу: хоть на Марс дорогу спроектируют, лишь бы им платили.

Вот в такой обстановке полной безответственности, обывательского подхода к разрешению экономических задач, что же могло быть в Туркменводхозе, в Узбекводхозе и наконец в Средазводхозе, как не самое легкомысленное головотяпское отношение к народным средствам, к тем миллионам, которые с таким колоссальным трудом собирает советская власть?

ПЛАНОВОСТЬ

Перехожу к анализу отдельных моментов обвинения.

В 1925 г. Средазводхозу предложено было составить пятилетний план. Интересно, как приступили сотрудники Средазводхоза — специалисты к выполнению этой своей служебной обязанности. Ведь для того их и пригласила советская власть, чтобы использовать их знания. А что получилось? Свидетель инженер Благов говорил нам: — «есть два вида бандитов: одни на большой дороге подходят к тебе с револьвером и говорят: «кошелек или жизнь», и есть причесанные бандиты, которые говорят: «ты хочешь получить план, дай мне столько-то сотен или тысяч и будет тебе план».

Так и подошли к делу специалисты Средазводхоза и Плановой комиссии, возглавляемой обвиняемым инженером Тромбачевым. Они запросили за составление плана полмиллиона рублей. Экономист Бурыгин, заместитель Тромбачева, пропустил на 60 тыс. руб. сдельных работ. Он заключал договоры, причем сам лично получил неизвестно за что 1 700 руб. Инженер Хрусталеv за перепечатку статьи из журнала получил тысячу рублей. Булаевский по Чар-Дарье получил тысячу рублей. Инженер Моргуnenков, экономист Шастал и целый ряд других специалистов получали также сдельные вознаграждения. Громадное количество лиц заработало на составлении пятилетнего плана.

Что же получилось? Булаевский за свои тысячу рублей составил часть пятилетнего плана по Чар-Дарье, включив туда два барража на 18 млн руб. Это было в 1925 г., а 28 июня 1927 г. протокол Технического совета указывает, что по этой самой Чар-Дарье «нет данных и для рабочей гипотезы»; значит, Булаевский тогда включил в план пустое место. Сведения брались с потолка, давалась фикция, вымысел. Оказывается, что барражи понадобились бы при проведении полностью проекта орошения Голодной степи, составленного в 1915 г. Ризенкампом.

Без проектов, без схем «первая наметка» была сделана на 722 млн руб.

Пятилетний план стал уже «перспективным планом», из него делается отбор на 270 млн руб.

Интересно сопоставить цифры прироста. В плане на 270 млн руб. прирост определен в 2 млн 200 тыс. га за пять лет, а в плане Средаз ЭКОСО в 328 млн руб. — прирост в 1 301 тыс. га. Стоимость плана больше, а прирост меньше, т. е. или план дутый, или прирост дутый.

По плану в 328 млн руб. на строительно-изыскательные работы отнесено 291 млн руб., а на эксплуатацию, так сказать — основной нерв для дехканского хозяйства, отведено 20 млн руб. на пять лет, или 7% общей суммы.

А на каком основании? Ведь если говорить о приросте, надо думать и о том, когда и как дехканское хозяйство сможет поднять прирост и его освоить. Экономист Бурьгин, оказывается, «не предвидит освоения», о чем, по его мнению, нельзя говорить раньше, чем закончится строительство.

На что же мы можем рассчитывать? Произведут строительство, орошат новые земли, а нужны ли они будут, освоятся ли или пролежат десятки лет орошенными с мертво-вложенным капиталом — это для экономиста Бурьгина безразлично.

Вот подход к составлению плана по этим наметкам, где на-глазок определяется стоимость пятилетнего плана.

В частности, как включались работы в пятилетний план? По Туркменистану нет никаких обоснований по работам на Атреке, Теджене, Мургабе, Аму-Дарье, в общей сложности на сумму свыше 40 млн руб. По Зеравшану на 49 млн руб. нет даже общей схемы. Пятилетний план по Туркменистану был составлен на 90 млн руб. Мы слышали показания подсудимого экономиста Макаровского, как он «обосновывал» прирост. Прирост им взят неизвестно откуда. Макаровскому все равно: обосновать ли 200 тыс. или 2 млн га. Это и есть «экономическая подтасовка».

При составлении плана с мест собираются акты о необходимости произвести ту или иную работу. Но надо же учитывать, что иногда местные интересы бывают не увязаны не только с союзными, но даже с республиканскими интересами.

Начальник планового отдела Туркменводхоза Пугаченков заявляет: «Мы не обязаны и не можем учитывать интересы Москвы». Это — характерная фраза: он, начальник Планового отдела республиканского учреждения, «не обязан учитывать интересы Москвы». А что же такое Москва? Какой-нибудь английский банк? Это же союзный центр. Москва — это союзное правительство, союзные органы, союзный бюджет, союзное хозяйство. Оказывается, Пугаченков составляет свой план «с точки зрения интересов своей колокольни», как он сказал. Вот как составлялся в Туркменистане пятилетний план.

Не приходится говорить о том, что и в Туркменистане происходила дележка денег за составление этого плана. Получали все, кого Пугаченков включал в свой список.

Ценность пятилетнего плана, как видно из документов, — грош. Извели только много бумаги, а работы — никакой, хотя и затрачено на это 200 тыс. руб. Потеря денег, потеря времени, создание пустопорожних документов, введение союзного центра в заблуждение — вот результат составления пятилетнего плана.

Совершенно вздорно и безосновательно утверждение, что проделана «большая работа» по систематизации объектов работ в Средней Азии. Ничего нового не выдумали, все объекты известны еще с дореволюционного времени и были систематизированы еще в 1923 г.

Начальник Туркменводхоза Мор заключил договор с инженером Рудницким и Шлегелем по Упрамургу. Шлегель, как говорили на суде, «привязан» был впоследствии к Рудницкому «для заработка». По Упрамургу имеется аппарат свыше 40 человек, который существовал полтора года и съел пол-миллиона рублей. А когда пришлось составлять пятилетний план, то начальник Упрамурга, пользуясь материалами и аппаратом Упрамурга, получает за это отдельно 5 тыс. руб. Это было в 1925 г., но и ныне нет ни схемы, ни смехотического проекта по Упрамургу.

Наворотили горы бумаг, повезли в Москву, а Москва должна выбирать из того, что набирается с потолка, со всех «углов», как говорил сам Рыкунов на ирригационном совещании.

Ну, а где же сознание ответственности за эту работу? Только в названии «ответственных» работников, хорошо восседавших в креслах.

ПЛАН 1925/26 Г.

В плане 1925/26 г. первоначально заявка была сделана на 23 млн руб. Рыкунов возвращается из Москвы, и кто-то ему шепнул, что можно рассчитывать на 40 млн руб. Дается задание — составить план на 40 млн руб., а аппарат старается и составляет план на 47 млн руб. Если бы Рыкунов приехал и сказал: можно запросить 100 млн руб., — составили бы годовой план и на 100 млн руб.

Но каков скачок для средне-азиатских водхозов!

В 1924 г. было получено 12 500 тыс. руб., а теперь просят 47 млн руб., т. е. почти в 4 раза больше. Это же полная диспропорция между наличием штата и между техническими и экономическими возможностями. Ведь есть же какие-то законы развития техники, экономики, хозяйства? С какими же техническими силами и материалами собрались сделать скачок от 12 до 48 миллионов?

Тромбачев защищал этот план в июле 1925 г., в Москве. И оказалось, что колоссальное количество объектов не имеет готовых проектов; они обещаются только к 1 октября 1925 г. Вержбицкий признал, что это обещание — явный обман. В списке, представленном в Госплан Вержбицким, указывается, что к 1 октября 1925 г. будет готов «проект по Куны-Дарьинскому каналу и по Транс-Кара-Кумскому каналу до Мерва и Теджена», и предполагается закончить строительный проект до Мерва и Теджена».

А оказывается, всего этого не было и не могло быть. Не было даже данных для составления этого проекта, и до сих пор их нет.

Как же можно было такие лживые, такие обманные бумажки представлять в Госплан СССР и обнадеживать его, что проекты будут готовы к 1 октября? Рыкунов сказал, что «он полагался на Вержбицкого», а Вержбиц-

кий откровенно сознался, что он «знал, что это было заведомо неправильно», что он «имел неосторожность защищать планы в Москве».

Ну, хорошо, Вержбицкий знал, что представляет ложь. Но когда Рыкунов видел, с чем он едет, знал, что у него «нет даже любительских проектов», знал, что цифры «набираются со всех углов», когда он вез в Москву липовые справки, липовые проекты, неужели он был так наивен в вопросах ирригации, чтобы поверить, что с июля до октября можно приготовить проекты по Куня-Дарьинскому и Транс-Кара-Кумскому каналу, которые невозможно составить и в 1928 г.? А ведь он нам заявил, что ирригацию он знает великолепно.

План 1925/26 г. представлен в Москву, в Водную секцию Госплана. Рыкунов на ирригационном совещании в Ташкенте, 25 — 26 июня 1925 г., заявлял: «У меня нет проектов, цифры брались со всех уголков. Здесь я критикую, но в Москве я буду идти впереди всех по защите этих планов».

Как же защищались им эти планы? Мы уже видели, что обычно при прохождении операционных планов по ирригации специалисты Госплана, сотрудники-консультанты Водной секции, получали особую оплату. С внешней стороны будто бы самый факт оплаты не представляет ничего противозаконного, но если посмотреть на это по существу, то получится следующее: из средств Средазводхоза эксперты-консультанты получают оплату за рассмотрение и дачу заключений по планам того же Средазводхоза. Планы рассматриваются сначала в комиссии, а затем в Водной секции, где те же эксперты дают заключения. Возможна известная заинтересованность, которая может отразиться на даче экспертами заключений.

Подсудимый Мор заявил, что «план просматривался поверхностно, в Госплане не предъявляли больших требований», что «обстановка беспроектности общая для всей Средней Азии».

Знали ли в Водной секции Госплана об этой беспроектности? Как мы увидим дальше, несомненно знали.

Заместитель председателя Водной секции Цейдлер, в своем докладе в президиуме Госплана заявил, говоря о Мервском и Тедженском каналах: «Чрезвычайно интересные проблемы, подлежат безусловному осуществлению». Проблемы, от которых отказались и свидетель тов. Паскупский и свидетель тов. Атабаев, оказалось, известны были Цейдлеру, как «конкретные, как реальные, как проблемы настоящего дня», поскольку они рассматривались и включались в операционный план 1925 г. Член Водной секции Чернилов при обсуждении плана на 1925/26 г. также говорит о проведении Кара-Кумского канала до Мерва, но заявляет: «по большинству работ схем и проектов нет».

Мы имеем представление о том, что из себя представляет средне-азиатская схема: это сплошь и рядом часть какого-либо единого целого. Это — не схематический проект, а не то «наметка», не то «рабочая гипотеза», не то предположение, но, во всяком случае, это не технически обоснованный документ, причем даже и недостаточно обоснованных документов по заключению Чернилова, по большинству работ нет.

Сметы проверялись на выдержку. Рыкунов заявил, что это вполне правильно, так как Госплан не может проверять всех смет.

При том положении, когда и сметы проверяются случайно, — что же из себя представляет смета без схемы, без проекта? Для меня ясно, что в Водной секции, для Цейдлера, Чернилова и других, было совершенно понятно, что им привезли необоснованный материал, и этот материал они пропускают, по этому материалу Цейдлер дает благоприятный отзыв.

Интересно заявление Рыкунова на заседании президиума Госплана в связи с докладом Цейдлера. Рыкунов говорит о «готовности его аппарата приступить к работам на 40 млн руб.» и о «скорой готовности проектов».

Э т о з а в е д о м а я л о ж ь. Нельзя же допустить, чтобы Рыкунов не знал, что его слова не соответствуют действительному положению вещей. В этом заявлении Рыкунова тот же лейтмотив, о котором говорил тов. Дунаев: «лишь бы дали деньги, а израсходовать мы сумеем». А что они израсходовать сумели, об этом я еще скажу дальше.

В частности, в отношении плана на 1925/26 г. необходимо упомянуть об одном обстоятельстве. Когда по постановлению СТО, принявшего не план, как таковой, а цифры по плану, по представлению Госплана, была назначена комиссия СТО для уточнения, а по существу для составления этого плана на месте, то Рыкунов дает телеграмму экономисту Бурьгину: «Экономически обосновать немедленно план». И начинают план по этой телеграмме обосновывать. Бурьгин отказывается подписать это обоснование. Почему? Он давал чрезвычайно уклончивые объяснения: «там, мол, подписались уже ответственные работники, моя подпись не нужна». Вполне понятно, что этот осторожный человек, — недаром же он в стенной газете изображен лисой, заматающей следы, — уклонился от личной и документальной ответственности.

ПОЕЗДКИ С ПЛАНОМ В МОСКВУ

Необходимо отметить факт, который также проходил в судебном следствии, а именно: поездки с планами в Москву целыми партиями. 20 — 25 специалистов едут из средне-азиатских водхозов в Москву, живут там целые месяцы, защищают, обосновывают свои дутые планы. Происходят грандиозные попойки, от которых дрожала гостиница.

Что это — их личное дело, их частная жизнь или существенный штрих для той обстановки, в которой проходило проведение планов? Швецов — начальник Таджикводхоза, севший за растрату по этим поездкам, производил эти растраты на попойки, т. е. попойки шли на государственные деньги. Недаром Вержбицкий, после возвращения из поездки, получал или дальнейшую командировку или ему под разными предлогами давались деньги; так ему была дана сумма в 21½ тыс. руб. за составление справочника, который и до сих пор, как мы знаем, не составлен.

Когда я спросил Рыкунова: «Швецов отдан под суд за растрату и в частности за попойки; Вержбицкий, в сущности говоря, тоже растратчик. Не вставал ли перед вами вопрос, что и вы также соучастник этой растраты? Ведь вы все пили вместе», Рыкунов заявил: «О б э т о м ж е в с е з н а л и».

ПЛАН 1926/27 Г.

План на 1926/27 г. составлялся по тому же принципу и с такой же «обоснованностью», что и план 1925/26 г. Но аппетиты растут. В 1925/26 г. соста-

вляли план на 47 млн руб., в Госплане он принимался Водной секцией в размере 31 млн руб. В СТО план был принят ориентировочно в сумме 23 700 тыс. руб. и в комиссии СТО в сумме 23 млн руб.

Что делается в 1926/27 г.? Рыкунов говорил о «необъятном, грандиозном плане». Бурнашев (председатель Узбекводхоза), говоря о составлении плана в Узбекводхозе, заявил, что «в пылу увлечения нагромодили на 35 млн руб.». Обвиняемый инженер Шугаевский показывал, что в план включались работы «ориентировочно». Только по госбюджету включено в план работ на сумму 26 500 тыс. руб., т. е. в три раза больше того, что дано в 1925/26 г. В Туркменистане на 1926/27 г. запросили в 4 раза больше того, что смогли израсходовать в предыдущем 1925/26 г.

Заканчивая вопрос о составлении планов, мне хотелось бы отметить еще одно обстоятельство. Мы видим, товарищи судьи, что сделали те специалисты, на обязанности которых лежало составление планов: включали работы «на-ура, вслепую, на-арапа, без технического и экономического обоснования, с точки зрения своей колокольни, без учета общих экономических и финансовых возможностей Союза». Пусть там «Москва разбирает». Ведь это все их выражения.

Разве это деловой подход? Разве это не обман советской власти? Где их профессиональное самлюбие и профессиональное достоинство в той работе, которую они ведут?

Инженер Васильев, например, на вопрос: «как же вы защищали планы, зная, что планы дутые, заявил: «приказали, и я поехал». Что это? Ответ человека, сознающего свою ответственность? Нет. Это ответ чиновника, а не работника, обладающего техническими знаниями и имеющего собственное достоинство. Действует как раб, как наемник: приказали, и он делает; не прикажут — он ничего не сделает. А на деле делали все, что было нужно для улучшения своего личного материального благополучия. И только!

ЛОМКА ПЛАНА 1925/26 Г.

В отношении плановости, я остановлюсь на последнем моменте, который завершает эту картину беспроектности и безответственности. План на 1925/26 г. в комиссии СТО проработали. План поступает в СТО. Законодательный орган обсуждает план с точки зрения хозяйственной, экономической и политической целесообразности. План прошел. Он стал законом для водхозов. План передают на место, и что же с ним делают? Создается новый план-«минимум». Придрались к срезке: 700 тыс. руб. не добавили против предложенных 23 700 тыс. Но в конце концов ведь и в эти 23 млн не уложились. Производится коренная ломка. В частности с плана снят Дальверзин, а на него отпущено 400 тыс. руб.

Дальверзин готов к орошению, ждет воды и инженера-строителя, деньги отпущены. А с Дальверзина деньги снимаются и перебрасываются на другие работы, что происходит, как нам говорили, под влиянием Ризенкампфа, так как деньги передаются на его проект Голодной степи.

Полную бесплановость, полную беспроектность в Узбекводхозе и в 1925 и в 1926 и в 1927 гг. руководители оправдывали проводимой земельной реформой.

В Туркменводхозе подвергается переработке и план-минимум. Опять причина: недоотпуск ЭКОСО 94 тыс. руб. План перерабатывается за 26 дней до конца бюджетного года. Если год работали без плана, если вообще план не существовал и не существует, зачем же нужно утверждать план 5 сентября 1926 г.? Как заявили нам сами составители плана, авторы этой ломки, это было сделано для того, чтобы «дать лицо бескредитным расходам».

Бескредитные расходы, которым «дали лицо», — это постройка дома управления Водхозов, который строился так же, как и дом Средазводхоза; покупка автомобилей на 37 тыс. руб. для Ашхабада, который можно в полчаса весь пройти и где некуда ездить, кроме Фирюзы — дачной местности; покупка мебели на 13 тыс. руб., стильной барской мебели у персидского консула и т. д. Вот что получилось с постановлением комиссии СТО и с постановлением СТО.

В Узбекводхозе все в порядке: там вообще не было ни проектов, ни планов, а в Туркменводхозе перевернули все наизнанку, перекроили, «дали лицо» всем безобразным расходам в течение года и успокоились: «оформили» годовую работу.

Остановлюсь на постановлении СТО от 21 апреля 1926 г. о правах передвижек. Законодатель мыслил: нельзя целиком и полностью связывать места, нужна известная инициатива, обстановка может быть из ряда вон выходящая; нельзя же из Ашхабада ехать в Москву и просить в каждом отдельном случае разрешение. Законодатель предполагает в исполнителе всегда не просто здравый смысл, но и государственный смысл, сознание своей ответственности и экономической необходимости.

Что же мы видим здесь?

Всюду — перманентная беспроектность, бесплановость, ломка планов и финансовых предположений, отсутствие календарных планов и планов финансирования работ. Люди действовали, как стихия, и говорят: «у нас всегда были чрезвычайные обстоятельства».

ВЫВОДЫ ГОСПЛАНА СССР.

Такая «плановая» работа в ноябре 1927 г. получила в Госплане СССР соответствующую оценку.

Чернилов в Водной секции Госплана, в ноябре 1927 г., говорит об отсутствии в средне-азиатских водхозах смет, проектов по производимым работам, говорит, что «через 5 — 7 лет Госплан должен получить что-нибудь осмысленное». Значит, раньше давали нечто бессмысленное. К этому выводу пришли наконец после поездки тов. Сокольников, после постановления НК РКИ СССР, после производства по делу следствия, выяснившего большие безобразия. Тогда стало ясно, что была беспроектность, бесплановость, что нужно обратить внимание на эксплуатацию, что необходимо изменить известным образом ирригационную практику.

ФИНАНСИРОВАНИЕ

Перехожу к финансированию. Суду теперь ясно, что все разговоры о недостаточности финансирования ни на чем не основаны, и следственная версия о «недостаточности финансирования» на суде уже не упоминается. Те-

перь говорят лишь о «неправильном финансировании», о задержке открытия Наркомфином кредитов, о том, что открытие кредита не приурочивалось к строительному сезону. Но перед нами проходили документы, по которым видно, что и в Узбекводхозе, и в Туркменводхозе, и в Средазводхозе большинство ассигнований, $\frac{3}{4}$ их, получались на местах до 1 июня каждого операционного года, т. е. по истечении двух кварталов. Бухгалтер Павлов показал, что в июне 1927 г. Узбекводхозом уже были израсходованы все суммы, отпущенные по годовому плану.

Что это значит? Если годовая смета утверждена, и ты знаешь, что тебе дадут такую-то сумму на год, на что же ты можешь рассчитывать, если за пять месяцев до конца года у тебя в кассе пусто? Одно из двух: или ты вдвое не предусмотрел расходов, составляя смету, т. е. ты плохой хозяин; или ты производил расходы, не сообразуясь с потребностями, разбрасывая средства, куда не следует, т. е. ты скверный хозяин.

Где же получить покрытие перерасходов? Разве пойдут в центр и скажут: «извините, мы вдвое не предусмотрели, нам нужно еще столько же». Но там денег не дадут.

Что же тогда делать? Производят займы в банках. Это значит поставить союзный бюджет перед фактом доассигнования. Взяли все-таки самовольно добавочные средства путем займов, а там Союз, хочет не хочет — будет платить.

Далее, помещение кредитов на текущий счет в банках. Основное, для чего это делалось, это — «желание создать престиж богатого учреждения», чтобы иметь возможность производить в банках займы, с одной стороны, и с другой — для того чтобы, помещая все средства на текущий счет, бросать их в общий котел, расходуя без учета титулов сметы. Сметы (эксплуатационная и операционная) смешивались, титулы спутывались.

Все это давало возможность производить перерасходы, бесцельные, бесхозяйственные и явно незаконные расходы. Остуда и отсутствие возможности учета перерасходов, значит, отсутствие вообще учета. Вот что этим достигалось. Рыкунов делает доклад в Наркомфине, и Наркомфин соглашается на такой порядок, но с помещением денег только в Госбанк. Все суммы Наркомфин отпускал без учета параграфа сметы; все суммы, также без подразделения сметы, помещались в банках; деньги расходовались по чекам. Оказывается, этим санкционировался перерасход, санкционировалась бесплановость финансирования.

В Средазводхозе деньги отпускались по заявкам, без указания на что. С мест тоже присылали заявки без указаний на что. Один просит деньги, не зная куда их деть, а другой дает, не зная, куда они будут израсходованы. Вот вам плановость финансирования. В Туркменистане, как мы видели по актам ревизии, отпускали деньги на работы, которые даже и не производились.

При отпуске денег по земельной реформе Узбекводхоз очень просто подходит к вопросу финансирования: раз не было годового плана, раз не было проектов, не было смет, то работы велись под исполнительную смету, т. е. денег отпускали, сколько просили, а потом смету подгоняли под расход.

В Туркменводхозе не было, между прочим, утвержденной эксплуатационной сметы. При таком порядке, естественно, были перерасходы и по командировкам, и по эксплуатационной смете и по строительству. Вержбицкий сказал, что перерасход по предварительной смете свыше 50% есть ненормальное явление, а перерасход на работах свыше 1 000% — это что? катастрофа или воровство? При таком порядке отпуска денег на места расходование превращается в прямое бесконтрольное растратывание денег роением саранчи, существовавшим в Водхозе до сокращения аппарата.

Нет возможности перечислить все бескредитные, нецелесообразные и явно незаконные расходы. При существующей системе так и должно было быть.

В частности, все водхозы понастроили дома. Ну что ж, может быть, и хорошо: дома построили, дома стоят. Но как построили, во что они обошлись, что при этом происходило, сколько денег утекло? Мы слишком бедны, чтобы допускать такие опыты. Ведь утекали не совзнаки 1922 г., а реальные материальные ценности,

ИЗЫСКАНИЯ, ИССЛЕДОВАНИЯ, ДОГОВОРЫ

Перехожу к изысканиям, исследованиям и изыскательно-исследовательским договорам, т. е. к самому выполнению плана. Говорить о возможности практической постановки той или иной крупной проблемы — это значит говорить и о необходимости постановки изысканий и исследований для разрешения этой проблемы. Изыскания должны дать материал для проектировки, а без проекта нельзя строить. Как ставились изыскания, в каком размере, в каком масштабе, как они в конце концов подносились в смысле стоимости той работы, которую предполагалось выполнить в результате изысканий? Можно заранее сказать, что мы видим то же самое, что и раньше — ложь, фальшь, обман, введение в заблуждение союзного и республиканского правительства.

Изыскания ставились таким образом, что они нарастали, как снежная глыба, катящаяся с гор, начиная с маленького, развертывались до безграничности. Бессметность и беспрограммность изысканий сопутствовали всем крупнейшим изысканиям, что и отмечено в постановлениях НК РКИ СССР.

В науке производятся исследования для изучения той или иной проблемы, которая может быть осуществлена даже лет через 50 — 100. Но в строительстве, в частности в ирригационном строительстве, которое есть дело настоящего дня, — можем ли мы допускать постановку ирригационных изысканий, с затратой на них миллионных средств, которые, заведомо для инженеров, найдут практическое осуществление только через 50 — 100 лет?

Как же происходили изыскания?

Свидетель инженер Благов заявил, что когда он приехал в Чарджуй, то «там сидел вор на воре, вор вором погонял, тащили буквально каждую копейку, которую можно украсть. Изыскания — это яма, в которую можно уложить любой капитал». «Я утверждаю, — заявил Благов, — что 25% всех сумм, отпущенных на изыскания, разворовано». А когда Мор задал ему

вопрос: «А что, такое положение с изысканиями только в Туркменистане?» — то Благоев ответил: «Нет, и в других водхозах тоже, а в Узбекводхозе еще больше», т. е. в изысканиях идет поголовное воровство, так как нельзя проверить изыскателя-техника, работающего в поле, где с расходами и с изыскательными материалами можно проделать что угодно.

Надо же составить программу для первоначальных изысканий, а когда все готово, тогда приступать к созданию аппарата. А здесь все было наоборот: до утверждения программы, без экономического обоснования, создают партии, партии сидят, что ведет к проеданию, к бесцельной затрате средств. Не буду говорить о мелочах, о том, как создавались и как снаряжались партии всем нужным и ненужным, до коньячных рюмок включительно. Пусть будет даже так: ты едешь в степь, на тебе все, что необходимо и даже, может быть, и то, что и не необходимо. Поставим тебя в возможно лучшие условия, — ты едешь в тяжелую обстановку. Изыскателю дается все, включая до верховой лошади, до лица, ухаживающего за ней, до медицинской помощи и т. д. и т. п. Кроме того уплачивается 120% полевой нагрузки. Казалось бы, за эти деньги можно добросовестно работать. Но вот что было в действительности. В Средней Азии все объекты известны; нет километра, который в свое время не был бы истоптан, изъезжен изыскателями.

Мы видели, в каком положении находятся архивные материалы в Средне-азидхозе: нет карточного учета, невозможно найти тот или иной проект. Проекты выданы на руки, есть какие-то записочки — собирай теперь эти проекты. Проектные материалы в значительной степени растащены, а потом ими будут торговать, и высокоумные люди из Средне-азиатского и других водхозов будут эти материалы покупать. Здесь возможна не только продажа и покупка, но и выдача материалов за свои, т. е. при постановке теперешних изысканий возможно мошенническое их использование.

Что же мы теперь видим? При пятилетнем плане, оказывается, нет ни схем, ни проектов. Куда же делись все проектные материалы, которые были почти по всей Средней Азии? Опять начинать колоссальнейшие изыскания с самого начала? Это, товарищи судьи, хищнический подход к израсходованию народных средств.

УПРАЧАН

Из изыскательных работ я остановлюсь на некоторых крупных. Родоначальником Упачана был Моргунов, предложивший в мае 1924 г., самую «дешевую» схему по Чирчик-Ангренскому бассейну. Схема принимается и утверждается в сумме 8 млн руб. Изыскания разворачиваются, как угодно Моргунову, а в дальнейшем Хрусталеву. После стоимость работ оказывается не 8 млн, а 135 млн руб., а с освоением 200 млн. руб. Эта цифра все же только ориентировочная.

Изыскания производились большие, дальнейшие программы не рассматривались и в Техническом совете не утверждались. Первоначальные задания были на 200 тыс. га существующего орошения и 150 тыс. перелогов. По новому варианту, по новой схеме, перелогов намечалось только 65 тыс., а новых земель 381 тыс. га.

Дороговизна изысканий, как отмечается в акте, в два раза больше

н о р м ы, т. е. даже той «нормы», которая встречается в условиях Средней Азии. При той постановке изысканий, о которой я говорил, и эта средняя норма превосходит всякую норму, не говоря уже о том, насколько целесообразна постановка изысканий в таком масштабе и какие практические результаты можно получить от изыскательских материалов.

Изыскания по Упращану поглотили 1 118 тыс. руб. А результат? До сих пор ни одного проекта, ни общей схемы всего бассейна, т. е. никаких практических результатов от затрат этих 1 118 тыс. руб.

КТО ВИНОВЕН?

Три года Упращан действовал совершенно самостоятельно, без контроля, без всякой узды. Что это, как не попустительство прямому расхищению? Только 50% неоправданных ничем расходов составляют полмиллиона рублей, выброшенных на ветер. Не только инженеры Вержбицкий и Мандрыгин должны кое-что знать об Упращане, но и «первоприсутствующий» в Техническом совете Рискин тоже должен был за чем-то следить, хотя он сам себя и называет «бараном» перед специалистами. Ему, человеку с высшим техническим образованием, нельзя быть бараном. Для чего же его учила партия и советская власть? Молчал производственный отдел, молчал Технический совет с Рискиным; считал нормальной «хрусталеvщину» и Рыкунов.

ЮЖНО-ХОРЕЗЕМСКИЕ ИЗЫСКАНИЯ

Начало этим изысканиям положил также Моргуnenков. По его первоначальной схеме стоимость работ определилась в 7 млн руб., а к настоящему моменту стоимость не числится свыше 60 млн руб. и опять-таки тоже ориентировочно. А ведь с первоначальной схемой ездили в Москву к союзному правительству, под эту схему просили деньги.

Как общее явление, по крупным работам было преуменьшение смет, а по мелким и средним работам, наоборот, преувеличение; преуменьшение смет по тем проблемам, по которым боялись, что большой цифрой сразу запугаешь, и раздутые сметы по производящимся работам. И в том и другом случае — опять-таки обман.

Начали изыскания заново, как будто пришли в пустыню, где человеческой ноги не было; начали повторные изыскания, приводившие к страшной дороговизне, ничем не объяснимой, кроме обычного воровства.

Одни и те же изыскания, одного и того же порядка, в одном и том же районе, стоили первый раз 70 руб. километр, а в другой раз 130 руб.

Всего затрачено по Упращану 2 519 тыс. руб., из коих изыскательские работы съели 900 тыс. руб. А в результате нет ни одного готового проекта, нет единой схемы, и никакого улучшения туземной системы не получилось.

Где же деньги? Где помощь дехканству?

А в 1923 г. были сведения о «катастрофическом положении» в Южной Хорезме. Но раз катастрофическое положение, то расшевелись, пойми свою ответственность. Это было в 1923 г. Прошел 1924, 1925, 1926 и 1927 год и то же самое положение: также дехканин тащит на своем горбу тысячелетние каналы, а деньги летят, изыскания производятся, сотни тысяч, миллионы рублей ухлопываются, а дехканину нет ни малейшего облегчения. Вот в чем ужас. В 1928 г. выяснилось, что катастрофы не было, но была шумиха, и деньги улетели.

МУРГАБСКИЕ ИЗЫСКАНИЯ

Начальником Упрамурга был инженер Рудницкий.

Как известно из копии приговора по делу, он осужден за целый ряд проступков: поездки, командировки, квартиры, мелкие расходы по 200, 500, по тысяче рублей. Правда, этих тысяч рублей много, и пошли они на личные блага и блага сотрудников и личных секретарей, с которыми Рудницкий выезжал в Ленинград и которые к нему из Ташкента привозили бумаги, вместо того чтобы их послать по почте. Но процесс Рудницкого касался только одного Рудницкого и не вскрыл полностью всей обстановки работы Упрамурга, всего того, что делал этот аппарат, существовавший полтора года и съевший бесследно 500 тыс. руб. За все время работы Упрамурга ни одного готового проекта, кроме проекта Каушут-Бектской плотины, да и то работы мелкой, стоящей всего 90 тыс. руб.

Где же результаты работы, на что затратили полмиллиона рублей? Они лежат в горах бумаг, которые едят моль и крысы в подвалах Водхоза. Вот надгробные плиты на этом кладбище народных средств.

АТРЕКСКИЕ ИЗЫСКАНИЯ

Атрекские изыскания, ставшие посмешищем во всем Союзе, пример головотяпского подхода: отправили изыскательную партию, без включения в нее почвовед, производить изыскания для орошения древних Месриян, где было орошение во времена Чингисхана. Может быть, это и возможно, но надо же соблюдать техническую грамоту. Инженер Морев, сотрудник Водхоза, хотел поставить изыскания «хозяйственно»: сначала топографическая съемка, а затем почвенные изыскания, т. е. чем больше будет партий, тем большее количество людей можно прокормить на этих изысканиях.

Включенный во вторую изыскательную партию почвовед дал заключение: «почва страшно засоленена, а та часть почвы, которая может быть использована для орошения, потребует грандиозных сооружений». На это изыскание без толку израсходовали 57 тыс. руб., а в результате мы видим безобразную разбивку Атрекского канала, о чем я скажу дальше.

КАРА-КУМСКИЕ ИЗЫСКАНИЯ

Не могу без смущения подумать, что над этими кара-кумскими изысканиями может быть смеется вся Европа.

По кара-кумским изысканиям до революции составлялись проекты Ермолаевым, Ризенкампом, Шлегелем, Цинзерлингом. Разбирая условия и возможность постройки Транс-Каспийского канала, Ризенкампф определяет стоимость его в 2 с лишним миллиарда рублей; земляные работы он определяет в 3 800 млн *куб. м*, т. е. в 30 раз больше, чем на Панамском канале за 35 лет. Проект Ризенкампа, конечно, не осуществляется. Но дальше мы увидим, что были попытки подготовить его осуществление.

В 1924 г. Моргуnenкова вызывают по этому делу в Туркменский Ревком. Моргуnenков заявляет, что у него есть свой проект. Моргуnenков не указал, хотя бы приблизительно, стоимость Кара-Кумского канала до Мерва и Теджена и стоимость канала до Сарыкамыша, а исчислил стоимость работ в 6 500 тыс. руб. Была ли ему известна подлинная стоимость? Конечно да, потому что ему прекрасно известен подобный проект Ермолаева. Известно, что Ермолаев хотел взять земли в аренду и начать рыть канал, но, как говорит Палецкий, «не нашел дураков, которые дали бы ему с т о м и л л и о н о в р у б л е й». Это было в 1908 г.

Свидетель Палецкий в своем показании говорит, что, когда он сказал Моргуnenкову: «не слишком ли грандиозна постановка его проекта в наших условиях», — Моргуnenков спокойно ответил: «большой проект, большие и деньги».

В Госплане СССР специалисты понимали и разбирались, как об этом говорит и сам Моргуnenков, что обозначает это маленькое начало — «обводнительные каналы». Это обозначает не больше, не меньше, как втягивание Союза в миллиардные расходы постепенно, из года в год. На сколько лет — неизвестно, но эти работы стали бы сосать из союзного бюджета колоссальные средства.

Перед судом все, кроме автора проекта Моргуnenкова, говорили, что не было и мысли о повороте Аму-Дарьи в Каспийское море через Сарыкамышскую впадину, о проведении Кара-Кумского канала через Мерв, Теджен и Атрек на 1 000 *км*, даже не было и речи о доведении канала до Мерва. Не говоря о том, что эти заявления опровергнуты самим же Моргуnenковым, в письме Туркменского Ревкома в Госплан также говорится, что обводнительные каналы будут «вспомогательными к большим каналам».

В 1925 г. появляется газетная статья Моргуnenкова «Через два года будет дано дехканам 70 тыс. *га*». Мушников, заместитель Моргуnenкова, помещает статью в «Туркменской Искре» и говорит о повороте Аму-Дарьи в Каспийское море.

Дехканин ждет этой земли до сих пор. Оправдалось ли это доверие в какой-нибудь мере? Нет, доверие дехкан обмануто. Это — первый и громадный вред от этой затеи.

Создается аппарат — Упрнад, создаются громадные штаты, формируются изыскательные партии, отправляются на изыскания в Кара-Кумы;

опять с самого начала, несмотря на то, что Кара-Кумы исхожены и изъезжены во всех направлениях, у х л о п ы в а ю т 1 200 тыс. руб., не считая договоров.

Где результаты? Где деньги? Деньги съедены или пущены на ветер. А какие результаты остались? Материалы лежат в ящиках, в подвалах Водхоза, «до лучшего времени», как выражается Шаров. Вот еще могила одного миллиона рублей.

В отношении изысканий по Узбекводхозу все было гораздо проще. Там платили изыскателям и проектировщикам, сколько они запрашивали. Проектировщики получали по 30 руб. в день, кроме своей спецставки. Дороговизна изысканий видна на следующих примерах: на продольную и поперечную нивелировку в 6,5 км и трассировку в 1,6 км затрачено 210 дней, т. е. в 10 раз больше допустимого. В Ташаузском округе, например, в 1926 г., двойная нивелировка стоит 40 руб. 76 коп. за километр, т. е. в 4 раза дороже допустимого. В расходах вообще не стеснялись.

ДОГОВОРЫ (ЧАРДЖУЙ)

Какой характер имели договоры по изысканиям? Я не хочу сказать, что договоров вообще не нужно было заключать. Когда в аппарате нет достаточно квалифицированной силы для выполнения той или иной работы, можно обратиться и на сторону, можно привлекать и других специалистов, хотя бы по договорам. Но как заключались договоры, какие результаты они давали, с какой целью они заключались? Договор с Ильиным на гидрогеологические изыскания по Чарджую, как мы слышали от свидетеля инженера Благова и подсудимого инженера Шарова, являлся «ненужным для дела расходом». Договор заключался под давлением председателя Технического совета Булаевского: «Булаевский порекомендовал». «Или заключайте договор с Ильиным, который является консультантом Водной секции Госплана и через которого в Москве этот проект и пройдет, или мы этот проект вам не пропустим». Вот что значит: «Булаевский порекомендовал». Такие явления не были единичны. Письмо Сыромятникова Моргуnenкову говорит о «взятке, которую приходится давать Техническому совету под видом приглашения сдельщиков в Ташкент для расчетов по проекту Керкинского канала».

ПО КАРА-КУМАМ

Интересен и договор с профессором Дубянским, стоимостью в 14 тыс. руб., заключенный для исследований по трассе Ризенкампа и по настоящию Ризенкампа. Вот и практическое выполнение идеи Ризенкампа: 14 тыс. руб. уже зарыты в его проект.

Далее договор с профессором Димо по тем же Кара-Кумам и по той же трассе Ризенкампа — на 14 тыс. руб. Материалы лежат в подвале; деньги брошены полностью на ветер.

ПО МУРГАБУ

Заместитель начальника Туркменводхоза Васильев заключил договоры с Васильевским и Молчановым. Часть договоров параллельная, а Водхоз

не знает об этом. Затем Васильев перезаключает договор с Василевским и включает уже выданные ему суммы во второй договор.

Начальник Упрамурга Рудницкий заключает с профессором Димо по Упрамургу договор на 9 тыс. руб. Характерно, что это договор на материалы того же Димо, который их ранее не закончил, т. е. получается, что один и тот же специалист заключает ряд договоров на одну и ту же свою работу.

СОСТАВЛЕНИЕ СМЕТ

В отношении проектировки и составления смет мне хотелось бы отметить только одно, о чем я уже упоминал: сметы на большие работы преуменьшены, а на мелкие и средние преувеличены. Что происходит, когда составляются преувеличенные сметы? Это — не что иное, как механическое применение норм Урочного положения. Например, свидетель Морев, инженер Туркменводхоза, показывал: «Мы в Ахшабаде строим фабрику, составили смету по Урочному положению, исчисляя стоимость всех работ в ручном труде. Но, конечно, работы будут производиться с применением простейшей механизации и будут стоить гораздо дешевле». Я считаю, что это — н е н о р м а л ь н о е я в л е н и е; и если такой порядок составления смет существует во всем строительстве, то это, по-моему, г р о м а д н о е з л о.

Здесь правительство также вводится в заблуждение о действительной стоимости работ: отпускаются излишние суммы, которые или лежат мертвым капиталом про запас, или расходуются не по прямому назначению, съедаются раздутым штатом.

Примеры преувеличенных смет приводились по Тедженстрою и Керкистрою. Эти сметы сами их составители — инженеры — называют «фикцией». Что же происходит? Как будто своего рода «круговая порука»: составители смет, проектировщики, техники составляют заведомо фиктивные сметы, несмотря на то, что § 13 Урочного положения не только дает право, но и обязывает составителя смет принимать меры к уменьшению стоимости, производя пересчет на механизированные способы. Составляют смету заведомо преувеличенной для того, чтобы обезопасить себя на случай возможности недоучета стоимости работ, чтобы иметь в руках свободный фонд, которым можно маневрировать для покрытия перерасходов против предварительной сметы. И наконец, для того чтобы маневрировать свободными средствами для расходов на аппарат, как это делалось на Тедженстрое и Керкистрое. А иногда даже выводили фиктивную «экономия» против предварительной сметы. Таким образом как проектировка, так и составление смет, правильного представления о стоимости работ не давали, причем чаще всего мы видим заведомо преуменьшенные (Упратан, Упрадис).

У хозяина-капиталиста инженеры не посмели бы такую штуку выкинуть. Положим, подсудимый Сыромятников, работая у капиталистов, представил смету на дом; капиталист, просмотревши эту смету, одобрил ее, дал деньги, и вдруг строитель ухлопал бы все отпущенные на дом деньги только на фундамент для дома. Капиталист выгнал бы его и опозорил как негодного строителя.

РАБОТА ТЕХНИЧЕСКОГО СОВЕТА

В показаниях Булаевского, председателя Технического совета Средазводхоза, перед нами проходила работа Технического совета. Эта работа даже в Госплане, по свидетельству Нельсон-Скорнякова, была охарактеризована так: «с одной стороны, утверждается, а с другой — не утверждается», т. е. Технический совет писал не технические, а дипломатические документы.

Технический совет был поручен непосредственному наблюдению Рискина, заместителя начальника Средазводхоза. Я не буду останавливаться на том, как характеризовал самого себя Рискин. Его желание представиться человеком маленьким, ничтожным, выполнявшим только поручения, но в то же время все критиковавшим, — это беспринципная позиция безответственного человека. На нем, как на человеке с высшим техническим образованием, безусловно должна была лежать не только формальная, но и фактическая ответственность за все то, что творилось в Техническом совете Средазводхоза.

Как свидетель Крутиков, так и свидетель Нельсон-Скорняков говорили о громадном влиянии, которое имел Технический совет на всю работу водхозов. И, однако, в объяснениях и Тромбачева, и Булаевского, и Моргуленкова мы не нашли ясной постановки в элементарных вещах, в самой технической терминологии, как будто бы эта терминология возникла совершенно случайно: «наметка первая, наметка вторая, рабочая гипотеза, схематический проект, схема, эскизный проект» и т. д. Есть ли это обстоятельство практически ничего не значащее, или это довольно серьезная вещь? Оказывается, это имеет серьезное значение: неясная техническая терминология вносила основную путаницу и при составлении плана, и при определении будущей стоимости работ и объема этих работ, рентабельности этих работ, т. е. никогда при такой терминологии нельзя было сказать, что же в конце концов из себя представляет тот или иной технический документ: есть ли это только предположение, ни на чем не основанное, есть ли это часть работы или вся работа, есть ли это окончательная стоимость, или с 6-ти млн. это поднимется до 60 — 100 млн.

Эта терминология нужна была Техническому совету для внесения безответственной неопределенности в существовавшую бесплановость, для проведения неясных проектов, для того чтобы получить ассигнование в центре под необоснованные планы.

Далее. Как в Техническом совете Средазводхоза, так и в других технических советах существовал один и тот же порядок. Это — разбивка работ по частям, когда часть принимается за целое, т. е. то, что мы видели в Управчине, Упрадисе, Упразере; то, что мы видели при попытке разбить Атрекскую проблему также по частям, когда в течение трех операционных лет предполагается сначала выполнить одну часть канала, на второй год другую и на третий год довести работу до конца, при отсутствии общей схемы. Такое положение должно привести к тому, о чем я говорил: не только объект строительства неясен, но и рентабельность работы и стоимость ее.

СТРОИТЕЛЬСТВО: ТРОИЦКИЙ БАРРАЖ

Я уже упоминал об Упращане. При том положении, что первоначальная схема являлась частью всей схемы, что полной схемы до сих пор не существует, приступать к постройке Троицкого барража в то время, когда не выяснено, разрешает ли Троицкий барраж вопрос коренного переустройства системы; когда не выяснено, хватит ли воды на землю, предполагаемую к орошению, — было по меньшей мере легкомысленно. Моргуnenков при допросе признал, что при таком положении, когда работа будет вестись с головы и с хвоста, значительная часть средств, затраченных на Троицкий барраж, будет лежать мертвым капиталом.

Работа эта ныне законсервирована, свернута; на нее успели уже израсходовать около 400 тыс. руб., причем интересно, как возрастала ее стоимость: в первом варианте стоимость Троицкого барража определялась в 900 тыс. руб., а во втором — в 4,5 млн руб. Даже этот факт говорит о легкомыслии и безответственности в производстве этой работы, что поставило бы затем перед союзным бюджетом вопрос о дополнительном ассигновании в 3 600 тыс. руб. Каким образом Технический совет и Техническая комиссия не могли определить, что на левобережном Кара-Су необходимо будет строить перепады стоимостью до 10 млн руб.? Оказывается, перепады сознательно не включены в первоначальную схему Моргуnenкова, вот откуда и дешевизна.

Приступили к строительству без утверждения схемы, без утверждения проекта, т. е. по существу без проекта. Нам неоднократно говорили, что если есть проект, то не важно, утвержден он или нет. Так рассуждали Сырмаятников и Пугаченков: это, мол, формальность. Но совершенно не одно и то же — проект существующий и проект утвержденный. Пока проект не прошел технической инстанции, это не технический документ; он может быть изменен до основания и неизвестно, что станет с объемом и стоимостью работ. Рискин в письме в Рыкунову, говоря о закрытии Троицкого барража, называл это между прочим чьим-то «головотяпством». А когда к работам приступают без проекта с первоначальной стоимостью в 900 тыс. руб., а затем поднимают ее до 4,5 млн, что это — головотяпство или шарлатанство?

На Троицком барраже произведена заготовка на 240 тыс. руб., сделана работа на 250 тыс. руб.; котлован вырыт, его заливает водой, материал будет портиться. Отпускают средства на охрану — охранять вырытую яму, которая все равно будет деформироваться. Таким образом и эти деньги затрачены бессмысленно.

Члены комиссии — СТО, Цейдлер и Новацки — одобрили Троицкий барраж. Не знаю, как они одобрили такую работу. Но как эту работу Рыкунов, Рискин и Технический совет представляли на одобрение, зная положение с проектом, схемой, стоимостью?

УПРАДИС (АМУ-ДАРЬЯ)

Другой пример строительства — Упрадис, где затрачено миллион рублей, из коих на материал 600 тыс. руб. Опять — то же самое положение:

предварительного проекта нет, начали вслепую, работа ныне консервирована, так как не решен вопрос с местом постановки головы. А если головное сооружение будет поставлено не в Таш-Саке, а в Тюя-Мууне, тогда все расходы произведены впустую.

Интересен один момент — о землечерпательных снарядах для Упрадиса. Землечерпательные снаряды заказаны в Сормове, заплачено 600 тыс. руб. Технический совет рассмотрел возможность использования этих снарядов, работу отодвинул по крайней мере на два года, а там неизвестно, что будет. Но снаряды скоро будут изготовлены, они придут. Куда же их деть, как их использовать? Если на эксплуатацию, то из каких средств оплачивать эти расходы?

Придут землесосы, на которых до сих пор нет соответствующей спецификации. Госплан требует представления спецификации, а деньги уже отпущены, землесосы заканчиваются постройкой. Для чего теперь нужна спецификация? Снаряды придут, а потом и деть их некуда и спросить не с кого: Булаевский на Моргуnenкова, Моргуnenков на Дунаева, Дунаев на Технический совет, Технический совет на Госплан. Виноватых не будет.

УЗБЕКВОДХОЗ

Далее — строительные работы Узбекводхоза. Надо оговориться, что земельно-водная реформа есть, конечно, аграрная революция. Хотя за полгода можно было бы какой-нибудь проектишко к этим работам подготовить. Допустим, что это нельзя было сделать в 1925 г., когда происходило национальное размежевание — создание Узбекводхоза. Но в 1926 г. разве мало было опыта 1925 г. Неужели нужно было опять в том же порядке, не поддающемся никакому учету, производить работы? К 1926 г. Узбекводхоз должен был при громадном аппарате что-нибудь осмысленное подготовить.

Не есть ли здесь желание аппарата поставить себя в условия полной бесконтрольности, свободы расходовать средства? Например, в 1926/27 г. просили на работы 1 млн 800 тыс. руб., в центре урезали 400 тыс. руб. Инженеры Узбекводхоза все-таки подогнали стоимость работ ровно в 1 млн 800 тыс. руб. Тут одно из двух: или хорошо раньше считали, или хорошо после подогнали.

Прохоров объясняет так: «Мы просили столько, сколько работы стоят». Но когда работы велись под исполнительные сметы, когда отпускалось денег, сколько просит прораб, тогда можно подогнать стоимость работы под любую смету, значит, и под сумму, которую просили, чтобы доказать, что «мы правильно считаем», а с другой стороны, чтобы иметь возможность поставить государственный бюджет перед фактом перерасхода, не испрашивая разрешения на этот перерасход. Очевидно, это вкоренившаяся привычка наплевательского отношения к бюджетной дисциплине.

Целый ряд документов говорит о том, что работы производились безобразно. А на следующий год придут в центр с недоделками на 1 млн руб. Это значит, хочешь — не хочешь, а давай этот миллион, а там могут быть опять недоделки.

Режим экономии это — для центра.

В Кокандском и Бухарском районе происходили поголовные обсчеты и

обмеры рабочих. Главная масса рабочих — дехканство, сплошь и рядом неграмотное, прикладывающее при расплате палец. Тут могут быть и мертвые души. Здесь для прораба полная свобода воровства. Закупка бревен, например, производилась вместо 1 руб. по 3 руб. 75 коп. За омаши (плуги) платили также втридорога. Опять скажут: спешка была. Но когда при этой спешке покупаются ненужные, излишние материалы, которые потом приходится разбазаривать, то это — безобразие, а может быть, и подложные счета, о которых говорил подсудимый Прохоров.

В Бухаре произошел прорыв дамбы, стоимость которого — 70 тыс. руб. списана за счет замочки. Конечно, возможен прорыв или та или иная авария на строительстве, но такой прорыв, который затыкали кошмами и одеялами, объясняется прежде всего бессовестной работой. Не буду останавливаться на других «цветиках»: простой тракторов, вспашка тракторами хуже, чем плугами и вдвое дороже, закупка большого рабочего скота и громадное расхищение здорового, орошение солончаков и песков, неподача воды и посевов, наконец, непредставление в течение двух лет отчета в израсходовании сумм. Все это — летопись сплошных и вопиющих преступлений.

Но может быть, хоть дорого, да хорошо строили? Здесь упоминается Анхорекский лоток. Лоток все время собирается плыть, да только парусов ему не хватает. Затем Мархаматский лоток и пресловутый Афган-Кобуро, где на второй день произошло крушение. Список анекдотически-дефективных работ очень велик.

Что это, случайность или определенно недобросовестная и нечестная работа? Ташкентский Окрисполком заявил в 1926 г., что «огромная часть капитальных сооружений по ирригации сделана недобросовестно».

Огромная часть сделана недобросовестно, как говорит и тов. Паскуцкий «к стыду наших инженеров».

МЕРУЧАГСКОЕ ВОДОХРАНИЛИЩЕ

Возьмем несколько примеров строительства Туркменводхоза. Несколько слов о Меручагском водохранилище.

Существовал Упамургу, поглотил полмиллиона, но ни одного проекта не представил, а на главную работу — Меручагское водохранилище, не только не представил проекта, но заявил, что «для выполнения этого проекта у него не хватает технических сил». И вот, Воскресенский, замесивший посаженного в тюрьму Рудницкого, подает заявление о том, что группа инженеров-проектировщиков желает взять сдельно эту проектировку. Это — те же сотрудники Упамурга, которые полтора года поедали средства и должны были эту работу сделать, заключают договор на проектировку. Впоследствии составляется диаграмма наполнения Меручагского водохранилища при 67-метровой намывной плотине и оказывается, что водохранилище не будет наполнено и в 30 лет. Проектировщикам уплачивают 12 тыс. руб. за ненужную для Туркменводхоза работу.

Интересны рассуждения на этот счет одного из членов Технического совета Морева: «Мы, инженеры, — говорит он, — должны рассуждать, как экономисты. И если плотина, которая наполнится не в 30, а в 100 лет, будет «экономически» для нас выгоднее, то мы и должны строить такую плотину».

Хуже ничего не может быть, если инженеры типа Морева начнут рассуждать «как экономисты». «Исходя из экономических соображений», такой строитель готов вбухать 20—30 млн руб. мертвым капиталом на 100 лет, «в виде опыта».

Инженер Букинич заявляет, что «нет до сих пор в мировой практике случая постройки намывной плотины такой высоты». Ну что же, в мировой практике нет, а вот Туркменводхоз построит.

Проект принят совещанием с участием Ризенкампа, Павловского и других, за что им заплачено по 400—500 руб. Допустим, что все-таки построили бы с наполнением не то в 30 лет, не то в 100 лет, но не разрешен еще вопрос в отношении целесообразности постановки этого водохранилища на самой границе. В случае злого умысла, при подрыве этой плотины, был бы затоплен весь Мервский оазис, разрушена Кушкинская железная дорога и отрезан Кушкинский район; но какое до всего этого дело проектировщикам и участникам ученого совещания: им заплачено, а остальное не их дело.

АРВАЗСКИЙ ЛОТОК

Несколько слов об Арвазском лотке. Проектировка велась параллельно с изысканиями, проект не был готов за все время строительных работ; неправильно был сделан выбор места головы, словом все сделали так, что хуже некуда. После окончания работ Технический совет утвердил проект и смету уже произведенной работы. Но главное не в этом. Работенка сделана так скверно, что не выдерживает первого напора горных вод, головное сооружение сносится до основания, так что даже не нашли места, где оно стояло.

АТРЕКСКИЙ КАНАЛ

За работу по Атрекскому каналу Шаров объявил в приказе благодарность строителю Богатыреву. Из показаний заместителя председателя рика Атрекского района, жителей этого района и тов. Паскуцкого мы знаем, что работа произведена скверно, вырыт не канал, а канава, без всяких сооружений. Канава осыпается и требует уже ремонта. Наконец канава углубляется и вследствие больших скоростей зарывается.

Мало того, что сделали скверно, так еще и существующие системы испортили.

На работах было пьянство, грубое, гнусное поведение строителей по отношению к населению.

Эта работа, конечно, не создала авторитета Водхозу.

— Население клянет местные власти за этот канал, — говорит заместитель председателя Атрекского рика, Полянский.

ТЕДЖЕНСКАЯ ПЛОТИНА

С Тедженской плотины начинается «слава» инженера Сыромятникова, как не только опытного, но главным образом «экономного» строителя.

Приступая к постройке Тедженской плотины, обосновывали эту по-

стройку «ожидаемым приростом в 5 тыс. гектаров». Потом прирост снизился до 1 050 гектаров и наконец превратился в нуль.

Сначала предполагалось построить плотину легкого инженерного типа стоимостью около 100 тыс. руб. Инженер Шаров и инженер Троцкий в своей записке говорят, что «положение на Теджене таково, что о постановке проблем крупного строительства на Теджене в настоящее время и речи быть не может». Раз это так, то и нужно было сделать то, что предлагалось Мервским водным округом, т. е. поставить плотину временного инженерного типа, которая простояла бы 10—20 лет. Вместо того ставится монумент в 800 тыс. рублей.

В показаниях Шарова отмечалось, что плотина приобретет полное значение, если будет проведен Транс-кара-кумский канал. То есть и здесь витает тень Ризенкампа, тем более, что проект плотины был рассмотрен при его участии. Не в этом ли и кроется причина яростной защиты на суде Тедженской плотины, которая, кстати сказать, является единственным образцом законченного нового строительства во всей средней Азии?

После постройки предполагаемого Пуль-и-хатумского водохранилища Тедженская плотина превратится в простой регулятор.

КЕРКИНСКИЙ КАНАЛ

Примером не только безалаберного, но и явно преступного строительства является Керкинский канал.

Инженер Троцкий, произведший обследование Керкистроа после разрушения временной головы, заявляет: «Керкистрой есть сплошное строительное преступление». Эксперт Леш в своем заключении заявляет, что «работа была недостаточно обоснована и совершенно неясна; когда приступали к работе, не был выяснен объем работы и самый объект работы, не была выяснена рентабельность и стоимость ее», а отсюда — беспроектное производство работы, отсюда и все то, что произошло.

Эту работу нельзя оторвать от ее строителя — Сыромятникова, который построил и Тедженскую плотину.

В начале 1926 г. без проектов приступают к работам. Технический совет Туркменводхоза, рассмотрев первоначальный проект три раза, находит его экономически необоснованным и указывает на целый ряд отсутствующих в нем серьезных данных. Однако, ни члены Технического совета, ни Мор не поставили вопроса, что нельзя вести строительство, раз не выяснена целесообразность канала, не готов проект, и неизвестно, что получится из этой работы.

Сыромятников выступал как хозяин. Когда к нему приступали с тем или другим требованием при столкновениях, он сейчас же обращался с жалобой, протестом, чрезвычайно резкими заявлениями по разным инстанциям, направляя свои бумажки по 8—10 адресам.

Этот резкий тон, переходящий в вызывающий, не является личной особенностью Сыромятникова. Это — известная уверенность, что его поддерживают, что он безнаказанно может и дальше действовать.

Интересно, как этот Сыромятников, абсолютно чуждый советской обще-

ственности, антисоветский человек, как его характеризуют профорганизации, когда предлагают снять его с работы и предать суду, — как этот, антиобщественный и антисоветский человек мог пользоваться таким доверием, таким громадным авторитетом в республиканском масштабе? Интересно его недавнее прошлое. В 1918 г. он ездил в Персию «для заготовки бука», когда бук у нас произрастает на Кавказе. «На Кавказ», говорит, «опасно ехать». А в Персию разве безопаснее? Англия, говорит Сыромятников, тогда была с нами «в добрососедских отношениях». Ох, уж эти нам «добрососедские отношения» Англии!

И он едет в Персию. Здесь начинается сплошная путаница: не то он получил деньги в Персидском банке в Ленинграде, несмотря на то, что банки в это время уже были национализированы, не то он получил только аккредитив в Персию. Приезжает он в Энзели. Известно, что советы Энзели были связаны с Кучик-Ханом, персидским революционером. Сыромятников называет его «разбойником». Сыромятников является к консулу Керенского, т. е. к представителю контр-революционной белогвардейщины.

Далее, он едет в Казвин. Очевидно, в Казвине что-то произошло, если принять во внимание, что Казвин был связан с Кучик-Ханом, что Сыромятников был в Реште на совещании у консула Керенского, который и послал его к английскому консулу в Казвин. Сыромятников, военный инженер, приехавший «легально» из советской страны, путешествовал по Персии совершенно свободно, так же свободно его принимал английский консул, а потом его вдруг повезли из Персии во Владивосток «расстреливать».

В 1921 г. каким-то образом он появляется в СССР.

Советская власть все же принимала и прощала тех, которые приходили и искренно заявляли о своем раскаянии. Если ты приехал на свою родную землю, то знал, что найдешь: найдешь новую систему советской власти, и потрудишься войти в эту систему, понять ее и работать так, как требует советская власть.

Ну, а дальше? Что мы видим со стороны Сыромятникова? Он работал так, как в советских условиях работать нельзя. Я не говорю о технических нарушениях, о сплошном преступном анархизме во время строительства и заготовок, а говорю об его отношении к рабочим. Сыромятников знает, что советская власть — это власть рабочих и беднейшего крестьянства, власть, которая опирается первым делом именно на рабочий класс и трудящиеся массы. Это конечно не значит, что строитель должен идти на невыполнимые требования со стороны тех или иных отдельных рабочих, но это значит, увязываясь с нашей общественностью, чутко прислушиваться к настроению и интересам рабочих масс, сочетая их с интересами советского хозяйства.

А что мы видим? 31 комиссию на Керкистрое от всяких организаций. Приезжают комиссии, многие из них действительно подробно расследуют дело и первым делом наталкиваются на резкие разногласия между рабочими и администрацией. Рабочие заявляли об обмере, обчете, о низких расценках, о том, что они зарабатывают по 30 — 50 копеек в день, как это было сказано в заявлении, поданном на имя тов. Айтакова.

Без волнения нельзя читать это заявление, поданное в марте 1927 г. неграмотными туркменами и написанное по их просьбе. В заявлении пишут «жилья не дают, рабочий в день получает 50 коп., просим обратить на нас

ваше внимание». Тов. Айтаков посылает это заявление в Керки инспектору труда, который в течение 3 месяцев не отвечает на запрос председателя ЦИКа СССР.

Можно ли себе представить, чтобы распоряжение главы правительства не выполнялось? Видимо, инспектор труда не мог написать то, что он должен был написать о действительном положении, а «согласовывал», совещался, а там, дескать, подождут, а может быть председатель ЦИКа и забыл.

В акте комиссии уполномоченного ЦКК Лебедева, в акте обследования союза рабземлес, в документе союза Кошчи, в разных показаниях указывается на одни и те же безобразия: рабочие подвергаются буквально издевательствам; медицинская помощь не оказывается: рабочие по четыре дня валяются больными; они живут, как пещерные жители: вынуждены копать печки и печь в них лепешки, баков для воды не хватает. Землянки находятся за два-три километра от места работ, и рабочим, проработавшим весь день, идти так далеко, конечно, немисливо. Они ночуют, где попало — в шалашах, на голой земле, на берданах.

Всюду обсчеты, обмеры рабочих. Расчетные книжки не выдавались. Вместо этого расплачивались с представителем артели, так как туркмены поголовно неграмотные. Заявления об обсчете, обмере поступали неоднократно и рассматривались в Окрисполкоме. Администрация работ объясняла это тем, что рабочие незнакомы с метрической системой, и им «к а ж е т с я», что их обманывают. Когда человек работает по 12—16 часов в день и получает за это только 30 — 50 коп., ему действительно «п о к а ж е т с я», что на его горбе кто-то руки греет.

И наконец имело место и з б и е н и е р а б о ч и х.

Скажут: был один случай. Но, товарищи судьи, надо учитывать следующее обстоятельство: наибольшее количество конфликтов, в которых администрация иногда уступала, было там, где работало большее количество русских рабочих. Русские рабочие, конечно, уже научились отстаивать свои права, а рабочие-туркмены недостаточно организованы, они всегда могут быть разобщены: они из разных кишлаков, неграмотные, заработок для них ценен в их нищенском хозяйстве; они боятся потерять свои 50 коп. или рубль, и они молчат и терпят. Когда же приезжаетследователь, не знающий по-туркменски, ему невозможно выяснить их обиды.

Наконец, дехканин боится пожаловаться на «русского барина», каким для него является начальник и администратор на постройке.

Если это все учесть, тогда, пожалуй, можно сделать вывод, что случай избияния был не единичный. И даже этот случай, открывшийся совершенно случайно, ведь кончился ничем. Заявление об этом сделал член партии Абушаев. В деле имеется это заявление, проверка производилась. А в конце-концов Абушаева исключают из партии, выгоняют из Керкистроля, а во время следствия Абушаева не могли найти.

Я не хочу сказать, что его не искали, но его не хотели найти, как опасного для следствия. Человека лишили заработка, исключили из партии, опозорили, оплевали — вот результат заявления: извольте жаловаться, извольте заявлять.

Наконец история с свидетелем Шевелевым, бывшим председателем рабочкома и завхозом Керкистроля. Как видно из его заявления, после

окончания следствия Шевелева выгоняют с работы за то, что он дал показания против Сыромятникова. Это уж полная безответственность, полный произвол, когда подавляется не только темный, безгласный человек, но подавляются члены партии, ответственные представители профсоюзов и партийных организаций.

Корольков, уполномоченный ЦКК, говорит: «я был беспомощен, я ничего не мог сделать». Курчаков, ответственный работник Туркменводхоза также ничего не мог сделать, не мог повлиять на Сыромятникова. Разве это допустимо в советской стране, чтобы существовал полный произвол одного человека? Никто не смеет пикнуть, никто не смеет пожаловаться, никто не смеет говорить о настоящем положении дел, а как только скажет, так человека и материально, и морально, и политически поражают.

Сыромятников и его помощник Мосее шантажируют, доказывая в Окружном и в ГПУ, что производство следствия об избииении «затормозит предстоящее торжество по открытию канала». И следствие задерживается, дело лежит много месяцев, и лишь после неоднократных требований и запросов оно присылается для приобщения к настоящему делу.

Совершенно иначе Сыромятников относился к административно-техническому персоналу на Керкистрое. Сотрудники живут на всем готовом, получают бесплатно квартиру, освещение, дрова. Это безусловно добавочный вид к зарплате, не говоря о прочих незаконных видах, вроде оплаты за 8-часовой рабочий день по приказу Сыромятника, вроде допущения оплаты конторского персонала 120% нагрузкой.

Заработок Сыромятникова, по подсчетам самого же Сыромятникова, доходил до тысячи рублей в месяц.

Сыромятников сам себе устанавливал оплату: получает командировочные и по Керкам и в Теджене, так как совмещал должности начальника Тедженстроя и Керкистроя, а его помощники получают командировочные даже за выезд на заседания РКК. Это безобразие, конечно, бросается в глаза рабочему, который поставлен в невозможные условия, граничащие с его эксплуатацией. Разве все это не может вызвать возмущения, доходящего, как об этом говорит постановление фракции союза, «до угрозы забастовкой».

Слово «забастовка» произносилось не только в постановлении фракции, но и в рабочих массах. Когда во время найма им называли одни расценки, а на месте другие, рабочие стали волноваться, дело перешло в конфликт и закончилось массовым уходом с работ. Если 700 рабочих были введены в заблуждение, если они, обманным образом привезенные на другое место, вынуждены были возвращаться на прежнее, покинутое, само собой разумеется, это не создавало авторитета Водхозу в их глазах.

Несколько слов относительно временного головного сооружения Керкинского канала. Головное сооружение разрушено. Как будто бы в самом деле незначительный ущерб: 8 или 10 тыс. руб. Но вот что за этим последовало. Когда открывался Керкинский канал с участием членов правительства и в присутствии 2 тысяч дехкан, Сыромятников произнес торжественную речь «о воде, уходящей в пески». Перед этим тот же самый Сыромятников заявлял о достаточном отпуске воды для «эксплуатационных целей». Он сам, наконец, писал, что предполагает сдать канал в эксплуатацию с временной головой, зная, что этого сделать нельзя. Всеми

этими действиями нанесен не только материальный, но и политический вред.

Канал был закрыт и простоял все лето. Из акта комиссии, которая обследовала канал после его разрушения, в июле 1927 г., видно, что и тогда он уже подвергался деформации. Свидетель Севастьянов показывает, что «его заносит пески, осыпаются края, дно зарастает колючками, сброс заносится песком». Инженер Троцкий в своем акте и техническая комиссия указывали, что «размеров убытков определить нельзя».

Последняя телеграмма, полученная из Туркменводхоза, приобщенная к делу, говорит, что работы приостановлены, предложено приступить к очистке туземных систем. Неблагополучие на Керкинском канале продолжается, особенно если иметь в виду, что сейчас там дует страшный «афганец». Все это не только задерживает, но и удорожает строительство.

Тромбачев показывал, что в пятилетнем плане был недоучет эксплуатации, была общая тенденция, общее стремление к крупным проблемам. Свидетель Нельсон-Скорняков заявляет, что в Госплане, когда он сделал доклад о наличии неиспользованных переложных земель, возможных к орощению, в количестве до 1 млн гектар, — его приняли там «в дреколья».

Главная причина этого пренебрежения к эксплуатации заключается в том, что это — мелкие работы, которые не могут дать ни имени, ни славы, ни большего заработка — это просто «не хлебные работы».

Было не только полное пренебрежение к эксплуатации, но было и пренебрежение к инициативе населения. Свидетель Бурнашев привел очень яркий пример. Когда 20 тыс. дехканства хотели сами только за хлеб приступить к работам по прорытию канала, Булаевский в Техническом совете нашел это несвоевременным: «включим, говорит, эту работу сами в следующий оперативный план».

Сидя в кабинетах, далеко от дехканских полей, они не могли ощущать драматичность моментов подачи воды. А ведь они являются хозяевами воды и должны были создавать обстановку наиболее продуктивного приложения дехканского труда. В результате получилась не только задержка в освоении, но и задержка в посевах и просушки.

Население роет каналы, восстанавливает сеть, а водхозы строят гигантскую Тедженскую плотину, прорывают Атрекский канал для того, чтобы в залив привлечь рыбу для метания икры. Население строит канал, а водхозы включают его в свои работы, и эффект приписывают себе.

Происходит не только непрерывный рост натурповинности, но, самое главное, слабый надзор, отсутствие технического руководства за работами по натурповинности, т. е. опять-таки полное пренебрежение к интересам населения. Создается положение, когда дехканство воет от такой «помощи» водхозов. Мы имеем много примеров, вроде Атрекского канала, Арваского лотка, Саятской водокачки, в виде дефицитных работ, исполненных недобросовестно. Это и есть искажение ирригационной политики в водхозовской практике.

Интересы дехканства неразрывно связаны с интересами советской власти. Когда союзное правительство отпускает значительные суммы водхозам, то оно ведь не выступает как купец: «дай хлопок, а остальное меня не интересует».

Водхозовская бюрократическая оторванность, антиобщественность, кастовость аппарата создали такое положение, при котором нам сейчас приходится искать на этом кладбище миллионов результаты водхозовского строительства.

МЕЛИОРАТИВНЫЕ ТОВАРИЩЕСТВА

Хотя дехканство Средней Азии еще и находится в первичной стадии культуры, но за мелиоративными т-вами должно быть будущее, как и за кооперацией, которой мы придаем такое колоссальное значение. Мы видим однако полное пренебрежение к ним. Бурнашев сказал, что инженеры Узбекводхоза считали мелиоративные т-ва «вредной затеей».

А что мы видим в Туркменистане? Отпускались средства, организовывались мелиоративные т-ва, только для того, чтобы их наорганизовать побольше. Они действуют без всякого наблюдения за ними, без учета производящихся работ, и получается, что в т-ва организуются кулацкие элементы, средства расходуются не по прямому назначению, а на спекуляцию, контрабанду, растаскиваются членами правления. Для видимости нанимают багтрака, который копается в кяризе год или два.

Не в том дело, что на бумаге написано: столько-то в 1924 г., столько-то в 1927 г. организовано т-в. Цена этому — грош. Раз нет надзора ни со стороны водхоза, ни со стороны финконтроля, нет учета отпускаемых средств со стороны банков, то не только организация не даст результата, а сама идея мелиоративных т-в дискредитируется в глазах дехканства.

МЕХАНИЗАЦИЯ

Товарищи судьи, я хочу еще остановиться на существовавшем в Средазводхозе Отделе механизации с его Чарджуйским эскаваторным парком, где лежит мертвым капиталом миллионное оборудование. Отдел механизации известен лишь тем, что его громадный аппарат бесследно и безрезультатно съел не одну сотню тысяч.

В Туркменистане хотели поставить пресловутые ветряки, хотя там ветры недостаточны, как раз в вегетационный период, в период полива. Но Шаров хочет устроить «как в Америке». Израсходовано, правда, только 10 тыс. руб., но это очень характерный случай. Некие отец и сын Погоржельские появляются на сцене. С моделью ветряков они едут в Москву, — почему-то через Баку. Под Москвой они снимают лесную дачу и нанимают рабочих. Начинается рубка леса для деревянных башен. Затем чурбаки отправили в Чарджуй и свалили под навес, где они лежали два года. Лес, конечно, достаточно высох. Из него вышли прекрасные дрова, тысячи по две руб. за руб.

Далее, — глissера. Кое-что проскользнуло в показаниях Благова об этих «лодочках с пропеллерами». Благов рассказал, как строились глissера и как их пробовали на Аму-Дарье, когда можно было пешком обогнать их по берегу. В Хорезмском округе потратили на глissера 80 тыс. руб., и дело закончилось полным крахом. Это произошло потому, что не были учтены особые условия на Аму-Дарье.

Далее, — Саятская водокачка, которую устанавливали в течение 60 дней, чтобы дать воду на поля; работали только в одну смену, 8 часов в день, а воду нужно подавать за 8 верст, и она не успевала за день доходить до конца рукава. Так качали 60 дней и воду на поля не дали. Такая постановка вызвала озлобление со стороны населения, которое затратило на это дело и свои средства. Вот и опыты механизации.

УЧЕТ ПЛОЩАДЕЙ

Вкратце об учете поливных площадей. Сведения о площадях чрезвычайно разноречивы: у Хлопкома одни, у Наркомфина другие, у ЦСУ третьи, у статотдела четвертые, у Туркменводхоза пятые и эти цифры предлагается в конце концов принимать голосованием.

На этих разноречивых цифрах обосновывается эффективность работ, обосновываются ассигнования на будущий год.

Например, Чирчик-Ангрен. Первоначально Тромбачев и Плановая комиссия с Бурягиным включили в пятилетний план прирост в 122 тыс. гектаров, а впоследствии прирост равнялся нулю. Какой колоссальный скачок: от 122 тыс. до нуля! По Атреку, когда проводились работы и нужно было испрашивать ассигнования на изыскания, фигурировала цифра прироста в 40 тыс. гектаров, взятая из дореволюционных материалов. Дальше прирост падает до 20 тыс., у Ресслера до 15 тыс., у Шарова до 3 тыс., у Васильева до 500 гектаров. Ныне известно, что по атрекским работам прирост также равен нулю. Эти нули стоят, как живые укоры водхозовской работе.

СНАБЖЕНИЕ

Обстановку со снабжением свидетель Дунаев характеризовал одним словом «вакханалия». Отдел снабжения не знал, на что просит деньги, а водхоз не знал, на что отпускает деньги. Похоже на какую-то кадрили слепых. В результате — заготовки, вроде пресловутых никуда негодных гнилых сапог, которые развалились через две недели. Когда друзья Рискина — Нарбут и Гоглидзе — оказались за эти заготовки под судом, Рискин решил вытащить из беды своих товарищей. Он дал ложное показание на суде, что «Водхоз не потерпел никакого ущерба на том, что сапоги куплены у частника». По заявлению ответственного работника и члена партии Рискина суд оправдал Нарбута и Гоглидзе.

«Дешево» купили в Москве лес, оказавшийся сплошной трухой; тачечные колеса тоже оказались негодными, не лезли на оси, пришлось колеса растачивать. При этом имелось агентство на Урале, представительство в Москве и отдел Снабжения по Средазводхозу.

При заготовках Узбекводхоза, первоначальные предположения были на 1 млн руб., заготовили однако на 2 млн, а затем началась распродажа излишне закупленного материала, ввиду свертывания работ. Заготовка рельсов в Узбекводхозе образец самого отъявленного бюрократизма; переписка на «срочную» заготовку тянется 9 месяцев.

Не было плана финансирования, плана работ, и поэтому не могло быть и плана снабжения. При таких заготовках вполне понятны хищения. Тех-

ник Домбровский, например, записал материалов на 5 тыс. руб., а когда его спросили: есть ли такие материалы, он заявил: «чорт их знает, есть или нет».

Так же обстояло дело и в Туркменводхозе. Начальник снабжения Черняев не сделал и минимума того, что следовало сделать. Январский протокол 1927 г. обязал его проверить заявку отделов, а Черняев заявил, что он не инженер и проекты рассматривать не может. На предложение начальника Планового отдела составить план снабжения Черняев заявил: «без плана обойдемся».

Черняев представился здесь маленьким человеком, только агентом по заготовкам. Но он член партии, секретарь ячейки, партийный руководитель учреждения, значит, уже не такая маленькая фигура, чтобы ему нельзя было вмешаться в хаос снабжения.

Я не буду останавливаться на насосах, валяющихся на складах Туркменводхоза, где вообще имеется имущества на 500 тыс. руб., причем там больше хлама, чем ценного. Не буду останавливаться на заготовке телег, в которые нужно было впрягать четверку лошадей, на отсутствии инвентаризации с 1924 г.

Сверху донизу, начиная со Средазводхоза и кончая республиканскими водхозами, заготавливали на-ура.

ОБ ОТЧЕТНОСТИ

Между технической и бухгалтерской отчетностью экспертизой установлено везде полное расхождение. Это опять-таки общее положение. Когда одни и те же обстоятельства встречаются, повторяются в целом ряде учреждений, то одно из двух: или здесь действует чья-то единая система, или во всех этих учреждениях пришли к одному и тому же способу, чтобы покрыть одни и те же безобразия и хищения, которые существовали в учете материальных ценностей, в расходовании средств.

Раз происходит неправильная разбивка расходов, то нет возможности определить процент накладных расходов, хотя это при том порядке, каким они расходовали средства, особого значения и не имеет.

Наконец произвольная разноска накладных расходов при отфактуровании. Допустим: отфактуровывается железо и геодезические инструменты. Если же накладные расходы на всё раскладывать одинаково, то таким образом невозможно определить действительную стоимость материала. Вот что происходило у Павлова: у него стамеска стоила 300 руб. вместо 50 коп.

У главбуха Туркменводхоза Волгина все до чрезвычайности просто. Досин, принявший его наследство, сказал, что отчетность Волгина «уголовный документ». Нет учета смет, — этого он сам не отрицает, — нет материального учета. Все в самом хаотическом безобразном состоянии, бросил так, как есть, не довел книги до конца, не закрыл и уехал. Эта же система обмана доверия проводилась и в отношении комиссий. Приезжали комиссии, их «кормили с ложечки», они вырабатывали анкеты и по этим анкетам собирали сведения. Конечно, это не достигало цели. Если ревизовать учре-

ждение, недостаточно руководствоваться тем, что даст само учреждение. Надо изучать подлинные документы, проверить самую сущность дела. А в анкеты валят все, что угодно.

Перед нами прошли эти анкеты, содержащие заведомо неправильные сведения. Шаров говорит: «анкеты комиссиями не проверялись и не читались, так как никогда никакого замечания водхоз не получал».

ВЫВОД

Что же в конце концов получилось, какие результаты остались от деятельности водхозов? Ведь отпущено за все время до 70 млн руб.

По показанию Нельсона-Скорнякова и документам, имеющимся в деле, эксплуатационный аппарат, ремонтные и восстановительные работы и полезный штат стоили 13 500 тыс. руб. Всего восстановлено с момента существования водхозов до 1927 г. включительно 2 800 тыс. гектаров.

Громаднейшая часть этого прироста произошла за счет интенсивного роста дехканского хозяйства, за счет инициативы самого населения, за счет натурповинности и мелиоративного фонда. Это доказывают свидетели Бурнашев, Шевцов и целый ряд других с цифрами и материалами по этому вопросу. В конечном счете, это никем и не отрицается. Следовательно, практические результаты от работы водхозов невелики.

Я прошел по этому печальному кладбищу миллионов и привел ряд примеров самого бессовестного расходования народных средств. Если не все 56 млн съедены и брошены на ветер, а скажем, только 50%, то и это потрясающе громадная сумма.

До революции царское правительство тратило 300 тыс. руб. в год на все водное хозяйство. Конечно, системой колониальной политики царского правительства советская власть действовать не будет, но и системой безответственности, головотяпства, пошехонства, легкомыслия и авантюризма — тоже не позволит действовать. С этой системой надо покончить, надо ударить по рукам тех, кто должен отвечать за это.

На ирригацию советская власть не жалела и не будет жалеть денег, но надо же в конце концов иметь уверенность, что отпущенные деньги пойдут на реальную помощь дехканству и будут использованы в интересах союзного хозяйства, а не на сумасбродные замыслы, не на всепожирающую саранчу.

О ШТАТАХ

Возьмем Упращан. Штат Упращана — свыше 300 человек, в течение 3 лет работал без какого-либо надзора. 20 тыс. руб. в месяц стоил этот штат. И в результате безответственности и бесконтрольности получилось то, что называлось здесь «хрусталеvщиной».

«Хрусталеvщина» по существу дела, означает не только разбрасывание денег, но прямое хищение народных средств. Разбазаривание народных средств, система траты денег, в интересах личной наживы, личного зара-

ботка, личной корысти, превалирует в деле над всем. К о р ы с т ь ю, как золотой паутиной, опутаны все действия водхозовцев сверху донизу.

Из кого состоит Упращановский аппарат? Происходит специфический подбор, как у Сыромятникова, где работают пристав, жандармы, околоточный и деникинский офицер. В Упращане при хрусталевице мы видим тот же классовый подбор, целый букет: белогвардейские ротмистры, генералы, полковники. При этом — сдельщина, многотысячные заработки отдельных инженеров — Дерлюгов, Сваричевский и др., колоссальнейший аппарат, бесплановость, выписывание явно ненужных вещей, ненужного оборудования, бросание денег на ветер. Это — или желание закопать народные деньги в землю, или неприкрытое хищничество.

Из документов видно, что водхозовские аппараты съели колоссальные средства: за все время существования, включая 1927 г., на аппарат потрачено 22 млн руб.

Прежде чем перейти к формулировке и санкции мне хотелось бы отметить роль специалистов, обвиняемых по данному делу, и роль специалистов вообще в этом деле.

В действиях подсудимых-специалистов мы видим непрерывный сознательный обман советской власти, сознательное введение в заблуждение, сознательную дачу «бблших авансов, чем они могли выполнить», как сказал Моргуnenков.

Чем же диктовался этот обман: желанием получить заработок или, может быть, непониманием основ советского хозяйства, или, наконец, нежеланием работать у советской власти, нанести ей вред?

Я думаю, основное, что действовало среди подсудимых-специалистов — это кастовые традиции, цеховщина, стремление получить штамп, имя на том или ином проекте, а вместе с этим и большой заработок, корысть. В результате всего этого получилось торгашество проектами.

Отсюда и то отношение к новым лицам, которые приходили в эту крепко сколоченную среду.

Свидетельница Глаголева заявила, что вузовскую и советскую молодежь клюют. Это клевание молодежи, т. е. нежелание пускать в свою среду новых людей, особенно вузовскую, советскую молодежь, имело место не только в Средавводхозе, но и в других республиканских водхозах.

Этим объясняется и отношение к тем честным советским специалистам, которые совершенно искренно, не за страх, а за совесть, хотели работать для советской власти. Мы слышали от свидетеля инженера Благова, как резко его приняли, как он был встречен враждой, недоверием, даже преследованиями, за свои советские тенденции. А И.Т. Благов один из честных, советских крупных специалистов.

Наконец, каково положение обвиняемых коммунистов в данном деле? Здесь наиболее показательны две фигуры: Рыкунова и Рискина. Уже приходилось отмечать в судебном следствии особое поведение Рискина, его безграничное доверие к специалистам. Он сам говорит: «мы шли на поводу у специалистов».

В учреждении он начальник своих специалистов, а в университете их же ученик. Он получает звание инженера, но вместе с этим званием он приобретает навыки чуждой буржуазной среды, буржуазных специалистов,

среди которых он вращается, т. е. он идеологически уже связан с этой средой, от которой у него нет тайн ни о партийной, ни о советской работе.

Теперь о Рыкунове. Много пришлось ему слышать в суде неприятного. Это — не мелочь, это не «желание копаться в грязном белье» — его попойки, его постоянная связь в этих попойках со специалистами, с буржуазными женщинами; все то буржуазное окружение, которое он сознательно вокруг себя создавал. Тов. Манжара называет его «разложившимся коммунистом». Ведь в конце концов Рыкунов должен, хотя бы здесь на суде, признать, хотя бы поздно, но должен сказать, что вводил в заблуждение не только союзное правительство, но и партию, которая послала его на работу.

Не отрицаю, что за Рыкуновым есть и революционные заслуги, не имею права этого отрицать. Но что сделал он с этими своими заслугами, во что превратился он, старый революционер, этот Самсон, которого остригли буржуазные Далилы? Интересно, с кем он связан, кто ему, старому революционеру, дорог? Развратнейший, как говорит тов. Манжара, инженер Вержбицкий для Рыкунова — «талантливейший инженер, талантливейший администратор». А его товарищи, Манжара, Мадунцев, для Рыкунова — «злостные люди».

Другой руководитель водхоза — Мор. Его воспитатели — Пугаченков и Шаров. Пугаченков — врач и нечистоплотный человек. Но он имеет влияние на коммуниста Мора. Пугаченков его советчик, руководитель.

Наконец, — Прохоров и его ближайший помощник Шугаевский, личность достаточно одиозная среди водхозовцев Узбекистана; но Прохоров не только не видел этого, не видел характера деятельности Шугаевского, но и на суде Прохоров, как наседка, раскрывал свои крылья, желая покрыть весь свой аппарат и особенно Шугаевского.

Мне не приходится вам напоминать, что и здесь на суде, мы встретили единый фронт всех подсудимых, начиная с Рыкунова и Мора. Действовали по лозунгу: все за одного и один за всех.

Далее обвинитель требует по предъявленной квалификации:

- 1) Рыкунову, Рискину, Мору, Вержбицкому, Тромбачеву, Шарову, Сыромятникову, Пугаченкову и Бурьгину — до 10 лет лишения свободы;
- 2) Макаровскому, Ветлугину, Левченко, Шугаевскому, Ресслеру, Васильеву — до 5 лет;
- 3) Прохорову, Павлову, Ходяшову, Петрову, Мартынову, Крутобережскому, Черняеву — до 2 лет.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Заканчивая свою речь, я должен сделать вывод, который обещал в самом начале своей речи, т. е. ответить на вопрос: почему соответствующие органы так долго не видели того, что происходило в водхозах. Ответ мой будет краток.

Из всей этой системы составления планов, представления отчетности и дачи сведений, из всей этой системы лжи, обмана и личной корысти, было безусловно трудно выявить истину. Те учреждения, те лица, которые получали представления о состоянии пригации Средней Азии по докладам, сталкивались еще и с другим обстоятельством: им приходилось иметь в виду и то, что во главе водхозов стоят известные товарищи.

Мы видели, что делалось на местах, на работах: слабость профессиональных организаций, слабость общественного и рабочего контроля, — этим тоже объясняется создававшаяся обстановка.

Надо было давно и серьезно взяться за оздоровление аппарата. Когда к Рыкунову хотели подойти, хотели контролировать его, он заявлял: «разве вы мне не доверяете». На полном слепом доверии сидел человек, хотя и имеющий большие революционные заслуги. Отсюда и создалась та полная безответственность, та фактическая бесконтрольность, которая разложила водхозы.

Мы видели, как в своих письмах Рыкунов боролся против постановки в суде этого дела. Он ссылался на то, что его знают целые тысячи по Москве, что ему доверяют многие очень ответственные работники. Да, к сожалению, это было так: ему доверяли, может быть слишком много доверяли. Главная его вина, что это доверие он использовал для сохранения личного престижа и своего положения.

Я полагаю, что суд, рассмотревший все обстоятельства дела, оценит и взвесит степень виновности каждого из обвиняемых, и опасность их действий, а также опасность действий тех лиц, которые остались за скамьей подсудимых.

РЕПЛИКА

Казалось, после 30 дней исследования все уже ясно. И действительно: я не услышал от защиты возражений по существу обвинения. Но иногда мне думалось: зачем ткется эта тонкая паутина, которая обволакивает столь ясное дело? Что же получилось в самом деле: растраты нет, денег нет, результатов работы нет и виновных нет. Даже и по отношению к анекдотическому управлению водного хозяйства Туркменистана, — и там у защиты только халатность.

Мне придется остановиться на некоторых моментах, касающихся конкретного материала, и в этом отношении я начну с речи защитницы Мичуриной, речи, наиболее деловой. Защитница Мичурина говорит об отчетности, об инструкциях, ссылаясь на экспертизу. Она стала на ту точку зрения, на которую она должна была стать, как защитница в таком деле, где сами по себе факты и материал слишком ярки, где надо становиться или на формальную почву или на почву недоговорок, недомолвок.

ОТЧЕТНОСТЬ

Ссылаясь на экспертизу в отношении отчетности, Мичурина заявляет: «По мнению экспертизы отчетность поставлена правильно». Совершенно верно: экспертиза отметила, что по форме отчетность правильна, только потому, что никакой другой формы отчетности и не существует. Но содержание отчетности — это другое дело, и о содержании экспертиза давала иное заключение.

То же самое в отношении инструкций. «Инструкции, — говорит Мичурина, — составлены правильно». Совершенно верно, потому что они составлены на основании векового опыта, скомпилированы из учебников, из

существующих руководств. Но как инструкции выполнялись на месте, как и кто следил за этим, что из этого получилось — это другой вопрос, и на этом защитница также не остановилась.

Далее, остановлюсь на единичной стоимости. Защитница Мичурина пришла к выводу, что один из моментов обвинения по отношению к ее подзащитным — относительно единичной стоимости — «отпадает». Экспертиза будто бы «дала заключение, что нельзя вывести единичную стоимость до окончания работ». Допустим, строится Янги-Даргомский канал в течение трех, а может быть, и пяти лет. Значит ли это, что ранее пяти лет нельзя будет вывести ни одной единичной стоимости работ?

Я хотел бы привести простейший пример. Возьмем постройку плотины. Эта постройка разделяется на целый ряд строительных работ, например, рытье котлована и водоотлив. Когда закончилась работа, можно вывести единичную стоимость на земляные и водоотливные работы. Далее — забивка шпунта. Закончилась работа, можно вывести стоимость погонного метра шпунтовых работ. Далее, кладка фундамента и водоотлив. Закончилось, можно вывести стоимость кладки и водоотливных работ. Наконец, тело плотины, — можно вывести стоимость куб. метра кладки. «До окончания работ», это значит — до окончания отдельного вида работ, а не всего сооружения. Если работа будет идти 3, 5, 10 лет, — ведь нельзя же ее вести без того, чтобы не знать вперед стоимость всей работы: рентабельно ли сооружение, во что обойдется вся постройка. Единичную стоимость можно вывести в конце концов и по истечении каждой недели, за каждый платежный период. Для этого необходимо иметь журнал работ, платежные документы. При отсутствии журнала этого, конечно, сделать нельзя.

Далее мы видим, что ни один из отчетов начальником водхоза не утвержден. Рассматривались только исполнительные сметы, и только эти сметы утверждались.

Вот вам выполнение «правильных» инструкций, вот вам выполнение «правильных» форм отчетности и наблюдение за работами и вот вам «учет» опыта работ.

Из представленных документов видно, что в Производственном отделе на 27 февраля 1928 г. имелось только два отчета, из них один на «устройство навеса Материально-хозяйственного отдела». А по Голодной степи с 1924 г. отчета нет, отчет составляется, а когда он будет представлен — неизвестно. Это, очевидно, тот «революционный порядок», о котором говорил Рыкунов. А два законченных отчета за 1926/27 г. до сих пор никем не утверждены.

СТРОИТЕЛЬСТВО

Наконец, еще по вопросу о том, что построено Средазводхозом. Защитница Мичурина потрясала перечнем работ за 1923/24, 1924/25 гг. Есть такие перечни, я их видел и до следствия и во время следствия. И суду они известны. Надоели нам эти перечни. Посмотрите их, товарищи судьи, но вместе с перечнями обязательно посмотрите и акты от 14 июля 1927 г. и от 25 июля 1927 г., составленные в присутствии производившего следствие, с участием

ответственных работников Средазводхоза, из которых Тромбачев сидит на скамье подсудимых. От этих актов никуда не уйти; в них за подписью Дунаева и Тромбачева говорится: «отчеты за 1923/24, 1924/25 гг. противоречивы и сомнительны, данных о фактически произведенных за последние 3 года работах и их фактической стоимости получить не откуда. Нужна длительная работа, выезд на места». Тромбачев нам не заявлял, что он этот документ подписал «по рассеянности».

Синюгин, подписавший акт от 14 июля 1927 г. — один из помощников Вержбицкого, который знал всю работу Производственного отдела. Он пишет, что «степень готовности сооружений по годовому отчету установить нельзя; ведомости выполнения работ за 1925/26 г. нет; стоимости работ 1925/26 г. определить нельзя; что построено в 1925/26 г. — неизвестно; куда шли излишние средства против плана-минимума — неизвестно».

Ведь один только этот документ может стать обвинительным актом против всей деятельности Средазводхоза. Мало того, акт от 25 июля 1927 г., подписанный Синюгиным и Смирновым — техником, работающим над отчетностью, говорит, что «техническая отчетность в Производственном отделе никогда анализу не подвергалась; учета опыта не производилось, регистрации дефективных работ не велось». Вот что говорят их собственные документы, вот результаты водхозовского строительства и в частности результаты работы Производственного отдела.

ТЕПЕРЬ ОТМЕЧУ НЕКОТОРЫЕ МОМЕНТЫ В РЕЧИ ПОДСУДИМОГО РИСКИНА

Выходит Рискин и повторяет несколько раз: «я, как коммунист и честный человек». Для меня непонятно это сопоставление: «коммунист и честный человек». Что это за две различные породы? По-моему, это язык обывателя.

Рискин учился у специалистов. Каждый специалист в своей области обладает знаниями, которые и нужно от него взять. Как Рискин увязал свою учебу и свое пребывание на работе со своим личным отношением к специалистам, что переходило у него в подхалимство к ним? Когда Рискин после секретного совещания или заседания бежал к этим же специалистам и передавал им все, что говорилось, то как это называется? Если «коммунист» свои отношения к специалистам заполняет обывательскими сплетнями, шипением на советскую власть и советские органы, что делал Рискин, то это как называется?

Рискин защищал Вержбицкого. Что его защищает Рыкунов — это вполне понятно. Но Рискин не пьянствовал с Вержбицким. Все же, когда за Вержбицким обнаружилась большая авансовая задолженность, которую нужно назвать растратой, когда за эту растрату его хотели предать суду, Рискин выступал в защиту Вержбицкого.

Рискин применил к себе пословицу о баране. Этим он хотел сказать, что «коммунисты не знакомы с техникой», смотрят на проекты, как «баран на новые ворота». Вот в этом-то и есть скверный оттенок. Это и есть ненужное

самоунижение, в целях защиты. Представим, товарищи судьи, что подобную фразу он говорил не раз и специалистам, перед которыми в управлении он — начальник, а в университете — ученик. Тогда и получается грубая лесть специалистам.

Неправда, что всякий коммунист, всякий рабочий, когда он подходит к какому-либо новому делу, будет стоять перед ним, как «баран перед новыми воротами». Это неправда, это ложь. А что было раньше, когда этими специалистами с высшим образованием управляли купцы Сизонуповы, фабриканты Кошкдраловы? Их специалисты слушали, выполняли их распоряжения.

Разве можно специалистам твердить, что, мол, коммунисты в делах, как «бараны перед новыми воротами», что вы, мол, наши отцы, а мы ваши дети, и делайте так, как хотите. Разве так можно управлять, разве так партия и советская власть подходит к строительству и использованию специалистов?

Нет, надо дать специалисту понять, что раз он с тобой работает, он должен считаться с искренним желанием и энергией своего начальника. Это же не дело, когда специалист с пренебрежением относится к своему начальнику, а начальник становится перед ним на четвереньки. В такой обстановке и развивается безответственность, карьеризм, протекционизм.

Нам приходилось сталкиваться в судах с таким положением, когда тот или иной специалист, не примирившись с советской властью, не хочет смириться и с тем, что стоят у власти «бывшие хамы», а не те, перед кем он раньше склонял свою голову: купцы, фабриканты и помещики. В рабочем классе больше потенции к труду и знанию, чем у купцов Сизонуповых и фабрикантов Кошкдраловых, которые, кроме своих процентов, ничего больше не видели.

ПЕРЕХОЖУ К РЕЧИ ЗАЩИТНИКА ВИНАВЕРА

Монотонная, мягкая и ласковая речь. Порой, закрывая глаза, мне кажется я слышу: «братия, любите друг друга». Нельзя на подобном процессе говорить лакированные речи, надо анализировать материал. Защитник Винавер читал свои заметки, записки. А где же та гора документов, что лежала перед вами на столе, где 30 дней судебного следствия? Отдельные словечки, записки, заметки, какие-то мемуарчики — вместо анализа громадного, общественно-политического процесса.

Защитник Винавер заявил, что он относится с уважением «к о всякому строительству, ко всяким попыткам строительства». Он с уважением относится и к Кара-Кумской и к Каршинской степи. А если бы здесь вздумали провести железную дорогу на Марс, — он и к этому отнесся бы с уважением?

«Я, — говорит защитник Винавер, — отношусь с уважением к патриотизму местной колокольни». Он говорил о деятельности Туркменводхоза. «Они, — говорит Винавер, — хотели улучшить тяжелое положение своей страны». А что же в конце концов получилось от этих благих пожеланий? Получилась Тедженская плотина, Керкинский канал, Атрекский канал,

Кара-Кумские изыскания. Пожелания надо оставить в стороне, а взять результаты действий лиц, сидящих на скамье подсудимых.

«Бывает и экономика в хвосте у техники», — сказал защитник Винавер и привел пример: Самарканд ворует воду у Бухары. Тут не нужно экономических обоснований, надо немедленно урегулировать положение.

Надо уточнить мысль об экономических обоснованиях строительства, чтобы не довести ясное положение до бессмыслицы.

Допустим, где-нибудь прорвало плотину, затопило посевы. Об этом дана телеграмма Средазводхозу. Нужна срочная помощь, а Средазводхоз обязал бы Бурыгина составить экономическое обоснование для восстановления плотины; Бурыгин сел бы на полгода за работу, а плотина — подождет. Это было бы контр-революционным действием. Здесь экономическое обоснование в самом факте существования плотины, в самом факте разрушения ее и в необходимости ее немедленного восстановления.

ПЕРЕХОЖУ К ПРОХОРОВУ.

Он заявил: «чтобы получить больший эффект, мы и дальше должны придирааться к моменту». Значит ли это, что и дальше так будут строить, т. е. беспроектно, безосновательно, налетом; или это значит, что положение тяжелое, а в центре раскачиваются медленно, центр своевременно деньги не отпускает, проекты и планы проходят чрезвычайно медленно, и «революционная необходимость» заставляет итти на подобные действия. Так как центр все время идет на помощь дехканству, на помощь Средней Азии, отпуская громадные средства, то можно сказать Прохорову и тем, кто остался в Узбекводхозе: «если вы и дальше так будете «придирааться к моменту», то прокуратуре придется еще раз «придраться» к кому-нибудь, чтобы отучить от этой манеры «придирааться», а не готовиться к строительству.

Защитник Чиков и подсудимый Прохоров, говоря о пятилетнем плане и крупных проблемах, заявили, что пятилетний план составлялся по заданиям центра на определенное количество волокна. Правильно. Вам дано задание: дать к концу пятилетия 328 тыс. тонн волокна, и если вы за это взялись, то и должны это выполнить в пять лет. Центр на это количество волокна рассчитывает, и на этом количестве волокна строится бюджетный план заготовки хлопка и текстильной промышленности. Но если через пять лет вы придете и скажете: «извините, мы просчитались, наш план не на пять, а на десять лет», как вы говорите здесь теперь, то лучше сейчас судить вас за такое планирование, а не через пять лет, так как такое планирование бьет по всему хозяйству. Это и есть тот обман, то введение правительства в заблуждение, о чем я говорил.

В речи защитника Чикова я отмечу его способ защиты Шугаевского. Почему защитник так долго говорил о Прохорове? Прохоров сам защищается. Оказывается, характеристикой Прохорова защитник защищал Шугаевского. «Во-первых, Прохоров — инженер, во-вторых, культурный человек и, в-третьих, коммунист». Хорошо, что хоть в-третьих, коммунист, а не в-четвертых. Чиков стремится доказать, что Прохоров не мог поддаться влиянию Шугаевского. К сожалению, это не так. Свидетель Бурнашев называет Прохорова безвольным человеком, который своего мнения никогда не имел

и всегда отступал при малейшем на него напоре. Шугаевский фактически управлял всем аппаратом, этот «бюрократ и в высшей степени антисоветский элемент». Прохоров выступал перед нами более добросовестно, чем все другие подсудимые члены партии. Пусть же Прохоров в последнем слове выйдет и скажет, что в ячейке ставился вопрос о тех комбинациях Шугаевского, которые «исчислить трудно».

Защитнику Иванову, защищавшему Мора, не понравилось вычисление, которое было сделано в обвинительном заключении в отношении размеров расходов на аппарат — 3 500 тыс. руб. с 1924 по 1927 г. включительно. «Вот, — говорит, — прокурорское кладбище». Я, конечно, еще не умер, но могилу этих 3 500 тыс. руб. еще до меня нашел пленум ЦП Союза в марте 1927 г., говоря о безрезультатно затраченных 3 500 тыс. рублей.

Защитник заявил: «прокурор не может найти ни одной беспроектной работы, кроме Керкистроя и Арваза». Пусть защитник посмотрит список в томе 5-м, лист 313-й, и найдет хоть одну работу, которая строилась бы по утвержденному окончательному проекту. Я таких работ не знаю в Туркменводхозе.

Наконец, в отношении накладных расходов говорит защитник: «Вы должны учесть и то обстоятельство, что накладные расходы по Управлению водных хозяйств Туркменистана были ниже всех».

Вот уж действительно с большой головы на здоровую!

Больше всех, а не меньше всех.

Сорокин, теперешний заместитель начальника Туркменводхоза, еще до своего появления на этой работе знал, что накладные расходы по Туркменводхозу «изумительные». В деле есть таблица Шпаковского, члена комиссии Манжары. Шпаковский пользовался соответствующими материалами ревизии, и его таблица действительно изумительная; по изысканиям процент накладных расходов превышает 200; по строительству доходит до 70, а по натуровинности — до 83-х.

Защитник Иванов заявил: «мы слышали от прокурора попытку загрязнить Мора». Должен сказать, что я таких попыток не делал. Нужно только анализировать факты, чтобы получить представление о Море, как человеке, как начальнике Туркменводхоза; нужно просмотреть некоторые документы дела: его письмо прокурору Верховного суда СССР, его письмо в ЦКК Туркменистана; его письмо в ГПУ, наконец, его письмо Курчавову.

Если анализировать эти документы, то надо прийти к выводу, что здесь было сознательное искажение фактов. Ответственный работник, начальник Водхоза пишет в ГПУ в отношении своего бывшего подчиненного, арестованного Рудницкого, что это «дело становится бессмыслицей, что Рудницкий становится мучеником, что все существо дела сводится в конце концов к той или иной статье Гражданского кодекса и что он просит изучить это дело, для его скорейшей ликвидации». Это есть безусловное желание защитить своего подчиненного, который попал в грязную историю.

То же самое его письмо к Курчавову. Курчавов был на Керкистрое и пишет Мору о Сыромятникове правду, а Мор отвечает ему: «с Сыромятниковым надо поосторожнее, Сыромятникова не трогайте — иначе он уйдет от нас»; т. е. Мор сознательно покрывает сыромятниковщину.

Перехожу к защитительной речи Рыкунова.

В речи Рыкунова было много опасных моментов.

Например, он заявил: «прокурор сказал, что Западная Европа будет хохотать над Кара-Кумскими изысканиями». И дальше: «нет, не над этим будет смеяться Европа, а над тем, что вскрыл прокурор в своей обвинительной речи, над той обстановкой, которую он нарисовал». «Если, — говорит Рыкунов, — эта картина справедлива, то она вызовет неверие среди рабочих к советской власти».

Здесь Рыкунов взял на себя большую смелость говорить за рабочие массы, это — неправильный, неверный, демагогический выпад, который он употребил в свою защиту против обвинений. Мог ли он пользоваться таким сильным средством. Нет, не мог, не имел права и оснований и не должен был бросать подобные фразы, чтобы сорвать десятка два сомнительных аплодисментов в этом зале. Это не просто демагогия, а скажу словами его писем: «гнуснейшая демагогия».

Посмотрите, как он в письме к Рискину говорит о постановлении ЦКК, НК РКИ как оценивал он решение этого высшего партийного органа. Он говорил о «разложении в верхах», о «партийных чиновниках».

Разве это не падение, не разложение его самого? Для защиты своих действий, своего собственного разложения говорить о «разложении» в наших руководящих органах. Каким образом, каким путем он мог дойти до того, чтобы на суде говорить о неверии рабочих в «советскую власть», когда она вскрывает язвы бюрократического аппарата?

Дальше, в отношении оплаты экспертов-консультантов Госплана из средств Средазводхоза Рыкунов заявляет: «это не взятка, нельзя давать взятки с ведома народного комиссара финансов». Опять своего рода «закоука».

Выходит, какие нелепые вещи говорит прокурор. Во-первых, эту оплату я еще не называл взяткой, во-вторых, что значит: «с ведома наркомфина»?

Когда разрешение на оплату дано Рыкуновым, и когда об этом узнает Наркомфин, он пишет, что «подобные оплаты вообще недопустимы, их необходимо включать в смету Госплана». Вот правильная позиция Наркомфина.

Рыкунов привозит планы, и Средазводхоз оплачивает консультантов. Я и говорил, что «здесь устанавливается известная заинтересованность консультантов, которые получают оплату от водхоза и дают заключение по его плану. Здесь может быть известное отсутствие беспристрастного отношения».

Дунаев в своем показании заявил, что «Рыкунов вообще не стесняется в такого рода расходах».

Далее, говоря о беспроектном строительстве, Рыкунов выставил следующее положение: «мы подходили к строительству революционному, нельзя было ждать, пока будут готовы схемы всех бассейнов, пока будут готовы все проекты на те или другие системы». Но ведь это же утрировка, и утрированная мысль Рыкунова является опять-таки демагогией.

Выходит, что он действовал революционно в 1923, 1924, 1925, 1926 гг.,

когда работали без проектов, без всякой подготовки, и в результате не знают, что построили, сколько израсходовано и сколько стоило.

А разве никакого другого порядка не существует? Между крайностями нужно же проводить известную грань. Надо отделить бессмысленное увлечение, искажение того или иного положения от разумного, целесообразного, хозяйственного. Где же революционные действия? Если необходимо было в Хорезмском районе при катастрофическом положении помочь населению, значит ли это, что там надо было четыре года изыскивать и, израсходовавши 2 млн руб., ничего не дать дехканству. Разве это революционное действие?

Рыкунов говорит: «мы построили Волховстрой с ошибками, Днепрострой строим с ошибками, но он будет построен».

А что вы построили, Рыкунов, что построил Средазводхоз? Далее, Рыкунов заявил о себе: «когда я говорил о готовности проектов, я стоял на р е в о л ю ц и о н н о м, а не на эволюционном пути, как прокурор». Но, к сожалению, такая «готовность» проектов, какую мы видели, являлась обманом, и вряд ли обман советской власти в каких-либо случаях можно признать «революционным» действием.

«С Голодной степью, — сказал Рыкунов, — кустарничать нельзя». Значит, все население должно ждать, покада осуществится проект Ризенкампа в целом? Наконец, надо провести грань между Голодной степью, как объектом орошения, и голодно-степским проектом Ризенкампа.

Теперь, после Рыкунова, отпущены деньги, хотя еще не приступили к бетонировке канала, но Ризенкампф и этому противился, потому что бетонировка канала, увеличивая его пропускную способность, даст лишних 30 тыс. гектаров; значит: население успокоится, а следовательно, выполнение проекта Ризенкампа может отодвинуться на неопределенное время. Вот почему Ризенкампф противился, а Рыкунов не понял этого.

Далее Рыкунов заявил: Госплан решил перестроить проект Ризенкампа, отпустивши 160 тыс. руб. на «переделку». В действительности, до 1 октября 1927 г. уже 400 тыс. руб. отпущено и скушано на этой самой «переделке» проекта, в котором намеренно не отделяют голодно-степского проекта Ризенкампа от орошения Голодной степи.

25 августа 1925 г. соглашение подписано с Научно-мелиорационным институтом только одним Рыкуновым, на бланке представительства Средазводхоза; а 10 сентября 1925 г. им же лично за летучим номером предложено: выдать 6 тыс. руб. Ризенкампу. Заключается соглашение, не указывается объем работы, характер работы, способы выполнения, способы расходования денег, т. е. — на тебе 160 тыс. руб. и еще 6 тыс. и расходуешь, как хочешь. И Ризенкампф расходует деньги по запискам, по распискам, в которых не указано, за какую работу выплачены деньги, нужна ли эта работа, какого она характера, какого объема. Этими двумя документами Рыкунова дана полная свобода расходования денег.

В отношении изысканий Рыкунов заявил: «Прокурор ошибся, заявив, что все изыскания произведены без программ».

По Чирчик-Ангрену известно было, что запасы воды имеются на 300 тыс. гектаров, а изыскания развернулись на 600 тысяч.

В Таш-Саке то же самое: не определена площадь, не известно, что будут

орошать, а развертывают изыскания на 1 млн гектаров. Экспертиза отметила, что изыскания поставлены неправильно, потому что в них не было общей «геодезической увязки».

Нет установленных марок, нет закрепительных знаков, в результате повторные изыскания, в результате каждая партия имеет свои точки, в результате материалы прежних изысканий могут исчезнуть бесследно, даже такие, как на Таш-Саке, потому что они велись без связи между собой. Все нивелировки висят в воздухе, т. е. результаты всех изысканий при таком положении могут пропасть на все 100%.

Наконец, в отношении лично себя Рыкунов заявил: «то, что говорилось свидетелями обо мне, о моем поведении — это бабьи сплетни».

Почему такие моменты должны иметь значение для суда. Когда эти моменты переплетаются с теми или другими уголовными делами, когда они влияют на ход служебной работы, на то или иное решение по службе, на работу аппарата — эти поступки принимают серьезный характер.

Ленин определял этичность или неэтичность поступков члена партии чрезвычайно просто: неэтичен всякий поступок, всякое действие, которое вредит союзу рабочих и крестьян, которое подрывает доверие к партии со стороны революционного класса и эксплуатируемых масс.

Значит о всяком действии, которым ты дискретируешься в глазах населения, как представитель советской власти, как член партии, о всяком действии, которое отражается на работе аппарата, во вред нормальной правильной работе, нельзя говорить как только о личных поступках. Это, мол, его, Рыкунова, личное дело, и разбирать — это значит копаться в его грязном белье. Надо копаться, как это ни неприятно, потому, что у Рыкунова это перешло глубоко в область служебных взаимоотношений.

Свидетель Дунаев нам говорил о таких действиях Рыкунова с Вержбицким: были попойки, были женщины из аппарата, с которыми у Рыкунова была «короткость». Попойки в Москве происходили на деньги Швецова и Вержбицкого, т. е. на казенные деньги.

Далее, Манжара говорит: «женщины в водхоз принимались по внешности» или, как говорит Мадунцев: «в водхозе было полно проституток».

Рыкунов, Вержбицкий, Левченко — три друга, о разврате Рыкунова и Вержбицкого говорит весь водхоз, весь Ташкент. Рыкунова покрывают специалисты, называя его «наш Миша, наш Рыкунчик». Рыкунову подносятся адрес, ему устраивают проводы — семейный ужин. Все это, вместе взятое, дает водхозу отрицательную физиономию, которую не должно иметь советское учреждение, руководимое старым коммунистом, бывшим политкаторжанином и рабочим. С этой точки зрения нельзя говорить о «безкорыстных» действиях Рыкунова, попойки и женщины которого стали «притчей во языцех».

Рыкунов, видимо зная, что прокурор остановится на этом моменте, сказал: «моя беда в том, что я подхожу ко всем людям прежде всего как к человеку». Если ты коммунист, если ты революционер, то это обязывает тебя к сугубо-осторожному подходу к людям чужого класса. Нужно ли мне, товарищи судьи, вам говорить такие элементарные вещи, что мы живем в мещанском окружении, что вокруг нас мещанское обывательское болото, что

нужно чрезвычайно осторожно ходить по тропинке, чтобы не утонуть в обывательщине, а Рыкунов во всех и всегда видит прежде всего «человека».

Рыкунов и в своей защитительной речи, и ранее в показаниях защищал не только себя, он защищал и тех, которые с ним сидят на скамье подсудимых, и даже тех, которые остались за этой скамьей. Он ни на минуту не отделил себя от остальных подсудимых. Вот позиция, которую он занимал во время судебного следствия, которую он занимал и до следствия.

В некоторых моментах я сравниваю его действия с действиями Сыромятникова. Сыромятников точно также чувствовал себя совершенно безответственным; он думал, что нет силы, которая могла бы в конце концов притянуть его к ответу. Мы видели, что и Рыкунов держался такой же позиции — сознание полной своей безответственности, безнаказанности. Им была брошена как бы вскользь фраза: «мне в центре верили»; у п о м я н у л о старой дружбе с очень ответственными товарищами.

Для чего это было сказано на суде, который разбирает преступные действия Рыкунова. Конечно, я не имею права отнимать у него его прошлое, но перед нами сейчас его настоящее, его преступные действия. В этой как бы «случайной» фразе на суде — афиширование своего вельможества. Это своего рода вызов суду, а когда это сопровождается защитой тех, кто сидит позади него, то здесь и бравоирование перед подсудимыми: «что же, суд осудит, ничего, не робейте, у меня большие связи, я, Рыкунов, вас выведу».

Мы неоднократно в суде видели такую позицию.

ПЕРЕХОЖУ К РЕЧИ ЗАЩИТНИКА МАЛЯНТОВИЧА.

В ней было нечто убаюкивающее, как колыбельная песня. Получилось в конце концов: все мелочи, пустяки, ничего серьезного, все обернуто в какую-то паутину, все безобразия потускнели и превратились в какие-то мелкие нарушения. В отношении даже Сыромятникова защитник считает, что его надо привлечь по ст. 171 Уголовного кодекса, т. е. за нарушение клятвенного обязательства.

Остановимся на той экскурсии, которую сделал защитник Малянтович в область экономики, для оценки — «что такое план». Элементарной упрощенной постановки о реальности того или иного плана не было ни в предварительном следствии, ни в суде. Слишком наивно было бы ставить так вопрос: составлен пятилетний план, и все работы извольте выполнить так: в такой-то месяц канал, а в такой — плотину постройте.

Реальность пятилетнего ирригационного плана расценивается по тому эффекту, который даст выполнение плана в пять лет, каков будет прирост орошаемой площади, какое количество хлопкового волокна получится от этого, так как на этот прирост площади рассчитывает дехканство, а на прирост хлопкового волокна рассчитывают и союзное и республиканские правительства.

В отношении плана 1925/26 г., прокурор, оказывается, обвиняет подсудимых за помыслы. Ну помыслы — вещь неосоздаваемая, покуда они не превращаются в слова, а слова в действия. Конечно нельзя судить за то, что бродит в голове у кого бы то ни было.

А вот этот порядок запроса, что это, в самом деле, помыслы или действие? Это — действие, которое влечет за собой рост нецелесообразных ассигнований и перенапряжение бюджета. Нам, товарищи судьи, известно, что этот порядок составления планов с запросом есть застарелая болезнь. Нам всем известно, сколько это стоит излишне-отпущенных средств.

С этой базарной психологией «запроса» советское правительство борется.

Все основные моменты предварительного следствия подтверждены судебным следствием полностью.

Приведу защитнику Малянтовичу конкретный пример. Если Атрекский канал может быть «плюсом», то и тут нужна некоторая экскурсия в область этнографическую и политическую. Была вражда атабайцев и джаффарбайцев; для уничтожения вражды нужно было провести канал: голова канала в местности нахождения атабайцев, его хвост — в местности расположения джаффарбайцев. Атабайцы недовольны проведением канала, потому что канал осушил болота, где они сеяли рис. А джаффарбайцы недовольны тем, что в хвосте создали болото, их старые каналы заилились. В результате: атабайцы и джаффарбайцы больше не воюют, но зато и те и другие в о ю т. Вот что получилось в результате «эффективной работы».

И за что бы ни взялся Туркменводхоз, из всего буквально получается анекдот: ветряки — анекдот, глиссера — анекдот, колодезные работы — анекдот, Саятская водокачка — анекдот, Арвазский канал — анекдот, Атрекский канал — анекдот и т. д. Не строительство, а сборник барона Мюнхгаузена.

Затем относительно эксплуатации рабочих. Здесь, по-моему, Малянтович допустил неправильную постановку вопроса: «можно ли в советском государстве служащим советских учреждений эксплуатировать рабочих». Не говоря о том, что эта постановка чревата неожиданностями, если ее развивать, она неправильна и по своему существу, потому что не отделяет интересов госучреждений, т. е. государства, от личных интересов отдельных служащих госучреждения. Неоднократно отмечались у Сыромятникова моменты личной корыстной заинтересованности в смысле использования своего служебного положения и в отношении себя и в отношении административно-технического персонала.

Понятие о корысти мы должны теперь значительно углубить и расширить. Вместо примитивных форм корысти, что мы видели раньше, здесь мы встречаем как будто «бескорыстное» действие — обман контролирующих и директивных органов. Но я уже отмечал, что здесь нет бескорыстных действий, бескорыстного заблуждения. Все подсудимые, начиная с Рыкунова, знали истинное положение вещей и обманывали. Этот обман одним создавал и укреплял служебное положение, другим — давал имя, заработной. А все вместе причинило Союзу невосместимый ущерб в виде миллионов, съеденных и брошенных безрезультатно на ветер.

Так корыстно злоупотреблял своим положением и Сыромятников, чтобы сохранить и удержать тот авторитет, который он, Сыромятников, получил в Туркмении, как «экономный строитель», не по заслугам для него. Всякое

явление, товарищи судьи, в нашей обстановке, если оно перенесено из до-революционных капиталистических форм, принимает соответствующую защитную окраску, происходит соответствующая мимикрия. Например, взятка до революции, в первые годы революции и теперь. Ныне взятка вуальруется в таких формах, что ее трудно найти, установить.

Эксплоатация рабочих в этом деле также приобретала мимикрию: в роли защитительной окраски Сыромятников выставил государственный интерес: «не свои деньги экономил, не свои интересы преследовал, а государственные».

Этой «экономией» он спекулировал, так как фактически никакой экономии не было. Когда ему указывали, что нельзя держать рабочих в таком положении, и предлагалось сделать в отношении рабочих то-то и то-то, Сыромятников выступает в позе благородного рыцаря на защиту «государственных интересов». А деньги, экономия где?

Когда ему заявляли, что нельзя сезонных рабочих превращать во временных рабочих, он указывал, что наряд, который он выдает на работу, есть уже предупреждение об увольнении: в наряде указан объем работы, выполнил — и можешь идти.

Сыромятников даже «революционер»: он дает распоряжение за революционные праздники оплачивать в том случае, если рабочий участвует в революционных демонстрациях. А по существу — это издевательство.

Мы знаем из материалов дела и из показаний Шепелева, Рабиновича и Лукьянова, работавших в Керках и живущих там, как Сыромятников устанавливал хорошие отношения с местными организациями: тому леса, тому цемента отпустит, тому автомобиль даст.

В деле проходил такой момент, когда Абушаев заявил на прораба Полякова, что «он торгует водкой, спивает рабочих, пьянствует с местными работниками». Произвели проверку и нашли, что это «не подтверждено», что Абушаев сделал «неправильное заявление».

Товарищи судьи, учтите ту обстановку, в которой там, на далекой окраине, на границе, в глухом городишке, без контроля, некоторые из представителей тех или иных учреждений могли возомнить себя «князьками». А здесь защита говорит: «ГПУ проверяло и не нашло». Да, ГПУ — орган революционной борьбы, но и в этом органе, как и во всяком другом, при известной обстановке, могут быть негодные элементы. Разве это для нас секрет?

Далее в отношении Моссе, помощника Сыромятникова. Почему этого Моссе, в отношении которого возбуждались дела и об оскорблении милиционера, и о пьянстве, и о присвоении двух ящиков водки, и об изнасиловании женщин, о погоне за рабочими с револьвером, — почему Сыромятников держал его при себе? Потому что для Сыромятникова, для его действий, необходим такой помощник, да еще и член партии, которого он мог втянуть в сферу своего разлагающего влияния. И мы видим, что каждый раз, когда доходили до директивных органов те или иные сведения, появляется на сцену этот самый преступный тип Моссе и говорит: «нам мешают работать».

Сыромятников защищался авторитетом своих партийных помощников. Хитрый узор нанесен здесь на обвинительный материал. И получилось:

денег нет, работ нет и виновных нет. Я думаю, товарищи судьи, этот хитрый узор вы сотрете своим приговором и останется то яркое безобразие, которое перед нами проходило во время судебного следствия, и которое нам нужно помнить, чтобы оно больше нигде и никогда не появлялось.

Приговором выездной сессии Верховуда СССР оправданы:
экономист Средазводхоза БУРЫГИН,
замначальник Производственного отдела Средазводхоза МАНДРЫГИН,
начальник Производственного отдела Туркменводхоза ПЕТРОВ;

осуждены:

главбух Узбекводхоза ПАВЛОВ на 1 год лишения свободы с освобождением по амнистии,

начальник снабжения УВХ ЧЕРНЯЕВ и начальник снабжения Узбекводхоза КРУТОБЕРЕЖСКИЙ,	} 1½ года;
экономист Туркменводхоза МАКАРОВСКИЙ,	
инженер Эксплуатационного отдела Туркменводхоза ХОДЯШОВ	} 2 года;
брид начальника Планового отдела Туркменводхоза МАРТЫНОВ,	

главбух Туркменводхоза ВЕТЛУГИН-ВОЛГИН,	} 3 года;
начальник Узбекводхоза ПРОХОРОВ,	
зампред Техсовета Туркменводхоза РЕССЛЕР,	
начальник Эксплуатационного отдела Туркменводхоза ВАСИЛЬЕВ,	4 года;

главбух Средазводхоза ЛЕВЧЕНКО,	} 5 лет.
начальник Планового отдела Средазводхоза ТРОМБАЧЕВ,	
замначальник Туркменводхоза ШАРОВ,	
замначальник Узбекводхоза ШУГАЕВСКИЙ,	
начальник Планового отдела Туркменводхоза ПУГАЧЕНКОВ	
начальник Производственного отдела ВЕРЖБИЦКИЙ,	} 6 лет;
замначальник Средазводхоза РИСКИН,	
начальник Средазводхоза РЫКУНОВ,	
начальник Туркменводхоза МОР,	

● начальник Керкистра SYPOMЯТНИКОВ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
ПРЕДИСЛОВИЕ	3
I. ПРОЦЕСС СОТРУДНИКОВ НКПС И МОССМЕТА	5
Обвинительная речь 13 июля 1924 г.	—
Сущность дела	6
Центр тяжести дела	—
Анализ договора	7
Не государственное учреждение, а подрядчик-эксплуататор	8
Анализ договора Лошинского с НКПС	—
Процентное отчисление по проекту договора	9
Создание искусственной обстановки вокруг договора	—
Комиссия Рубана	10
Почему договор направлен в СТО	—
Комиссия Лебедева	11
«Срочность» работы	—
Прохождение договора	—
Направление договора в СТО	—
Техническо-финансовая комиссия НКПС	12
Финансово-контрольный комитет НКПС	—
Коллегия НКПС	13
Управление Западными железными дорогами	—
Нужен ли был Лошинский	—
Обстановка работы Лошинского на Зап. ж. д.	14
Недобросовестность Лошинского	15
Создание Лошинским фиктивного кооператива	—
Роль Мусатова	16
Фиктивный договор кооператива с Мосметом	—
Спекулятивные операции кооператива	—
Военная «срочность» работ Лошинского	17
Задержка Лошинским зарплаты	18
Эксплуатация Лошинским рабочих	—
Поездки в Ленинград	19
Операции Лошинского	20
Дача взяток Лошинским в НКПС	—
Устройство Лошинским вечеринок Калмычину	21
II. ДЕЛО О ХИЩЕНИЯХ В ЛЕНИНГРАДСКОМ ВОЕННОМ ПОРТУ	23
Обвинительная речь 5 ноября 1925 г.	—
Подполье	—
Всехозяйственность	24
Подбор людей	—
Их советское прошлое	—
Старые спецы	25

	Стр.
Размеры дела и его значение	25
Развитие дела	26
Работа ревизионной комиссии	27
Характеристика обвиняемых	—
Хищения в транспортной части	30
Топливная часть	45
Строительная часть	54

III. ДЕЛО МОСКОВСКОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА СРЕДНЕ-АЗИАТСКОЙ ЖЕЛ. ДОР. 65

Обвинительная речь 4 апреля 1926 года	66
Вступление	—
История дела	67
Сущность дела	72
Стома и его работа	—
Работы Петрицы-Петриченко	75
Договор Петрицы с Тверским лесом	—
«Прометей»	76
Договор с Петрицей	—
Моргуны	—
Первая взятка Федора Игнатенко	78
Аренда завода	79
Инглинг	—
Акционерное общество	—
Ревизии у Петрицы	82
Личность Ф. Игнатенко	83

IV. ДЕЛО СОТРУДНИКОВ ХЛЕБНОГО ОТДЕЛА ГОСБАНКА СССР. 85

Обвинительная речь 28 декабря 1927 года	—
Значение дела	—
Личность Пореца	87
Личность Семена Штерна	88
Сделки Пореца	89
Агентство при Хлебной бирже «Гавриковское»	—
Общие вопросы по сделкам	92
Политика советской власти в области хлебозаготовок	—
Двенадцатимиллионная заготовка	93
Кто перед нами?	94
За что давали	95
Комиссионеры	—
Их показания	96
Раковщик	98
Нисон Штерн	99
Парец	—
Дальше-Буртман	100
Реплика обвинителя	—
Диалектика защиты	101
Экспертиза	—
Немировский	102
Ядрия и Биржа	—
Цифры защиты	103
Факты защитника Тагера	—
Шастание овса	—
Качество овса	104
Завозность	—
И наконец бонификация	—

Движение частного зерна на элеваторах	Стр. 105
Персональная защита	—
Политические моменты в речах защиты	106
Квалификация	108

V. ДЕЛО СРЕДНЕ-АЗИАТСКИХ ВОДХОЗОВ	111
Обвинительная речь 21 марта 1928 года	112
Вступление	—
История дела	115
Взаимоотношения водхозов	118
Крупные проблемы	—
Концессионные объекты	119
Обстановка безответственности	120
Плановость	121
План 1925/26 г.	123
Поездки с планом в Москву	125
План 1926/27 г.	—
Ломка плана 1925/1926 г.	126
Выводы Госплана СССР	127
Финансирование	—
Изыскания, исследования, договоры	129
Упущен	130
Кто виноват?	131
Южно-хорезмские изыскания	—
Мургабские изыскания	132
Атрекские изыскания	—
Кара-кумские изыскания	133
Договоры (Чарджуй)	134
По Кара-Кумам	—
По Мургабу	—
Составление смет	135
Работа Технического совета	136
Строительство: Троицкий барраж	137
Управление (Аму-Дарья)	—
Узбекводхоз	138
Меручакское водохранилище	139
Арвазский лоток	140
Атрекский канал	—
Тедженская плотина	—
Керкинский канал	141
Мелиоративные товарищества	146
Механизация	—
Учет площадей	147
Снабжение	—
Об отчетности	148
Вывод	149
О штатах	—
Заключение	151
Реплика	152
Отчетность	—
Строительство	153

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

И. С. КОНДУРУШКИН

ЧАСТНЫЙ КАПИТАЛ ПЕРЕД СОВЕТСКИМ СУДОМ

Пути и методы накопления по судебным и ревизион-
ным делам 1918 — 1926 гг.

С предисл. Д. И. Курского

Стр. XVI + 240.

Ц. 2 р.

Обработанные материалы наиболее крупных должностных и ревизионных обследований за период с 1918 г. с момента действия советского суда по 1926 г., расположенные в хронологическом порядке. Выявляют типичные приемы частного капитала в его борьбе за экономические позиции, в целом — ошибки, достижения и победы Сов. власти на хозяйственном фронте. — Приложения: Списки обвиняемых по разным делам с указанием профессии и т. п.

Ю. ЛАРИН

ЧАСТНЫЙ КАПИТАЛ В СССР

Стр. 312.

Ц. 2 р. 50 к.

Исследование частной промышленности Советского Союза (за 1921 — 1926 гг.), промышленности, организованной буржуазным капиталом и основанной на эксплуатации им рабочей силы. — Первоначальное образование буржуазного капитала в СССР. Частный капитал в сельском хозяйстве, в промышленности, в торговле, на кредитном и денежном рынке. Частный капитал и налоговое обложение и др. — Использованы материалы комиссий по изучению частного капитала СССР, материалы судебных дел и т. п.

39513

//u.

3

ГЛАВНИ
УПРАВЛЕНИЕ ЗАЛ

